

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

«ОБЩЕСТВО 5.0»
ПАРАДОКСЫ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО

VII САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научно-образовательной конференции

Казань, 15–16 ноября 2019 г.

КАЗАНЬ
2019

**KAZAN FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SCIENCES
AND MASS COMMUNICATION
ACADEMY OF SCIENCES OF REPUBLIC OF TATARSTAN**

**“SOCIETY 5.0”
THE PARADOXES OF THE DIGITAL FUTURE**

VII SADYKOV READINGS

Materials of International Conference

15–16 November 2019, Kazan

**KAZAN
2019**

УДК 13
ББК 87
О-28

*Печатается по решению
Ученого совета Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Редакторская группа:

**Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, А.Р. Каримов,
Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова**

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор **В.И. Курашов**;
доктор философских наук, доцент **С.Ф. Нагуманова**

О-28 «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, А.Р. Каримова и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. – 300 с.

ISBN 978-5-00130-224-7

Материалы Международной научно-образовательной конференции «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения» содержат доклады известных специалистов по проблематике ряда социальных, гуманитарных, философских дисциплин, посвященные исследованию проблем, перспектив и рисков становящегося современного цифрового общества и места человека в нем. Особое внимание авторы уделили анализу возможностей «общества 5.0» в российской социальной реальности.

Данный сборник предназначен для преподавателей, бакалавров, магистрантов и аспирантов, для всех, кто интересуется проблемами современной социальной философии и других философских дисциплин.

**УДК 13
ББК 87**

ISBN 978-5-00130-224-7

© Издательство Казанского университета, 2019

UDC 13
LBC 87

Printed by solution of
Academic Council of the Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications
Kazan (Volga region) Federal University

Editorial Group:

G.K. Gizatova, O.G. Ivanova, A.R. Karimov,
F.F. Serebryakov, N.A. Tereshchenko, T.M. Shatunova

Reviewers:

Doctor of Philosophical Sciences, Professor **V.I. Kurashov**;
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor **S.F. Nagumanova**

“Society 5.0”: The paradoxes of the digital future. VII Sadykov’s readings: materials of the International Conference (Kazan, November 15–16, 2019) / under ed. G.K. Gizatova, O.G. Ivanova, A.R. Karimov et al. – Kazan: Kazan University Press, 2019. – 300 p.

ISBN 978-5-00130-224-7

Proceedings of the International Scientific and Educational Conference “SOCIETY 5.0” The paradoxes of the digital future. VII Sadykov Readings” contain articles of well-known specialists in a number of social, humanitarian and philosophical disciplines on the problems, perspectives and risks of the emerging modern digital society and human place in it.

The authors pay special attention to the analysis of the “society 5.0” possibilities in Russian social reality.

This collection is addressed to teachers, bachelors, masters and postgraduate students, to anyone who is interested in the problems of modern social philosophy and other philosophical disciplines.

UDC 13
LBC 87

ISBN 978-5-00130-224-7

© Kazan University Press, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдошин Г.В.</i> Сила образа в свете понятия виртуальности	7
<i>Архипова Т.В., Волобуева Ю.В.</i> Использование образовательных интернет-ресурсов на уроках английского языка в совершенствовании лексико-грамматических навыков в школе.....	13
<i>Богатова Л.М.</i> Цифра съела людей	20
<i>Бойчук С.С.</i> Индивидуальная идентичность и бренды в условиях цифрового капитализма	27
<i>Борисенков В.В.</i> Междисциплинарный и философский срезы понятия «конфликт»	34
<i>Гизатова Г.К., Иванова О.Г.</i> Национальная культура и цифровая культура: проблема взаимодействия	40
<i>Горин А.А.</i> «Виртуальное пространство» как инструмент трансформации религиозной идентичности	46
<i>Гузельбаева И.А.</i> Противоречия внедрения мультимедийных технологий в образовательный процесс (на примере изучения истории в техническом вузе).....	54
<i>Дюкина Э.А.</i> Когнитивная экология человека в эпоху интернета	61
<i>Ефанов А.А.</i> Хайп как социальное явление современного неоинформационного общества	67
<i>Зубаирова-Валеева А.С., Храмова К.В.</i> К вопросу о перспективах дальнейшей эволюции головного мозга человека	72
<i>Каримов А.Р.</i> Цифровой перегруз: трансформация когнитивных практик в эпоху интернета	81
<i>Киселева Л.С.</i> Хай-хьюм технологии в обществе будущего: сущность и назначение	94
<i>Кислый А.Е.</i> Общество 5.0. как воспоминание о будущем: от археологии до социологии будущего.....	101
<i>Козырьков В.П.</i> Социокультурные предпосылки социальной коммуникации в цифровом обществе	109
<i>Корецкая М.А.</i> Коллективное тело в эпоху новых медиа: «сетевой» и «уличный» регистры существования.....	116
<i>Либерман С.А.</i> Внимательный капитализм: к вопросу об отчуждении в эпоху социальных сетей	126
<i>Меньчиков Г.П.</i> О категории «связь состояний» в детерминизме	133
<i>Николаева Е.М., Котляр П.С.</i> Четвертая волна феминизма: манифестация цифрового действия	139
<i>Нуруллин Р.А.</i> Информационная цивилизация – утопия или реальность?.....	145

Орешина С.С. Мобильное обучение с элементами дополненной реальности по английскому языку в начальной школе	152
Плотичкина Н.В. Мифология больших данных	159
Пономарёв А.М. Социальный контекст проблематики искусственного интеллекта	165
Родичева И.С. Homo industrial: надежды, риски, перспективы	173
Рыбаков Н.С. Цифра–хаос–сеть	180
Сабурова Л.А. «Облегченная социальность»: коммуникативные особенности социальной интеграции в цифровом мире	188
Сайкина Г.К. Поколение Z: цифровой суперинтеллект или цифровое слабоумие?	194
Смирнов Р.К. А. Смит и «конец капитализма»	203
Смирнов С.В., Кавеева А.Д., Анализ социальных сетей пользователей «вконтакте» с помощью Python	210
Солодухо Н.М. ... Плюс цифровизация всей страны	219
Тайсина Э.А., Халитов Т.Н. Свет и тени цифровых технологий	225
Фатенков А.Н. О превращённых и отчуждённых формах сущего	232
Федорова Ж.В. Новая социальность новых медиа: проблемное поле явления	239
Цзэн Жун. Современные печатные средства массовой информации и распространение идей западной дипломатической мысли	246
Шалагина Г.Э., Шалагин С.В. Информационно-коммуникационные технологии в зеркале социальной философии	262
Яковлева Е.Л. Этюд об иллюзиях электронного кочевника	269
Яцюк О.Г. Цифровая культура дизайнера как новое поле исследования в искусствознании	275
Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. 5.0. и Россия. Вместо послесловия	282
Приложение	284
Dr. Lu Haiqing. Political development trends in the 5.0 era of human society	290
Prof. Zeng Rong. The international communication of XI Jinping thought on socialism with Chinese characteristics for a new era in digital era: take the “belt and road” initiative as an example	291
Prof. Zhu Hailong. The compilation and execution of a measurement of Chinese undergraduates’ moral values recognition in digital era	291
Liao Chengfeng. Research on the adaptability of university teachers’ teaching in the digital era	292
Li Yingqi. The impact of the arrival of the 5G era on China	293
Сведения об авторах	294

СИЛА ОБРАЗА В СВЕТЕ ПОНЯТИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ

*Авдошин Георгий Валерьевич,
кандидат философских наук,
доцент Казанского государственного
энергетического университета, г. Казань,
e-mail: avdoshing@gmail.com*

Аннотация

Образ рассматривается в настоящей статье как путеводитель, организующий пространство воображения, в котором движется человек. Оно находится «между» эйдетическим и вещественным мирами. Здесь перед человеком стоит выбор: победить или быть побежденным образами. Победить значит преодолеть соблазнительный мир воображаемого и направиться к умному миру идей; быть побежденным – значит затеряться в мире фантазий, который удерживает человека силой его собственных желаний.

Ключевые слова: идея, образ, вещь, воображение, виртуальность

POTENCY OF IMAGE IN THE LIGHT OF THE NOTION OF VIRTUALITY

*Avdoshin G.V.,
Ph.D., associate professor,
Kazan State Power Engineering University, Kazan*

Abstract

Image is considered in this article as a guide that organizes the domain of imagination where the man exists. This domain is placed between the level of ideas the level of sensible things. The man has here an alternative: to win or to be won by images. To win is to overpass the seductive world of the imaginary and to tend to the level of ideas. To be won is to disappear in the chimerical world that restrains us by the urgency of our own desire and devotion.

Keywords: idea; image; thing; imagination; virtuality

Одной из важных и всегда насущных забот жизни общества в его обозримой исторической перспективе была забота о мире образов. И это неудивительно, поскольку образ – серьезная сила, с помощью которой можно либо упорядочивать, либо приводить в беспорядок жизнь целого общества и отдельного его представителя. В настоящей статье мы хотим исследовать механизм работы

образов, «живущих» в нашем воображении – как они воздействуют на нас, как управляют нами, куда ведут. Осуществить нашу цель мы собираемся с опорой на классиков платонизма-аристотелизма.

Мы будем руководствоваться представлением, согласно которому видимый мир – это изображение мира невидимого. Отношения этих двух миров – это прежде всего силовые отношения. Классическое описание их мы находим у Николая Кузанского в его трактате «О видении Бога», где дан образ орехового дерева, от которого умственный взор философа переходит к его семени, где оно содержалось сначала виртуальным (потенциальным) образом, а затем развернулось в своё актуальное бытие. И так, от семени орехового дерева можно перейти к семенной силе всех деревьев, а от нее – к «абсолютной силе всех сил», прообразу всех сущих вещей – Богу. Николай Кузанский говорит: «Я вижу ещё, что, как дерево в семени не дерево, а сила семени и сила семени есть то, откуда разворачивается дерево, так что в дереве не найти ничего, не происходящего из силы семени, так сила семени в своей причине, силе сил, есть не семенная, а абсолютная сила. Стало быть, дерево в Тебе, Боге моем, есть сам Ты, Бог мой, и в тебе истина и прообраз его бытия; равным образом и семя дерева в Тебе есть истина и прообраз самого себя, то есть прообраз и дерева, и семени» [3, с. 47]. Итак, каждая отдельная вещь ведет нас к Богу, являясь Его изображением, т.е. (в данном ключе) проводником Его силы, а также проводником своей «частной» – видовой – силы.

Если посмотреть на приведенные размышления с позиции практик борьбы с образами – «не творить кумира», «изгонять художников из идеального государства» и др. – то можно трактовать запрет на изображения как запрет на незаконное использование/применение силы. Вещи как проводники силы, становясь искусственно созданными образами (скульптурами, картинами, фотографиями и т.д.), увеличивают силу с точки зрения влияния на человека и уменьшают – с точки зрения удаления от абсолютной силы. Создание образа, если подходить к «образу» этимологически – это процесс обрезания, урезания действительности-силы, процесс её расщепления на атомы, когда совершается своего рода подмена подлинного неподлинным. Если, вспоминая Платона, кровать, сделанная плотником, это лишь изображение-копия идеи

кровати, что говорить про кровать на картине художника? Картинный образ, копия копии, в такой перспективе предстает как распыление силы.

Но, с другой стороны, в образе есть противоположный момент, момент сосредоточения силы. Ведь, создавая образ, художник как бы впикивает действительность в рамку – и в ней она пребывает в сжатом состоянии, готовясь прорваться, как будет оказия, за пределы рамы. И прорыв этот будет происходить в человеке, воздействуя на него со всей силы. Мы полагаем, что именно этот момент можно обозначить понятием виртуальности образа: образ – это потенциальный источник силы, то, что может запустить, «перводвинуть» процесс проявления силы. (Виртуальность мы понимаем в классическом философском смысле, который формируется с аристотелевских понятий возможности и действительности и развивается дальше у Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Лейбница и др.)

В человеке движением образов руководит воображение. Если посмотреть на данную способность с позиций неоплатонизма (у Плотина, в первую очередь), с его базовой триадой сверхчувственных начал Единое-Ум-Душа, то воображение определяется последним началом – Душой, от которой происходит природа и чувственный космос. Здесь можно предложить такой порядок трех онтологических сфер (исключая Единое, которое сверхбытийно): Ум – это сфера идей, Душа – сфера образов, материальный мир – сфера вещей. От Ума, который представляет собой начало множественности, происходит «спуск» через Душу в вещественный мир. Точнее этот «спуск» можно назвать отражением: Ум отражается в Душе, последняя через природу – в мире. Но, собственно, *что* спускается–отражается? Нам представляется, что спускается–отражается сила, эйдетически-видовая сила (Ум), а в конечном итоге – абсолютная сила, Единое, или, в терминологии Николая Кузанского, Бог. Здесь, пожалуй, можно также предложить метафору взрыва, как перехода от точки к множеству точек. Или метафору видения, которую мы находим у Плотина в трактате «О едином, созерцании и природе» (III, 8), где он говорит о процессе возникновения вещей как о процессе созерцания природы: природа созерцает, и в результате появляются видимые вещи, точно так же, как и Ум, и Душа появляются в результате созерцания. Ум через

созерцание производит Душу, Душа – природу, последняя – множественный мир вещей [4].

Также здесь нужно вспомнить мысль Аристотеля, полагающего зрение – важнейшим из чувств, связывающего происхождение слова «воображение» (*phantasia*) со словом «свет» (*phaos*), и, самое важное, считающего, что живые существа часто действуют разнообразно своим фантазиям, «... одни – оттого, что не наделены умом – таковы животные, другие – оттого, что их ум подчас затемняется страстью или болезнями, или сном, – таковы люди» [1, с. 433].

Образы составляют пространство воображения, в котором происходит, с одной стороны, оформление невидимого в видимое, спуск эйдоса «в» образ, а затем «в» вещь; с другой стороны, обратный переход от вещи к образу, а от него к эйдосу. Образ – это первый уровень протяжения (воплощения), на котором эйдос встречается с материей, точнее – обретает место. И, в обратном направлении, это первый уровень развоплощения, на котором вещи переходят в образы.

Далее мы хотим обратиться к представлениям исламских философов-мистиков (Сухраварди, Ибн-Араби) о воображении и воображаемом мире, находящихся между эйдетическим и вещественным уровнями. Например, иранский богослов XII века Шихаб-ад-дин Сухраварди различает два воображения: пассивное и активное. Первое отражает в сознании вещи как образы и является их хранилищем. В активном воображении, в свою очередь, выделяются два полюса. На одном человек может пасть жертвой различных монструозных образов, которые начинают властвовать над ним. Двигаясь в направлении противоположного полюса, человек получает возможность очистить себя от них и «посвятить» воображение службе уму. Здесь оно становится когнитивным, или познающим воображением и может явить человеку один из главных образов – Образ Храма, *Imago Templi* [6, р. 265–266]. Если посмотреть на данную трактовку воображения с точки зрения понятия виртуальности образа, то можно допустить, что именно второй тип – активное воображение – соотносится с ним в большей степени. Ведь речь здесь идет об образах, которые имеют над нами власть: либо «негативную», когда мы захвачены навязчивыми идеями, когда нам мерещится всякая чертовщина; либо «позитивную», когда нас захва-

тывает познание и открывает нам божественное устройство мира с центральным Образом Храма. Янис Эшотс, исследователь и переводчик Сухраварди, говорит, что храм в представлениях иранского мистика понимается как универсальный принцип мироустройства, начиная с «высших разумов» – ангелов, и заканчивая растениями и минералами. Каждый уровень бытия имеет свой «храм» (общее значение арабского слова «хайкал», используемого Сухраварди, – «форма», «фигура»). По мнению Эшотса, «храм» аналогичен платоновскому эйдосу [5, с. 496].

Сделаем такое предварительное заключение: воображение и его «единица» образ являются промежуточным регионом циркуляции единой силы, распадающийся на виды и единичные вещи – сверху вниз и собирающийся в единой точке – снизу вверх. В перспективе исторического развития можно выделять отдельные эпохи, где доминирует режим воображения – в противоположность режимам борьбы с ним. Согласно исследователю Йоану Петру Кулиану к таким эпохам относится Возрождение: оно строилось на воображении, образ представлял собой центральную «единицу» реальности, выступая основой деятельности, теоретической и практической. Уходящее в Средневековье движение «Верные Любви», Марсилио Фичино, Джордано Бруно, Макиавелли – эти и многие другие деятели Ренессанса занимались исследованием образа, того, как он влияет на человека, как с его помощью можно управлять человеком и целым обществом (особенно это касается Бруно, главному герою книги Кулиану «Эрос и магия в эпоху Возрождения»). Кулиану пишет: «Культура Возрождения была... фантазийной. Опираясь прежде всего на воображаемое... она во всей полноте раскрыла способность человека *активно влиять на воображение и пользоваться им*. И создала целую философию эроса, в которой воображаемыми образами, наполнявшими прежде всего глубины сознания, в итоге можно было неограниченно управлять. Эта была культура, твердо верившая в могущество образов, порожденных воображением и связывающих того, кто их создает, с воспринимающим. Культура, наполненная убежденностью, что в глубине сознания как раз и проявляются сверхъестественные силы – демонические или божественные» [2, 365-366]. Реформация, по мысли Кулиану, ввела запрет на воображаемое, открыв дорогу Новому времени с его научной рациональной картиной мира.

Следуя логике этого исследователя, нетрудно увидеть, как вообразимое «выбирается из оков» в XX веке, когда открывается сфера бессознательного, когда образ снова обретает силу в культуре, становясь в центре множества практик искусства и общественной деятельности. Образ – средство управления, манипуляции, начиная от наружной рекламы и заканчивая компьютерными боями, где индивиду предлагаются «какие хочешь» роли на выбор.

Подведем итог. Нескончаемая циркуляция от Единого к многому и обратно осуществляется по принципу распыления и собирания силы. Умный мир идей – онтологический уровень сосредоточения силы, тогда как вещественный мир – уровень ее распыления. Между ними находится воображаемый мир, мир образов, который представляет собой пространство борьбы и взаимодействия этих двух крайних миров. Для человека в нем намечается либо путь «наверх», от образов к идеям, либо путь «вниз», от образов к вещам. Что касается силы образа, то она проявляется здесь «скрыто-открыто», «полуобнаженно», пробуждая желание человека и подвигая его либо к любовному единению с желанным, либо к любовному разъединению с ним.

Литература

1. *Аристотель*. О душе / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 369–451.

2. *Кулиану Йоан Петру*. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. – 592 с.

3. *Николай Кузанский*. О видении Бога / Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1980. – С. 33–94.

4. *Плотин*. О природе, созерцании и едином // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и Средние века (исследования и переводы). – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 497–516.

5. *Эшотс Я.Г.* Несколько слов об образе Храма в произведениях Шихаб-ад-дина Сухраварди // Храм земной и небесный. Вып. 2. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 491–499.

6. *Corbin Henry*. *The Imago Templi in Confrontation with Secular Norms* // Corbin Henry. *Temple and Contemplation*. Tr. Philip Sherrard, London: Kegan Paul International in association with Islamic Publications Ltd., 1986. – pp. 263–390.

УДК: 371.3.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ШКОЛЕ

*Архипова Татьяна Валерьевна,
студентка Сургутского государственного
педагогического университета,
e-mail: tanya_irisska@mail.ru*

*Волобуева Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент Сургутского
государственного педагогического университета,
e-mail: july_bopp@mail.ru*

Аннотация

В данной научной статье представлено понятие образовательных Интернет-ресурсов, а также проанализированы самые популярные образовательные Интернет-ресурсы, которые используются на сегодняшний день учителями английского языка в школах, гимназиях и лицеях.

Ключевые слова: образовательный Интернет-ресурс, информационные технологии, обучение, модернизация образовательного процесса, инновация, образование, Интернет, электронное образование.

USING OF EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES IN ENGLISH LESSONS IN IMPROVING LEXICAL AND GRAMMATICAL SKILLS AT SCHOOL

*Arkhipova Tatiana Valerievna,
Student (bachelor) of Surgut State Pedagogical University, Surgut*

*Volobueva Julia Vladimirovna,
Ph.D., associate professor of Surgut State Pedagogical University, Surgut*

Abstract

The term of educational Internet resources is represented in this scientific article. The most popular educational Internet resources that are used today by English teachers in schools, gymnasiums and lyceums, are analyzed.

Key words: educational Internet resource, information technology, training, modernization of the educational process, innovation, education, Internet, e-education.

Сегодня мы не можем представить себе мир без сети Интернет. Данная инновация обязательно присутствует, так или иначе, ежедневно в жизни современного человека. Будь то развлечения или же поиск ценной информации, мы прибегаем к помощи именно сети Интернет. Так почему же не использовать данную инновацию в образовательном процессе, где она сможет привести к достижению больших результатов?

Развитие информационных технологий обусловило появление новой формы образования – электронного образования (e-learning), то есть обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий. Основой электронного образования являются электронные образовательные ресурсы.

На наш взгляд, Интернет-ресурсы на сегодняшний день используется не в полной мере. Некоторые учителя и вовсе пренебрегают данной инновацией, ссылаясь на традиционные достаточно эффективные методы обучения. Правильно ли это? Мы считаем, что нет. Меняется время, меняется государственный заказ, обновляется система образования, меняется общественное сознание, происходит модернизация образовательного процесса. Всё это требует и обновления методов и способов обучения.

Одной из глобальных инноваций в последние десятилетия стало применение ИКТ и сети Интернет в жизни человека. По нашему мнению, необходимо применять данные инновации и на уроках английского языка.

Современные средства обучения существенно изменяют методы учебной работы, они по-новому, нежели печатные пособия, организуют образовательный процесс. Современные средства обучения помогают создавать интересные уроки для детей, привлекать их внимание, повышать активность учащихся на уроке, а также, что немаловажно, повышают мотивацию к изучению предмета. Существует множество трактовок понятия «электронный ресурс».

По ГОСТу 52653-2006, под электронным образовательным ресурсом понимают образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме, для использования которого необходимы средства вычислительной техники [1].

В более раннем ГОСТе Р 53620-2009 мы встречаем следующее определение: Электронный образовательный ресурс (ЭОР) –

основной компонент информационной образовательной среды (ИОС), который ориентирован на реализацию образовательного процесса с помощью информационно-коммуникационных технологий и на применение новых методов и форм обучения [2].

Согласно новому словарю методических терминов и понятий под редакцией Э. Г. Азимова, учебные Интернет-ресурсы – это специальные учебные материалы, размещенные в Интернете для изучающих иностранные языки – образовательные порталы, курсы дистанционного обучения, электронные словари, авторские системы, электронные библиотеки, учебные веб-страницы и др.[3, с. 488].

Анализируя понятие электронных интернет ресурсов, мы обратились и к электронным публикациям статей, где сказано, что электронные образовательные ресурсы (ЭОР) – это средства программного, информационного, технического и организационного обеспечения учебного процесса [4].

В городе Сургуте нами было проведено анкетирование среди учителей английского языка. На основе полученных данных нам удалось выявить следующее:

1. 100% учителей АЯ используют образовательные Интернет-ресурсы в ходе своей работы с учащимися на уроках.

2. Около 83% опрошенных учителей используют образовательные Интернет-ресурсы ежедневно и только 17% опрошенных учителей используют образовательные Интернет-ресурсы реже, чем раз в месяц.

3. На своих уроках учителя английского языка используют следующие образовательные Интернет-ресурсы: Learningapps, Quizlet, Открытый банк ФИПИ, Решу ЕГЭ/ОГЭ, Сайт издательства «Просвещение», Agendaweb, LearnEnglishteens, Englishteacher, NativeEnglish, а также учителя даже создают свои собственные сайты для работы на уроках, так, например, был указан сайт, созданный самим учителем АЯ langen.sdo86.ru

4. 90% учителей утверждают, что детям очень нравится работа, которая включает в себя использование образовательных Интернет-ресурсов, остальные 10% полагают, что детям подобная работа нравится чуть больше обычной.

5. 100 % учителей АЯ считают необходимым использование образовательных Интернет-ресурсов на уроках английского языка.

6. Как показало исследование, во всех школах, в которых проводился данный опрос, есть все возможности (материальные и технические) для использования образовательных Интернет-ресурсов на уроках.

Вывод: В результате проведенного анкетирования мы смело можем утверждать, что учителя английского языка активно используют образовательные Интернет-ресурсы на своих уроках. Каждый из учителей имеет свои предпочтения в выборе популярной готовой платформы или же создаёт свой сайт для работы с учениками самостоятельно. В ходе прохождения практики я наблюдала за двумя разными учителями АЯ и хочу отметить, что один из учителей каждый свой урок проводит очень ярко и интересно, благодаря использованию образовательных Интернет-ресурсов, а вот другой учитель, как раз наоборот, пренебрегает частым использованием образовательных Интернет-ресурсов, и его уроки кажутся не столь захватывающими. Ведь согласно нашему исследованию, дети очень любят уроки, на которых учитель использует образовательные Интернет-ресурсы, повышая познавательный интерес обучающихся к предмету.

На сегодняшний день очень важным компонентом современного урока английского языка является использование образовательных Интернет-ресурсов. Они могут быть использованы для достижения разных целей и значительно упрощают работу учителя. К тому же детям урок с использованием образовательных Интернет-ресурсами кажется намного ярче и привлекательнее, что позволяет повысить мотивацию учащихся к обучению. Сегодня в сети Интернет существует огромное количество ресурсов как образовательных, так и не имеющих отношения к образованию. Для упрощения поиска мы можем предложить коллегам, учителям английского языка использовать на своих занятиях образовательные Интернет-ресурсы, которые являются лидерами в нашем исследовании, а именно: Learningapps, Quizlet, Открытый банк ФИПИ, Решу ЕГЭ/ОГЭ, Agendaweb. Данные образовательные Интернет-ресурсы позволяют современным учителям делать свои уроки на-

много более увлекательными, позволяют раскрыть весь творческий потенциал учителя английского языка.

Задача учителя, обучающего детей иностранному языку, в данном случае состоит в том, чтобы организовать обучение на основе строгой грамматической системы, изучение которой в то же время не было бы самоцелью для обучающегося, однако осознавалось бы как необходимое условие понимания в процессе коммуникации. Учитель должен, умело подбирая упражнения для активного усвоения грамматики, подвести обучающегося к полноценному владению иноязычной речью.

Повысить качество формирования речевых лексико-грамматических навыков невозможно без многократного употребления языковых единиц в речи, поэтому учащийся должен неоднократно повторять свои действия в рамках тренировочных заданий. Использование образовательных Интернет-ресурсов позволяет сделать эту отработку менее рутинной и более разнообразной.

Для того, чтобы понять, как же всё-таки учитель может использовать образовательные Интернет-ресурсы на своих занятиях, необходимо понимать, что такое урок. Итак, рассмотрим несколько высказываний российских педагогов. «Урок – это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора, эрудиции», – писал известный педагог В.А. Сухомлинский. М.Н. Скаткин же определяет урок следующим образом: «Урок – клеточка педагогического процесса. В нем, как солнце в капле воды, отражаются все его стороны. Если не вся, то значительная часть педагогики концентрируется в уроке». Оба эти высказывания ориентированы на осознание урока как уникальной деятельности. С чем мы должны согласиться, ведь каждый учитель по-своему выстраивает свой урок, добавляя увлекательные задания, тесты, аудиоматериалы. Интернет-ресурсы значительно помогают современным учителям при подготовке к урокам.

На сегодняшний день существует несколько видов урока, но самым популярным из всех, по-нашему мнению, является урок комбинированного типа, который мы и возьмём за основу для дальнейшего анализа.

Согласно структуре комбинированного урока, рассмотрим возможность использования образовательных Интернет-ресурсов на каждом этапе обучения в школе.

Нами был разработан и проведён экспериментальный урок английского языка, способствующий формированию лексико-грамматических навыков путём изучения лексики по теме «Dancing and adverts» и употребления Present Continuous Tense в условиях реализации ситуации живого общения с использованием образовательного Интернет-ресурса «Film-English.com».

Ход урока.

1. Преддемонстрационный этап.

Write «ways of moving the face and body» on the board. Elicit or explain some examples such as: to jump; to wink; to raise your eyebrows; to hop; to leap. Ask students to come up with as many examples as they can. Set a time limit of 3 minutes. Get feedback from the whole class. If students haven't come up with the following verbs, elicit them by demonstrating them. It's probably best not to try to do a somersault, handstand or back flip! After that give the students vocabulary material.

Face

to wink – подмигивать

to blink – закрывать глаза, мигать

to open your mouth wide – широко открывать рот

to lick – облизывать

to stick your tongue out – показывать или высовывать язык

to raise your eyebrows –подниматьброви

to roll your eyes – закатывать глаза

to grimace – гримасничать

Body

to dance – танцевать

to kick – пинать

to punch – ударить что-то рукой

to beat your chest – стучать по груди

to put your hands on your hips – положить руки на бёдра

to stroll – стремительно идти

to march – шагать, маршировать

to shake an arm – трясти рукой

to clap – хлопать

to do a handstand – стоять на руках

to crawl – ползать
to leap – скакать, резко прыгать, перепрыгивать
to do a somersault – сделать кувырок
to do a back flip – сделать сальто назад
to fall backwards – упасть назад
to raise your hands above your head – двигать руками над головой
to shake your body – двигать телом, двигаться, трястись
to run up stairs – бежать вверх по лестнице
to stomp – топать
to tiptoe – ходить на цыпочках

2. Демонстрационный этап.

Tell your students they are going to watch a short video in which they will see a young woman performing a number of movements. As they watch they should try to think of the name of each movement. Show the video from the website <http://film-english.com/2017/05/23/kenzo-world/>.

3. Последемонстрационный этап.

Ask children to tell their partners the movements they remember. Get feedback from the whole class on the movements they can remember. Ask them to demonstrate each movement.

Tell your students they are going to watch the video again. This time you are going to pause at each movement and ask them to describe what she is doing using present continuous tense.

Tell your students that the video is in fact an ad. Put them into small group and ask them to speculate about what the video is advertising. Hold a whole class discussion on what the video is advertising. Finally tell them it is an ad for a perfume.

Литература

1. ГОСТ Р 52653-2006

2. ГОСТ Р 53620-2009

3. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст]: Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 448 с.

4. История и обществознание, статья «Что такое ЭОР и ЦОР?». – URL: <http://hi-electres.ru/index.php/pages/eor-i-tsor/143-что-такое-eor-i-tsor.html>

5. Film English [Электронный ресурс] – URL: <http://film-english.com/> (Дата обращения 01.10.2019)

УДК: 1:316.6

ЦИФРА СЪЕЛА ЛЮДЕЙ

*Богатова Лариса Михайловна,
доктор философских наук, профессор кафедры
общей философии Казанского федерального университета,
E-mail: bolami@inbox.ru*

Аннотация

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современных социально-философских исследований – влияние процесса цифровизации на трансформацию человека и общества. Автор обращает внимание на ряд позитивных моментов, которые связаны с активным внедрением и применением цифровых, информационных технологий. Вместе с тем автор указывает на процессы деформации атрибутивных антропологических характеристик, которые напрямую связаны и детерминированы процессом цифровизации. Речь идет о глубоких изменениях таких антропологических структур как мышление, память и речь. Особое внимание в статье уделяется анализу изменений, происходящих под воздействием цифровизации в механизмах социализации и инкультурации, в структуре и содержании живого межличностного общения.

Ключевые слова: информационные технологии, технологическая революция, цифровизация, прогресс, общество, социум, культура, человек антропологические атрибутивные характеристики

THE FIGURE ATE PEOPLE

*Bogatova L.M.
doctor of philosophy, Professor of the Department
of General philosophy of Kazan Federal University,
E-mail: bolami@inbox.ru*

Abstract

The article deals with one of the topical problems of modern social and philosophical research-the influence of the process of digitalization on the transformation of man and society. The author draws attention to a number of

positive aspects that are associated with the active introduction and application of digital, information technologies. At the same time, the author points to the processes of deformation of attributive anthropological characteristics, which are directly related and determined by the process of digitalization. We are talking about profound changes in such anthropological structures as thinking, memory and speech. Special attention is paid to the analysis of changes occurring under the influence of digitalization in the mechanisms of socialization and inculturation, in the structure and content of live interpersonal communication.

Keywords: information technologies, technological revolution, digitalization, progress, society, society, culture, human anthropological attributive characteristics

Название статьи есть не что иное как парафраз известных слов «овцы съели людей» из «Утопии» Томаса Мора, которые настолько точно и метко выразили суть происходящих в Англии в XVI веке экономических перемен, вошедших в историю под названием «огораживание», что со временем стали народной пословицей. Вытеснение людей с обжитых мест для увеличения пастбищ необходимых для разведения овец, чтобы производить шерсть, продажа которой в те времена приносила баснословную прибыль, удивительным образом как своеобразная аллюзия перекликается с процессом цифровизации, стремительно развернувшимся в пространстве современной культуры. Цифровизация всех сфер социальной жизни происходит так быстро и стремительно, а инициированные ею изменения так глубоки и радикальны, что возникает необходимость дать оценку происходящих перемен. Как-то сами собой возникают сомнения относительно сохранения человека в его «традиционном» качестве – основного субъекта социальности. Признаки трансформации классической антропологической парадигмы, сформированной всем историческим массивом предыдущих этапов развития культуры, настолько контрастны и рельефны, что возникает необходимость философского осмысления происходящих перемен образа человека и прогнозирования дальнейших антропологических метаморфоз. В условиях информационно-революции как никогда актуализируется рассмотрение антропологической проблематики в футурологическом контексте. Отнюдь не праздным становится интерес к проблеме,

к какому финалу может привести человека в качестве особой бытийной инстанции цифровизация и действительно ли имеются реальные основания для пессимистического заключения, которое можно выразить репликой «цифра съела людей» или эти опасения ошибочны и напрасны.

Для более внятного понимания логики рассмотрения поставленных проблем необходимо представить некоторые соображения.

Во-первых, было бы весьма недальновидно занимать позицию ретрограда в отношении процессов, которые обозначены как технологическая, информационная, цифровая или IT революции. Конечно же, технологический прогресс колоссальными темпами, неумолимо кардинально меняет, буквально искореняет привычный, устоявшийся уклад жизни, и прежде всего это касается каналов социальной коммуникации. Но было бы просто неумно отрицать очевидные преимущества новых информационных технологий. Радикально изменились способы получения, использования и хранения информации, что во многом облегчило ее поиск и позволило сэкономить время и привнесло в жизнь массу другого комфорта. Цифра позволяет решать многие проблемы, не выходя из дома, буквально «лежа на диване».

Во-вторых, было бы нелепо отрицать и те колоссальные *социальные* возможности, которые открывают новые информационные технологии, уже приведшие к ощутимым социальным последствиям. Достаточно отметить, что политологи и социологи сейчас активно обсуждают появление новых социальных групп и категорий, социальный статус которых еще строго не определен и которые пока фигурируют как фриланстеры или самозанятые, либо как прекариат или протокласс¹. Речь идет о той категории лиц, профессиональная, трудовая деятельность которых и, соответственно, получение доходов в основном связаны исключительно с Интернет-пространством. К примеру, по оценке ряда экспертов в России на данный момент численность этой категории уже достигает 30% от общей численности трудоспособного населения.

---

¹ Более подробно об изменениях социальной стратификации, происходящих в условиях технологической и информационной революций, можно ознакомиться в дискуссионной по постановке ряда проблем монографии Тощенко Ж.Т. «Прекариат: от протокласса к новому классу» [1].

В-третьих, к анализу многообразных форм поступательного движения вперед необходимо подходить с позиций *диалектики* и не игнорировать то существенное обстоятельство, что все прогрессы – общественный, экономический, исторический, социальный, нравственный, научный, технологический и т.д. – внутренне конфликтны и противоречивы, о чем в свое время одним из первых рассуждал Ж.Ж. Руссо в своем сочинении «Размышления о науках и искусствах» (1755 г.). Любое кардинальное изменение несет в себе противоречие, и помимо явных приобретений имеют место порой скрытые, но невосполнимые, значительные потери. Исторический опыт свидетельствует, что и в прежние времена технический прогресс проходил отнюдь не без ущерба, порой многое круша и ломая. К примеру, изобретение телефона резко изменило стили и способы живого общения. Ушел из обихода обмен визитами, резко поблек эпистолярный жанр – один из распространенных в прошлом способов общения. Изобретение синема, а затем и телевидения сильно сотрясли театральные подмостки и т.д.

В-четвертых, в истории общества технические перевороты и научные революции до наступления эпохи «общество 5.0» случались уже не раз. Однако предыдущие научно-технические революции, что называется, не поражали мишень в самую десятку, а именно – самого человека. Прежние технические модернизации коренным образом меняли технологии, энергоносители, синтетические материалы, бросая все свои грандиозные достижения к ногам человека.

Сейчас сложилась принципиально иная ситуация. Информационная революция XXI века по сути дела *впервые* поставила с полной серьезностью вопрос о сохранении самого человека в его бытийном статусе в качестве «перспективного центра всего мироздания» (Н.А. Бердяев). Человек долго стойко выдерживал многие новшества различных развернутых им прогрессов. Но нынешняя информационная революция, тотальная цифровизация социального пространства резко изменила некоторые диспозиции. Из удобного, сберегающего массу времени инструмента, информационные технологии постепенно превращаются в доминанты в системе «техника – человек». Человек уже низводится до приложения к ин-

формационной среде, превращается в ее вспомогательный элемент, по сути, становится «инструментом инструмента».

В силу значимости, последнее замечание требует развернутых комментариев, которые можно расценивать как своего рода предостережение тем, кто пребывает в некой IT эйфории и акцентирует внимание исключительно на позитивных сторонах информационных технологий, явно гипертрофируя их преимущества, допуская тем самым некоторую недалекость и легкомыслие. Следует обратить внимание, что в настоящее время в научном сообществе, особенно среди специалистов в области психологии, акмеологии, философской антропологии, культурологи, этики, эстетики и ряда других гуманитарных областей превалирует тревожная тональность относительно перспектив присутствия человека в цифровом интерьере, обустроенном в пространстве современной культуры. Для подобных в разной степени скепсиса умозаключений имеются веские причины, которые можно представить по следующим основным направлениям.

Во-первых, одно из самых негативных следствий информационных технологий для человека заключается в их колоссальном воздействии на изменение самой *природы человека*, в деформирующем влиянии на атрибутивные антропологические характеристики, такие как мышление, память и речь. Представители когнитивной психологии устали писать о набирающей динамику трансформации базовых когнитивных структур под влиянием процессов информатизации, по крайней мере, уже у двух поколений, получивших обозначение «Y» и «Z», становление которых проходило в уже новых социокультурных обстоятельствах. В научный обиход прочно вошло понятие «клиповое мышление», или разодранное, фрагментированное, которое несет в себе далеко не позитивные характеристики, а, напротив, отличается снижением способности к воображению, абстрактному моделированию, оперированию абстрактно-логическими конструктами. Совершенно не случайно новый учебный год в средней школе ознаменовался нововведением: в учебный процесс в начальной школе ввели преподавание шахмат. Это можно воспринимать, как попытку компенсировать и скорректировать провалы в когнитивном развитии, буквально нарастить мощности мыслительного, абстрактно-логического инструмен-

тария. Как отмечают психологи, серьезные проблемы возникают и с буферной памятью, ее «байты» так же невысоки по сравнению с другими поколениями. Осадок от мощных потоков информации, которая к тому же легко доступна, к сожалению, невелик. Идущие под массивированным воздействием цифровизации изменения, которые затрагивают самые глубинные, сугубо субъектные структуры и характеристики, присущие исключительно человеку, выражающие его исключительность и уникальность, настолько радикальны, что могут иметь как для самого человека, так и для культуры в целом поистине печальные последствия. Так, ставшая уже заметной трансформация базовых антропологических характеристик подвела западных футурологов к мысли, что в недалеком будущем основным критерием социальной стратификации станут не материально-экономические и социально-политические, а интеллектуальные факторы. Оформится интеллектуальная и, соответственно, управляющая элита, отрыв которой от общей, не очень образованной массы будет колоссальным и постоянно нарастающим. Интеллектуалы не будут своим умом обслуживать потребности «среднего слоя среднего класса», в будущем «образованные невежды» обслуживать будут их.

Во-вторых, цифровизация социального пространства коренным образом изменила механизм социализации и инкультурации. Добавились новые, мощные по воздействию на личность каналы социализации, что сделало этот процесс более многофакторным, полифоничным, плюральным, более действенным и доступным и, соответственно, трудно управляемым и контролируемым. В современных условиях явно нарастает хаотичность процесса социализации, ее неконтролируемость, о чем прямо заявляют политологи, социологи, культурологи и педагоги. Трансформации структуры и содержания процесса социализации настолько глубоки, что привели к появлению нового феномена, уже обозначенного специалистами как «разрыв социальности», который выражает атрофию непосредственных, самых близких, традиционных связей и отношений между людьми – семейных, родственных, дружественных, личных и т.д. Бесспорно, изменение характера и способов социализации напрямую отражается на функционировании многих

фундаментальных, базовых общественных структур и институтов, в первую очередь, таких как брак и семья.

В-третьих, одно из самых сильных воздействий со стороны информационных технологий испытало живое человеческое общение, которое представляет собой своеобразное цементирующее начало, скрепляющее социум в качестве системы отношений и связей между людьми. В сфере общения процесс цифровизации инициировал в определенном смысле парадоксальную ситуацию. С одной стороны, резко, лавинообразно разрастается «массив» общения: появляются новые формы общения, к примеру, многочисленные сайты знакомств, Интернет-клубы по интересам, «Одноклассники», Инстаграм, бесконечное собирание лайков и многое другое – все это явные иллюстрации потребностей в общении. Но с другой стороны, наметился дефицит живого межличностного общения. Живое, контактное, непосредственное общение отодвигается на периферию. Общение между людьми становится все более дистантным, анонимным и по ряду признаков формальным. Цифровизация социальной среды породила новый вид коммуникации – общение без общения. Отсутствие эмоционально-психологической потребности в живой форме общения демонстрирует тенденция к его сворачиванию, оно сжимается как шагреновая кожа. Причин этому явлению множество, о чем компетентно рассуждают представители психологии. Но само по себе появление этого явления не может не волновать, поскольку раздробление, «атомизация» общества, вызванная разрывом традиционных связей и отношений между людьми в недалеком будущем с необходимостью может привести к появлению принципиально новой модели социума, контуры которой проявляют себя уже сегодня.

По всей вероятности, обозначенные процессы в недалеком будущем будут только нарастать, детерминируя все новые трансформации как человека, так и общества. Хочется думать, что в отдаленной перспективе жизнеспособные тенденции в очередной раз возобладают, и человек стойко выдержит еще не один этап развернутой им же цифровизации. Думается, что вихрь антропологических метаморфоз, вызванных цифровизацией, в конечном итоге приведет к позитивному результату, и ситуация выстроится весьма целесообразно и разумно – не человек во власти цифры, а цифра во власти человека.

Литература

1. Тощенко Ж.Т. «Прекариат: от протокласса к новому классу». – М.: Наука, 2018. – 350 с.

УДК 111.12

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И БРЕНДЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Бойчук Сергей Сергеевич,

*кандидат философских наук, доцент Луганского
национального университета имени Тараса Шевченко,*

e-mail: overbaring@mail.ru

г. Луганск

Аннотация

В статье рассматривается место и роль брендов в формировании личностной идентичности в условиях общества потребления, возникшего в результате трансформации позднего капитализма. Показано, что отождествление потребителя с товарами и брендами, которые становятся ключевыми маркерами групповой принадлежности, опознания и описания себя, превращают потребление в важнейшую часть повседневности и идентичности. Особое внимание уделено процессу переноса ценностного ряда, транслируемого брендом и выражающего его сущность, на смыслы и ценности личности. Зафиксирован парадокс возникновения особых социальных ниш, ориентированных на потребление определенного спектра товаров, выступающий в качестве основного фактора развития современного общества цифрового капитализма. Производителями товаров поддерживается потребление общих брендов, которые закрепляют существование таких общностей/сект/субкультур в пространстве единства знаков, подчеркивающих идентичность и групповую лояльность.

Ключевые слова: идентичность, потребительское общество, бренд, брендовая идентичность, консьюмеризм, технологии бренда, престижное потребление, брендовая лояльность, субкультура, нишевое потребление.

INDIVIDUAL IDENTITY AND BRANDS UNDER THE CONDITIONS OF DIGITAL CAPITALISM

Bojchuk S.S.

*PhD in Philosophy, Associate Professor
of Taras Shevchenko State University, Luhansk*

Abstract

The article considers the place and role of brands in the formation of personal identity in consumer society arose from the transformation of late capitalism. It is shown that the identification of consumers with goods and brands, which become key markers of the group affiliation, identification and self-description, turn consumption into an essential part of everyday life and identity. Particular attention is paid to the process of transferring the value, transmitted by the brand, to the meanings and values of the individual. The paradox of the emergence of special social niches focused on the consumption of a certain range of goods is fixed. This process acts as the main factor in the development of the modern society of digital capitalism. Manufacturers of goods support the consumption of common brands that reinforce the existence of such communities/sects/subcultures in the space of unity of signs that emphasize identity and group loyalty.

Key words: identity, consumer society, brand, brand identity, consumerism, prestigious consumption, brand loyalty, subculture, branding technologies, brand loyalty, niche (clan)-consumption.

Произошедшая в течение XX столетия социокультурная трансформация согласно оценке большинства социологов и философов привела к торжеству «парадигмы потребления», которая сменила собой главную ориентацию общества Модерна и промышленного капитализма на производство [1, с. 122–123]. Наиболее полно данный процесс выразился в том, что работа как «призвание и профессия» становится все менее значительным фактором в формировании и обретении идентичности. В то же время именно потребление предоставляет каждому индивиду наиболее широкие возможности практически неограниченного ничем конструирования личной идентичности посредством приобретения и присваивания различных элементов, создающих не только ощущение свободы выборы, но и дарящих переживание иллюзии индивидуальности. «Интегрированными в строй производства предметами покупки и по-

ребления становятся не только вещи, но и потребности, чувства, знания, желания, страсти и сами отношения, начинает исчезать зазор между ролью человека, которую он играет в обществе, и его внутренней, индивидуальной сутью, он становится, в том числе и для себя самого, тем, что потребляет» [1, с. 73–74].

Существует значительное количество работ, посвященных проблеме места и роли брендов в глобальной экономике в целом, и потребительской культуре современности в частности. Так, в литературе, посвященной феномену бренда в сложной реальности современной экономики впечатлений, особое место принадлежит книге А. Випперфюрта «Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию», в которой показана технология продвижения бренда посредством присвоения потребителями ценностей и значений, ассоциируемых с брендом, а также раскрыты механизмы участия потребителей в его строительстве и развитии [см.:2]. Также интерес представляют статьи, раскрывающие основы философско-антропологической интерпретации бренда в современной культуре [3], показывающие тупики потребления и разложения человеческого Я в процессах неограниченного потребления и отождествления себя с брендами [4].

Идентификация потребителя с товарами и брендами, которые становятся ключевыми маркерами групповой принадлежности, опознания и описания себя, превращают потребление в важнейшую часть повседневности, несущую основу социальности и силу, определяющую собой социальные иерархии и взаимодействия. При этом центральная роль процесса потребления в новых социально-экономических условиях вместе с идеологией консьюмеризма выполняют важную функцию, стимулируя производство и обеспечивая быстрый оборот товаров, основой которого выступает их ускоренное обесценивание и зависимость изменений меновой стоимости от колебаний вкусов, предпочтений и модных трендов.

Кроме того, современные крупные корпорации в большей степени видят свои цели в особой заботе о нуждах и предпочтениях потребителей, что, в свою очередь, также приводит к тому, что вопросы и нужды производства оказываются подчинены ценностям потребителей. Наиболее показательной иллюстрацией данного смещения акцентов в современной парадигме перехода от мо-

дерна к постмодерну или «текущему модерну» является отказ от фордистских методов производства ради стремления производить товары для более гибких и дифференцированных нужд потребителей при обслуживании преимущественно нишевых рынков.

Парадокс возникновения особых социальных ниш, ориентированных на потребление определенного спектра товаров, отмечается исследователями в качестве основного фактора развития современного общества цифрового капитализма. Среди тенденций глобальной трансформации человечества в начале XXI века одной из ведущих оказывается распад общества на «индивидов, объединенных некритически воспринимаемыми ими объектами (секты)» [5, с. 6]. Термин секты в данном контексте с легкостью заменяется традиционным понятием субкультуры, то есть «формой притяжения единомышленников, построенной на сходном мировосприятии и поведенческих паттернах, похожих ментальных и физических способах самоутверждения и единообразном построении своего визуального образа» [6, с. 55]. При этом субкультура, как правило, выступает своеобразным генератором альтернативных адаптивных стратегий и поведенческих моделей в экономической и политической сферах, трансформирует базовую нормативную систему ценностей и создает формы контриденцичности.

Бизнес оказывается крайне заинтересованным в существовании подобных социальных групп, возникших на основании общности паттернов поведения, ценностей и образа жизни. Укрепляется и поддерживается потребление общих товаров и брендов, которые закрепляют существование данной общности/секты/субкультуры в пространстве единства знаков, подчеркивающих идентичность и групповую лояльность. Важной целью в такой ситуации становится развитие и содействие с помощью разнообразных бизнес-технологий созданию специфических моделей поведения и групповой принадлежности, формирующих пространство новых рынков и новых групп потребителей, объединенных символами, ритуалами, логотипами [см.: 4].

Необходимым итогом описанных тенденций является утверждение такой социокультурной и экономической ситуации, в которой главной фигурой становится не производитель, а потребитель, не рабочий, а покупатель. Это, в свою очередь, запускает более

глубинную трансформацию и перестройку всей социально-экономической структуры современных развитых обществ. Так, вследствие того, что культурные практики общества потребления не просто делают возможным, а именно призывают индивида конструировать собственную идентичность посредством брендов, покупок и переживаемых новых эмоций, структура социума разрушается в децентрации социального взаимодействия. Наряду с возникновением новых идентичностей, потребление приводит к расширению пространства борьбы и распространению конфликтов через вовлечение в постоянное конкурентное противостояние за признание и символические статусные иерархии все большего числа социальных групп. В частности, примером такого конфликта за социальный статус через создающую ткань общества символические обмены может служить противостояние поклонников продукции Apple с ее противниками, которое прекратится только в случае закрытия компании Apple и последующей за этим поломкой всех устройств, произведенных главным бунтарем в сфере IT.

Многочисленные социологические исследования, направленные на раскрытие особенностей социальных трансформаций последних десятилетий, показывают, что удовольствие от потребления основывается не на использовании уже купленного товара или услуги, а на ожидании приобретения вещей. Социологи и психологи подчеркивают особую роль предчувствия и приготовления к процессу покупки: все знают и часто замечают, сколько времени тратится на просмотр журналов, рекламирующих или просто рассказывающих о новинках, прогулки перед витринами, изучение страниц интернет-магазинов в поиске товаров и в предвкушении будущей покупки. Так, Колин Кэмпбелл вводит в научный оборот понятие «романтической этики» потребления, то есть особой системы ценностей и переживаний, поддерживаемой современным духом консьюмеризма и основанной сугубо на желании, поощряемом и возбуждаемом индустрией рекламы [см.:7]. При этом, согласно мысли ученого, наибольшее удовольствие, вызывающее сильнейшее привыкание, оказывают многообразные социально организованные практики ожидания, поисков и желаний товаров, которые полностью заслоняют собой сам факт использования вещи.

Также внимание антропологов и социологов привлекает и проблема нишевого или субкультурного потребления, которое играет все возрастающую роль в общей системе консьюмеризма. В частности, одной из важных тенденций, набирающих значительные темпы и должной стать серьезной преобразующей силой пространства общества потребления в ближайшем будущем, является так называемое «зеленое» потребление [см.: 8]. «Зеленое» потребление объединяет вместе стиль жизни, структуру социальных статусов, экологические ориентиры, систему ценностей и идеалов, кроме того, показательным в данной ситуации оказывается устойчивая связь между ценностями и стабильным потреблением, ориентированным на строго определенный сегмент товаров.

В результате глобальной социетальной трансформации последних десятилетий идентичность личности становится все более свободной от таких традиционных маркеров идентификации, как этнический, гендерный, профессиональный. При этом усиливается значение спектра иных приобретенных идентичностей и групповых лояльностей. Одной из таких новых сил, преобразующих понимание человеком того, кем он является, выступает брендовая идентичность, формирующая фундаментальные поведенческие паттерны, как потребительских стратегий, так и личностной самоидентификации.

При этом происходит процесс отождествления ценностного ряда, который транслируется брендом и является его сущностью, со смыслами и ценностями личности. Впоследствии данные брендовые смыслы интериоризируются в структуру «Я-концепции» личности, становясь неотделимой психологической основой принятия решений и поведения. Покупка брендов преимущественно основана на демонстративном характере потребления. Осуществления «Я-концепции» при помощи престижного потребления брендовой идентичности определяется не столько желанием выделить собственный экономический статус, подчеркнув определенный уровень достатка, но стремлением отождествления с желаемой референтной группой. В наибольшей степени такая демонстративная жажда принадлежать к определенной знаковой группе выражается при потреблении предметов роскоши, успешные продажи которых опираются на принцип переноса брендовой идентичности в личностную.

Таким образом, на рубеже тысячелетий осуществился крайне важный для характеристики современного пространства потребления постепенный переход от фундаментальных идей индустриального общества и базовых ценностей модерна к превращенным формам цифрового капитализма и стремлению выражать себя исключительно посредством потребления. Это жажда потребления поддерживается, одобряется и провоцируется под воздействием идей известных брендов, которые позиционируют себя в качестве альфы и омеги в обретении идентичности и индивидуальности.

Литература

1. *Гидденс Э.* Основные понятия социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. – 336 с.
2. *Малышкина Е.А.* История бренда или история о бренде / Е.А. Малышкина // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 3 (061). – С. 72–75.
3. *Шушарин С.А.* Функции бренда как социокультурного феномена / С.А. Шушарин // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 103–105.
4. *Севумян Э.Н.* Влияние философии бренда на ценности «общества потребления» / Э.Н. Севумян // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6. – № 5А. – С. 69–75.
5. Некоторые объективные тенденции глобальной трансформации человечества. Римская декларация ИПРОГ // Свободная мысль. – 2018. – № 1 (1667). – С. 5–14.
6. *Шнейдер Л.Б.* Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика / Л.Б. Шнейдер. – М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2014. – 196 с.
7. *Campbell C.* The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism / C. Campbell. – Oxford, 2005. – 384 p.
8. *Russell C.* When Narrative Brands End: The Impact of Narrative Closure and Consumption Sociality on Loss Accommodation / Cristel Russell, Schau Hope // Journal of Consumer Research. – 2014. – N. 40 (6). – P. 1039–1062.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И ФИЛОСОФСКИЙ СРЕЗЫ ПОНЯТИЯ «КОНФЛИКТ»

*Борисенков Виктор Вячеславович,
аспирант кафедры философии и политологии
факультета философии и социологии
Башкирского государственного университета,
vborisen@yandex.ru
г. Уфа*

Аннотация

В статье исследуется понятие Другого как источника социальных конфликтов, представляющих собой угрозу социальному и психологическому здоровью. Методологической основой исследования является диалектический подход, позволяющий исследовать социальный конфликт в качестве выражения общественных противоречий, в основе которых заложены объективные и субъективные причины. Используются также междисциплинарный подход и метод сравнительного анализа при выявлении общих и отличительных черт в различных подходах к проблеме исследования. В статье раскрыта сущность социальных конфликтов, а также обоснован тезис, согласно которому социальные конфликты представляют собой важный тип конфликта субъектов – элементов социальной общности (ими могут быть личность, социальная группа, государство); они могут возникнуть в рамках различных сфер и уровней общественных отношений.

Ключевые слова: социальный конфликт, Другой, междисциплинарный подход, манипуляция.

THE CONCEPT OF “SOCIAL CONFLICT” THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHY AND AN INTERDISCIPLINARY APPROACH: THE OTHER AS A “SCAPEGOAT”

*Borisenkov V.V.,
Postgraduate student of the chair of philosophy,
Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir state university, Ufa*

Abstract

The article explores the concept of the Other as a source of social conflicts that constitute a threat to social and psychological health. The methodological

basis of the study is a dialectical approach that allows to explore social conflict as an expression of social contradictions, based on objective and subjective reasons. An interdisciplinary approach and a comparative analysis method were used to identify common and distinctive features in various approaches to the research problem. The study reveals the essence of social conflicts, as well as substantiates the thesis that social conflicts are an important type of conflict of subjects – elements of a social community (a person, social group, state); it can arise within the framework of various spheres and levels of social relations.

Keywords: social conflict, Other, interdisciplinary approach, manipulation.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что глобализация проявляется в полярном поведении народов и государств: одни демонстрируют сближение, другие являются источниками конфликтов. Социальные конфликты играют важную роль в существовании людей, организаций, государств, общества в целом. Переосмысливаются представления о том, необходимо ли бороться с феноменом конфликта и превращением Другого в «козла отпущения», если он служит оздоровлению психики.

Целью статьи является уточнение термина «социальный конфликт».

Материалы и методы. Применён метод сравнения и диалектический подход к философскому, конфликтологическому, психологическому материалам для уточнения взаимосвязи его существенных сторон. Поскольку конфликт можно рассматривать как социальные противоречия, то степень их (противоречий) развития, позиции и силы имеют противоположное направление. Здесь можно выделить две стороны конфликта: объективную (обстоятельства, из-за которых он возник) и субъективную (сознание и воля сторон конфликта).

С точки зрения философии, конфликт можно рассматривать в следующих смыслах:

– в широком (является предельным случаем обострения каких-либо противоречий);

– в узком (получил развитие в искусстве; это так называемый «конфликт драматический», который проявляется в столкновениях в художественных произведениях; может подразумевать противоположные идеи, стремления, поступки людей – героев).

Результаты и обсуждение. Конфликт является:

– отрицанием (снятием) двумя сторонами, сосуществующих в рамках единства противоположностей, напряжений в их противоборстве;

– конечной фазой существования коллизии;

– методом разрешения противоречий, сформировавшихся между сторонами конфликта (их представляют члены бинарной оппозиционной группы);

– частным случаем определенного противоречия или его предельным обострением;

– столкновением мотивов, неспособных быть удовлетворенными одновременно;

– неизбежным следствием противоречивой картины развития социума, результатом противоположного отношения представителей социальной или политической «группы к энтропийным процессам, к дезорганизации, к вызову истории» [1, с. 56];

– дуальной оппозицией, где полюсы сосуществуют и одновременно дезорганизуют друг друга (пытаются ликвидировать противоположную сторону, наносить ущерб) [1, с. 57].

Конфликт как научная и, тем более философская, категория, играет важную роль в понимании окружающего мира, поскольку затрагивает общество в целом и человека в нём (потребности людей, их нравственность, развитие родового человека и личность, религиозные предпочтения, мировоззрение общества). «Конфликт» является онтологической категорией, имеет широкое назначение с реализацией в физических, биологических, философских и социальных составляющих мира. Уже онтология Гераклита была «конфликтологией отношений» и характеризовала также антропологические и социологические знания. Главным конфликтом у Гераклита считался конфликт личности как относительно стабильного существа внутри нестабильной среды [4].

Получается, что конфликт и противоречие – это миры сущностной природы. Человек является частью этого мира; при этом он живет в двух мирах одновременно – в эмпирическом и ноуменальном (И. Кант) [3]. Поэтому человек изначально противоречив и конфликтен: а) на физиологическом уровне прослеживается дуальность (тело разделено на две части, по две конечности, имеет

пару сторон мозга – у всего свои функции); б) чувственность противопоставлена мыслительной и интеллектуальной способностям, духовность человека подразумевает противоречия).

Существование нехватки чего-либо (имеются в виду блага, продукты) приводит человечество к борьбе, напряжённости, угрозам и насилию (так называемой «войне всех против всех» – Т. Гоббс) [7]. Выходит, что конфликтность присуща обществу, является его обычным и сущностным состоянием.

В философии социальный конфликт – это противостояние, борьба отдельных индивидов или социальных групп, которое пронизывает общественные отношения и сферы жизнедеятельности людей. Кроме того, это нежелательный «момент» реальной практики, устранение которого возможно посредством политики или духовными формами общества. Итогом устранения является консонанс отношений в социуме, идеальное состояние, счастливая гармония, жизнь без борьбы.

С точки зрения философии, социальный конфликт является процессом или ситуацией, где одна из сторон демонстрирует состояние противостояния (подразумевает открытую борьбу с другой стороной), в связи с восприятием предлагаемых идей как противоречащих собственным. При этом вероятны разноуровневые явления (столкновение представителей общества, межгосударственные вооруженные конфликты).

В социологии социальный конфликт рассматривается как столкновение интересов представителей социальных групп, выраженным противостоянием общественных сил (проблема – ядро конфликта), осознанием противоположности своих интересов и целей. Данный термин имеет специфику на макроуровне и микроуровне:

- на макроуровне предпосылка возникновения любого конфликта – саморазвитие компонентов социальной структуры, которое порождает появление противоречий, возникновение новых качеств, столкновение его с прошлым;

- на микросоциальном уровне конфликт характеризует деятельность индивида (гражданина общества), который преследует какие-либо социальные интересы.

В юриспруденции данное понятие трактуется как предельный случай, возникающий при обострении социальных противоречий;

это столкновение общностей (ими могут быть классы, нации, государства, социальные группы, социальные институты), которые имеют противоположные и (или) существенные различия в интересах, целях, тенденциях своего развития [8]. Основа возникновения и разрешения конфликта – какая-либо социальная проблема.

В конфликтологии конфликт определяется как обострение противоречий в обществе: он принимает различные формы борьбы, направленность которой заключается в достижении определенного интереса (экономического, социального, политического, духовного), в воздействии на конкурента (оппонента) [2].

Конфликтологи придерживаются мнения, что социальный конфликт нежелательный в современном мире; по их мнению, это разрушительная сила социальной системы. Однако любой социальный конфликт ведет к возникновению социального института, целью которого становится поддержка системы в состоянии устойчивости. В дальнейшем это ведет к изменению людей, их окружения и мировосприятия.

В психолого-педагогических работах социальный конфликт считается взаимодействием, при котором происходит противоборство социальных субъектов (ими могут выступать индивиды, группы, общности, движения, страны). Причина его кроется в разносторонних потребностях, интересах, целях, социальных статусах, ролях и функциях; он направлен на получение вознаграждения посредством навязывания своей идеологии и воли, при подчинении, ослаблении, устранении или уничтожении оппонента, который, в свою очередь, также стремится добиться аналогичного вознаграждения.

В политологии конфликт считается явной или скрытой борьбой по причине существования несхожих интересов и целей; выступает особой формой движения, цель которого – социальное единство.

В этике социальный конфликт связан с понятием «общение». Оно рассматривается не так масштабно и понимается насильственным межличностным противоборством, заключающимся в сознательном ущемлении нравственных достоинств и потребностей участника общения, «особенно ярко проявляющимся в молодежной среде и относительно изолированных от общества сообществах»[6, с. 235].

«Монологическая, односторонняя оценка социальных явлений» [5, с. 48] и соответствующий ей монологический тип общения характеризует современное общество, при котором отсутствует свободная циркуляция информационных потоков; возникает два потока информации – «сверху вниз» (например, звенья государственного аппарата издаю различные указы, распоряжения, инструкции, постановления и нормативные акты) и «снизу вверх» (субъекты, которые обязаны соблюдать официальные предписания).

Выводы. Итак, конфликт – это научная и философская категория, которая играет важную роль в понимании окружающего мира, поскольку затрагивает общество в целом и человека в нём. Конфликт – это противоречие, в котором две стороны переходят в стадию крайних противоположностей (имеются в виду полярность, антагонизм), постепенно подхоя к моменту либо полного взаимотрицания оппонента, либо к решению возникшего противоречия.

Социальный конфликт – это важный тип конфликта субъектов – элементов социальной общности (ими могут быть личность, социальная группа, государство); он может возникнуть в рамках различных сфер и уровней общественных отношений. Если при разрешении конфликта в качестве объекта проекции выступает неодушевленный объект или явление реальности, оно может быть позитивным. При избрании же определенных личностей, групп, общностей или государств в роли «козла отпущения» субъекты конфликта наносят ущерб социальному здоровью как собственного окружения, так и объекта проекции, распространяя «социальную инфекцию» нетерпимости, которой поражены сами.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Социокультурный словарь (по книге «Критика исторического опыта»). – М.: Наука, 1991. – 102 с.
2. *Бабосов Е.М.* Социальные конфликты и управление ими. – М.: Дикта, 2009. – 396 с.
3. *Бурханов Р.А., Любутин К.Н.* Классическая философская антропология. И. Кант и Л. Фейербах: От трансцендентной антропологии И. Канта к туизму Л. Фейербаха. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1995. – 239 с.

4. *Гераклит Эфесский*. Все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / Сост. С.Н. Муравьев. – М.: Ad Marginem, 2012. – 346 с.

5. *Лукманова Р.Х., Сиразетдинова М.Ф.* Основные принципы противодействия манипуляции сознанием // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. – № 1(31). – С. 43–49. – URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.6> (дата обращения: 11.08.2019).

6. *Рахматуллин Р.Ю.* Эрих Нойманн о роли «козла отпущения» в формировании конфликта // Молодой ученый. – 2014. – № 13. – С. 235–237. URL: <https://moluch.ru/archive/72/12320/> (дата обращения: 11.08.2019).

7. *Ческис А.А.* Томас Гоббс – родоначальник современного материализма: его жизнь и учение. – М.: Либроком, 2013. – 138 с.

8. *Ярычев Н.У., Цамаева А.А.* Практико-ориентированная направленность в юриспруденции // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-6. – С. 1394–1397.

УДК 130.2

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гизатова Гульназ Казбековна,
кандидат философских наук, доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета,
e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru, г. Казань

Иванова Ольга Геннадьевна,
кандидат философских наук, доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета,
e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru, г. Казань

Аннотация

Нет сомнения в том, что цифровая культура вызывает глубокие изменения в самих основах общества. Эти изменения носят разнонаправленный характер. Исследователи говорят об изменении способа существования самой социальности. Цифровые технологии становятся важным

детерминирующим фактором новой социальной оптики. Нельзя отрицать и того, что цифровая культура в силу своих технологических ресурсов создает матрицу для более обширного и глубокого воссоздания культурного наследия, культурного прошлого национальных общностей. Однако это не является основанием для абсолютизации технологического детерминизма в репрезентации таких сложных образований, каковыми являются национальное сознание, национальные культуры в современном мультикультурном мире. Можно утверждать, что современные цифровые технологии являются и основой и средством формирования специфической культурной конструкции – транснациональной культуры. Отсюда – необходимость осмысления сложного взаимодействия цифровой и национальной культур в поиске путей, позволяющих избежать как абсолютистских трактовок национальных культур, сведения их к локальным автономным образованиям так и превращения последних в гибридные конгломераты, утративших свою историю, свои традиции и корни.

Ключевые слова: национальная культура, цифровая культура, взаимодействие, противоречие, культурное наследие, национальное сознание.

NATIONAL CULTURE AND DIGITAL CULTURE: THE PROBLEM OF INTERACTION

Gizatova Gulnaz Kazbekovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Kazan (Volga Region)

Federal University

e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru, Kazan

Ivanova Olga Gennadievna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Kazan (Volga)

Federal University

e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru, Kazan

Abstract

There is no doubt that digital culture is causing profound changes in the very foundations of society. These changes are multidirectional. Researchers are talking about a change in the way sociality itself exists. Digital technology is becoming an important determinant of new social optics. It cannot be denied that digital culture, by virtue of its technological resources, creates a matrix for a more extensive and deeper recreation of the cultural heritage and cultural past of national communities. However, this is not the basis for the absolutization of technological determinism in the representation of such complex entities as the national consciousness and national cultures in the modern multicultural

world. It can be argued that modern digital technologies are both the basis and the means of forming a specific cultural structure – transnational culture. Hence the need to comprehend the complex interaction of digital and national cultures in the search for ways to avoid both absolutist interpretations of national cultures, reducing them to local autonomous entities and turning them into hybrid conglomerates that have lost their history, their traditions and roots.

Keywords: national culture, digital culture, interaction, contradiction, cultural heritage, national consciousness.

Размышляя о трех генеральных тенденциях глобализации в национальной жизни, М.О. Мнацаканян выделяет следующие: развитие наций, рост национального самосознания, стремление к самостоятельности, историческому творчеству; интернализация жизни наций, стремление к сближению и интеграции, обмену материальными, технологическими, духовными, научными и т.д. ценностями; стремление наций к цивилизованной интеграции, объединению для самозащиты на основе родственности истории и культуры, религии и мировоззренческих основ жизни, иных факторов и реалий [см.: 1, с. 286].

Соглашаясь с автором в целом, хотелось бы дополнить размышления об этих тенденциях констатацией того факта, что все эти процессы разворачиваются на фоне принципиально новых условий, породивших новый феномен – «цифровую культуру», которую большинство социальных теоретиков рассматривают сегодня как важнейший сегмент, пласт культуры, оказывающий глубокое влияние на развитие культуры в целом и на развитие национальных культур в частности. Сетевая культура в огромной степени определяет как способы трансформации тех или иных ценностей, так и особенности воздействия и восприятия ценностей в рамках национальных культур.

В зарубежной литературе встречается следующее определение цифровой культуры: «Цифровая культура относится к знаниям, убеждениям и практике людей, взаимодействующих в цифровых сетях, которые могут воссоздавать существующие культуры материального мира или создавать новые направления культурной мысли и практики, свойственные цифровым сетям» [см.: 2]. При этом подчеркивается, что огромное влияние на определение формирующейся «цифровой культуры» оказывают индивиду-

лизм, пост-национализм и глобализация. Следует оговорить, что термин «национализм» в западной философии трактуется иначе, чем в отечественной. Так в Энциклопедии «Британника» национализм определяется как идеология, основанная на предпосылке, что лояльность и преданность личности национальному государству превосходят другие индивидуальные или групповые интересы... Национализм, рассматриваемый на уровне мировой политики, подразумевает отождествление государства или нации с людьми или, по крайней мере, желательность определения границ распространения государства в соответствии с этнографическими принципами [см.: 3].

В данном контексте требует пояснения и термин «пост-национализм», термин, вокруг которого ведутся ожесточенные споры в западной социальной теории. Это понятие возникло как результат того, что интенсификация глобализации, тенденции национализма и идентификационные процессы стали рассматриваться как явления прошлого, что не соответствует фактическому положению дел. Теоретики пост-национализма, к которым относят Ю. Хабермаса, заявляли, что произошел переход от национализма к пост-национализму, причем этот переход обусловлен развитием новых технологий и средств массовой коммуникации. Пост-национализм определяется как процесс или тенденция, при которой национальные государства и национальные идентичности теряют свое значение по отношению к межнациональным ... или наднациональным и глобальным образованиям [см.: 4].

Феномен пост-национализма выявляет диаметрально-противоположные оценки как в определении его сущности, так и в выявлении перспектив развития. Так, Ю. Хабермас, рассматривая это явление, размышляет о пост-национальной идентичности в контексте ее дискурсивной модели. Согласно немецкому философу, разрешение конфликтов может быть осуществлено только путем дискурсивного преобразования национальных идентичностей по постнациональному принципу.

В то же время принцип пост-национализма вызывает резкую критику со стороны многих теоретиков. Так, бразильский философ С. Фернандо подчеркивает, что пост-национальные политики хотят стереть идею устойчивой национальной истории и актуаль-

ных национальных ценностей, вместо этого превращая свои страны в набор отдельных конкурирующих племен [см.: 5].

В данном контексте нас интересует проблема взаимодействия цифровой культуры и культуры национальной. Бесспорно то, что в определенной степени эти феномены являются взаимно пересекающимися. Английский философ Джон Томлисон подчеркивает, что медиа сегодня являются доминирующим репрезентативным аспектом современной культуры, но ее смыслы опосредованы «пережитым опытом» повседневной культуры [см.: 6, с. 7].

Нет сомнения в том, что цифровая культура вызывает глубокие изменения в самих основах общества. Эти изменения носят разнонаправленный характер. Исследователи говорят об изменении способа существования самой социальности. Цифровые технологии становятся важным детерминирующим фактором новой социальной оптики. Так, по мнению главного исследователя сетевого общества М. Кастельса, «новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [7, с. 155]. Причину характеристики современной культуры в терминах негативной семантики (прежде всего, ее дегуманизации) социальные теоретики видят в том числе в таких процессах как рационализация, визуализация, массовизация, в процессах дезинтеграции и болезненной индивидуализации личности [8, с. 76].

Трансформации, происходящие в обществе, носят многомерный характер. Нельзя отрицать, что цифровое общество во многом способствует тому, что мир начинает восприниматься как единое целое, что порождает у индивида чувство принадлежности к человечеству как к единой общности, чувство, что люди разделяют общее понимание этой принадлежности. И именно культура, в первую очередь, реализует в этом процессе свою суггестивную функцию, определенным образом «внушая» людям ощущение принадлежности к «мировому сообществу». Нельзя отрицать и того, что цифровая культура в силу своих технологических ресурсов создает матрицу для более обширного и глубокого воссоздания культурного наследия, культурного прошлого национальных общностей. Однако это не является основанием для абсолютизации технологического детерминизма в репрезентации таких сложных образований, каковыми являются национальное сознание, национальные

культуры в современном мультикультурном мире. Так, постмодернистский критицизм, существующий в рамках современных британских «Cultural Studies», в принципе отвергая герменевтику, заявляет о приоритете канала информации над сообщением, стиля над смыслом, формы над содержанием. Такое утверждение возрастания культурного доминирования медиа-культуры, бесспорно, является симптомом масштабных социальных и культурных изменений в современном мире.

Основатель символическо-интерпретативной антропологии Клиффорд Гирц подчеркивал, что культура представляет собой семиотическую сеть, состоящую из символов, символических форм и значений, эта «сеть» позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире, определяя свое место в нем. Р. Барт акцентировал роль символов и мифов в поддержании этнических границ той или иной социальной общности. Можно утверждать, что, прежде всего, именно символическое и дискурсивное измерение национального через нарративы создают идею корней, преемственности и традиции. Нации – это не только политические образования, но и система культурных репрезентаций. Цифровая культура является медиатором, который используется для трансляции множественности значений, и эти значения могут быть восприняты и интерпретированы различными способами. Как отмечает К. Бейкер, аудитория использует свое собственное ощущение национальной или этнической идентичности как позицию, с точки зрения которой декодируются послания [см.: 6, с. 65].

Можно утверждать, что современные цифровые технологии являются и основой и средством формирования специфической культурной конструкции – транснациональной культуры. Отсюда – необходимость осмысления сложного взаимодействия цифровой и национальной культур в поиске путей, позволяющих избежать как абсолютистских трактовок национальных культур, сведения их к локальным автономным образованиям, так и превращения последних в гибридные конгломераты, утратившие свою историю, свои традиции и корни.

Литература

1. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. – М.: ЮНИТИ-Дана, 2004. – 367 с.

2. Digital Culture and Social Media // <https://press.rebus.community/mscy/chapter/chapter-2-digital-culture/>
3. Nationalism// <https://www.britannica.com/topic/nationalism>
4. Postnationalism// <http://www.gpedia.com/en/gpedia/Postnationalism>
5. *Fernando S.* 'Post-Nationalism' Is A Betrayal Of Citizens// <https://www.spencerfernando.com/2018/06/25/post-nationalism-is-a-betrayal-of-citizens/>
6. *Baker C.* Television, Globalization and Cultural Identities. Issues in Cultural and Media Studies. – Open University Press.– Buckingham – Philadelphia, 1999.
7. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – М., 2004. – 328 с.
8. Культура и коммуникации: глобальные и локальные изменения. – Томск, изд-во Научно-технической литературы. – 2004. – 400 с.

УДК 304.2

«ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Горин Антон Анатольевич,

к.и.н., доцент кафедры религиоведения

ФГБОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

E-mail:anton-gorin-2009@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается вопрос о современных направлениях использовании сети "Интернет" для замены этнокультурной идентичности индивида на религиозную со стороны представителей радикальных религиозных групп и новых религиозных движений. Отдельное внимание уделяется автором деликатной проблеме приоритета религиозной идентичности перед этнокультурной в среде молодёжи и студентов, а также – причинам возникновения данной тенденции. Автор опирается на проведённое им полевое исследование и выдвигает гипотезу об изменении целей и задач, которые ставят перед собой представители радикальных религиозных групп и новых религиозных движений при использовании

сети "Интернет" в миссионерской деятельности. Проведённое автором исследование не только охватывает значительную территорию в границах Республики Татарстан, но и наиболее социально-активные из социальных слоёв и возрастных страт её населения. Обращает на себя внимание то, что описанные результаты, даже будучи получены в ходе первичного исследования, выявляют ряд проблем, требующих немедленной оценки и поиска путей решения. Автор не делает окончательных выводов, предлагая читателям самостоятельно оценить полученные результаты. В будущем рабочая группа, в которую входит автор, планирует продолжить исследование по данной теме, поэтому подготовленная статья будет иметь продолжение.

Ключевые слова: религия, Интернет, этнокультурная идентичность, "snow ball", салафия, Свидетели Иеговы, саентология, Кришна, социология, религиоведение.

"VIRTUAL SPACE" AS A TOOL OF TRANSFORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY

Gorin Anton Anatolyevich,

Ph. D., associate Professor of religious studies

Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Abstract

The article raises the question of the modern directions of using the Internet to replace the ethno-cultural identity of an individual with a religious one by representatives of radical religious groups and new religious movements. Special attention is paid by the author to the delicate problem of the priority of religious identity over ethno-cultural identity among young people and students, as well as to the causes of this trend. The author relies on his field research and puts forward a hypothesis about changing the goals and objectives set by representatives of radical religious groups and new religious movements when using the Internet in missionary activities. The study conducted by the author not only covers a significant territory within the borders of the Republic of Tatarstan, but also the most socially active of the social strata and age strata of its population. It is noteworthy that the described results, even if obtained in the course of the initial study, reveal a number of problems that require immediate assessment and search for solutions. The author does not make final conclusions, offering readers to independently assess the results. In the future, the working group, which includes the author plans to continue research on this topic, so the prepared article will be continued.

Key words: religion, Internet, ethno-cultural identity, "snow ball", Salafia, Jehovah's Witnesses, Scientology, Krishna, sociology, religious studies.

Вопрос изменения индивидуального и массового сознания в эпоху активного развития виртуального пространства во всём мире сегодня стоит очень остро: по различным данным от 9 до 27% населения Западной и Центральной Европы в настоящий момент в качестве приоритета видят своё существования в рамках "виртуального" пространства.

Одним из элементов традиционного общества, в наибольшей степени подвергающейся трансформации посредством систематического контакта с виртуальной реальностью, становится этнокультурная идентичность человека, поскольку "виртуальность" окончательно сводит на нет такой фактор "гумилёвской тройки", как исторически сложившееся единое пространство (территорию) обитания. Не меньшей угрозе неконтролируемой трансформации подвергается и такой элемент, как религиозная идентичность.

Проблемой идентичности занимались многие учёные. Нам более интересны взгляды современных учёных, например, Э. Эриксона, который одновременно вводит термин "эго-идентичность" в научный оборот, с другой стороны – крайне отрицательно относится к этнокультурной идентичности как таковой [см.: 1, с. 30], признавая, впрочем, её "естественный" характер, поскольку идентичность, по его мнению, является феноменом, сосредоточенным в области сущности человека и культуры, к которой индивид принадлежит [см.: 2, с. 340]. Ч. Кули, формулируя своё определение идентичности, заострял внимание на том, что идентичность – результат социального взаимодействия. В этом с ним соглашается и современный исследователь И. В. Лысак [см.: 3, с. 131, 136]. Продолжает идею *looken glass self*, сформулированную Ч. Кули, и исследователь Д. Бьюдженталь, формулируя понятие идентичности как отражения потребности в эталоне для подражания, как точки отсчёта в системе координат построения личной идентичности [см.: 4, с. 11].

Однако вышеперечисленные исследования ещё не дают представления о тех механизмах трансформации идентичности, которым подвергается индивид (и общество) в "цифровую"

эпоху. Намного понятнее это становится при рассмотрении "социализированной" вариации понятия "идентичности," предлагаемой Л.Б. Шнейдер. Понятие идентичности, по версии Шнейдер, включает в состав понятия идентичности такие составляющие, как

- целостность личности как ее интегративное свойство;
- степень соответствия человека группе, полу, этносу, роду или другим категориям;
- индивидуальность, подлинность индивида [5, с. 5].

Учитывая, что глобализационные процессы, одним из проявления которых является "цифровизация" образовательной, информационной и бытовой среды, неизбежно влекут за собой стандартизацию мышления индивида, "размытие" его индивидуальности и, как указывалось выше, разрушение этнокультурной идентичности, легко заметить, что в рамках теории Л. Б. Шнейдер можно сделать вывод о том, что процесс цифровизации будет неизбежно сопровождаться деиндивидуализационными процессами в ходе трансформации индивидуального и массового сознания.

Р.Б. Сапожникова акцентирует внимание на том, что концепция Шнейдера предполагает пластичность идентичности и её изменчивость в зависимости от приобретаемого жизненного опыта [см.: 6, с. 14].

В ходе исследования, посвящённого вопросам приоритета отдельных составных частей идентичности индивида, исторически играющих наиболее важную роль в акте самоидентификации: этнокультурной и религиозной составляющих, автор наблюдал признаки того, что вышеуказанные процессы уже коснулись российского общества даже в рамках его религиозно-культурной самоидентификации. Отдельное внимание было уделено роли сети Интернет в определении приоритетов процесса самоидентификации человека.

Автором и его волонтерами в период с марта по декабрь 2017 года был проведён целевой опрос.

Области проведения опроса: 1. Республика Татарстан – города Казань, Нижнекамск, Набережные Челны, Менделеевск. 2. Свердловская область – города Екатеринбург, Ревда, Каменск-Уральский, Первоуральск. 3. Астраханская область – Астрахань, Камызяк. 4. Города: Саратов, Саранск, Йошкар-Ола.

Выборка: на 22 мая 2019 г. – 2317 человек.

Возрастная группа: 18–35 лет. Самая многочисленная возрастная группа исследуемых имеет возраст 18–22 лет – 1763 человека (76,08 % от общего числа), возрастная группа 23–26 лет – опрошено 426 человек (18,39 %), группа 27–35 лет – 128 человек (5,52 %).

Гендерная выборка: преобладают женщины (1583 человека – 68,32 %).

Принцип выборки: лица, систематически и активно позиционирующие себя как представители следующих религиозных течений. А). «Чистый ислам» (салафия) (1552 человека – 66,98 % от общего числа); Б). Свидетели Иеговы (322 человека – 13,90 %), В). Международное общество сознания Кришны (352 человека – 15,19 %); Г). Церковь Саентологии (69 человек – 2,98 %); Д). Иные конфессии (22 человек – 0,95 %), занимающиеся активной миссионерской деятельностью среди своего окружения.

Целевой аудитории было предложено участие в опросе для определения приоритета этнокультурной либо религиозной самоидентификации индивидов. Среди респондентов религиозная идентичность преобладает в следующих пропорциях. Представители «Чистого ислама» – 1202 человека (77,45 % от общей численности сегмента). Представители «Свидетелей Иеговы» – 154 человека (47,83 %). Международное общество сознания Кришны – 221 человек (62,78 %). Церковь Саентологии – 27 человек (39,13 %). Иные конфессии – 6 человек (27,27 %). В этих случаях в качестве основной характеристики самоидентификации респонденты назвали принадлежность к религии.

В опроснике, предлагаемом респондентам, содержались вопросы, касающиеся того, каким образом молодые люди углубляют знакомство с догматами своих религиозных вероучений. В ходе обработки ответов выявлены следующие результаты.

1. В личных беседах с духовными деятелями – 1033 человека (44,58 % от общего числа респондентов). По сегментам ответы распределяются в следующей пропорции: сегмент «Чистый ислам» – 723 человека (46,59 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Свидетели Иеговы» – 132 (40,99 % в сегменте); сегмент «Международное общество сознания Кришны» – 153 (43,47 %

в сегменте); Церковь Саентологии – 22 (31,88 %); сегмент «Иные конфессии» – 3 (13,63 % в сегменте).

2. Из священных текстов– 971 человек (41,90 % от общего числа респондентов). По сегментам ответы распределяются в следующей пропорции: сегмент «Чистый ислам» – 675 (43,49 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Свидетели Иеговы» – 99 (30,74 % в сегменте); сегмент «Международное общество сознания Кришны» – 152 (43,18 % в сегменте); сегмент Церковь Саентологии – 31 (44,93 % в сегменте); сегмент «Иные конфессии» – 14 (63,63 % в сегменте).

3. Из Интернета и печатной периодической продукции (СМИ)–180 человек (7,76 % от общего числа респондентов). По сегментам ответы распределяются в следующей пропорции: сегмент «Чистый ислам» – 83 человека (5,34 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Свидетели Иеговы» – 63 (19,56 % в сегменте); сегмент «Международное общество сознания Кришны» – 26 (7,38 % в сегменте); сегмент Церковь Саентологии – 6 (8,70 % в сегменте), сегмент «Иные конфессии» – 2 (9,09 % в сегменте).

4. В ходе проповедей – 100 человек (4,32 % от общего числа респондентов). По сегментам ответы распределяются в следующей пропорции: сегмент «Чистый ислам» – 52 человека (3,35 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Свидетели Иеговы» – 26 (8,20 % в сегменте); сегмент «Международное общество сознания Кришны» – 14 (3,98 % в сегменте); сегмент Церковь Саентологии – 7 (10, 14 % в сегменте); сегмент «Иные конфессии» – 1 (4,55 % в сегменте).

5. От товарищей по общине – 33 человека (1,42 % от общего числа респондентов). По сегментам ответы распределяются в следующей пропорции: сегмент «Чистый ислам» – 19 человек (1,22 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Свидетели Иеговы» – 2 (0,63 % от численности респондентов в сегменте); сегмент «Международное общество сознания Кришны» – 7 (3,17 % в сегменте); сегмент Церковь Саентологии – 3 (4,35 % в сегменте), сегмент «Иные конфессии» – 2 (9,09 % в сегменте).

Исходя из указанных вопросов, можно сделать вывод, что роль инструментов сети Интернет в ходе формирования религиозной идентичности относительно невелика: Интернет является источ-

ником пополнения знания о религиозных догмах всего у 7,76 % респондентов, за исключением представителей Свидетелей Иеговы (19,56 %). Однако среди дублирующих вопросов в опроснике содержался вопрос: "Каким образом произошло ваше первое знакомство с религиозными догмами того религиозного вероучения, к последователям которого Вы себя на данный момент относите?" Ответ на этот вопрос в корне отличается от предыдущего.

В качестве источника первого знакомства с вероучением, к которому на данный момент себя относят исследуемые, "Интернет" назвали 897 человек или 38,71 % опрошенных. Причём, "Интернет" занимает уверенное второе место после ответа "Этой веры придерживаются мои родители" (сегменты Салафия, Свидетели Иеговы), а в случае с Церковью Саентологии и Международным Обществом Сознания Кришны – претендует на первое место. Итак, первое знакомство с вероучением через сеть Интернет имело место в следующем соотношении по сегментам опрошенных: "Салафия" – 651 чел. (41,95 % от общей численности сегмента), "Свидетели Иеговы" – 86 чел. (26,71 %), МОСК – 123 чел. (34,94 %), Цеквь Саентологии – 30 чел. (43,48 %), иные конфессии – 7 чел. (31,82 %).

В контексте данного опроса можно выделить ряд закономерностей.

Во-первых, опрошенные респонденты в целом указали Интернет и печатные СМИ в качестве более авторитетного источника информации о вероучении, чем проповеди. Автор склонен предположить, что такой феномен связан с особенностями образа жизни доминирующей возрастной категории респондентов.

Во-вторых, если в качестве источника систематического повышения качества знаний о вероучении Интернет называют только 7,76 % опрошенных, то в качестве инструмента ЗНАКОМСТВА с новыми идеями – 38,71 %. То есть Интернет – катализатор знакомства с нетрадиционными религиозными вероучениями. Особого внимания заслуживает неожиданно высокий процент лиц, назвавших Интернет и печатные СМИ в качестве более авторитетного источника информации о вероучении в сегменте «Свидетели Иеговы» (до своего запрета на территории РФ эта группа располагала собственными СМИ).

В-третьих, роль инструментов "Интернет" в миссионерской деятельности радикальных религиозных групп и нетрадиционных религиозных движений за последние 10 лет резко поменялась. Налицо деабсолютизация интернет-технологий в среде нетрадиционных религиозных групп.

Механизмы "Интернет" в отношении исследуемых лиц использовались религиозными группами для трёх целей. Во-первых, для привлечения внимания индивида к особенностям религиозного вероучения, что сравнимо с продвижением "уникального торгового предложения" в маркетинге. Вторая задача, решаемая в отношении исследуемых индивидов религиозными группами через использование сети "Интернет," – виртуальная социализация индивида в численно-значительном для него сообществе (часто – международном). В-третьих, вывод неопита из виртуального пространства и "завязывание" его на местное отделение религиозной группы.

Таким образом, мы наблюдаем картину массового использования инструментов "цифрового пространства", "виртуального пространства" для привнесения в российское религиозно-культурное пространство чуждых, нетрадиционных для него элементов. В отечественном обществе набирают силу тенденции отделения молодыми людьми себя от своего этноса, культуры, религиозного сообщества в пользу виртуального сообщества и постепенного перенесения "виртуальной" статусно-идентификационной системы в реальный мир.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
3. Лысак И.В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 130–136.
4. Бьюдженталь Д. "Наука быть живым". – М.: Независимая фирма "Класс", 1998. – 336 с.

5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

6. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия "идентичность": теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. – 2005. – Вып. 1 (45) – С. 13–17.

УДК: 94(47)

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНЕДРЕНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ)

*Гузельбаева Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, ассистент Казанского
государственного архитектурно-строительного университета,
e-mail: cherri-91@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье осуществлена попытка анализа вопроса совершенствования образовательного процесса в условиях развития цифровых технологий. Проблема освещается в контексте преподавания дисциплины «История» в техническом вузе. Одним из способов решения ряда сложностей при изучении истории в современности является использование ресурсов мультимедийного парка «Россия – моя история». В отличие от существующих исследований на тему внедрения современных технологий в образовательный процесс, предлагается применение мультимедийных технологий вне аудитории и домашних условий. В статье обосновывается вывод об эффективности воздействия ресурсов исторического парка, которые являются дополнительным источником в ходе освоения дисциплины, а также способствуют формированию необходимых компетенций в соответствии с требованиями ФГОС. Мультимедийный парк представляет ресурсы для организации учебного процесса и научной деятельности студентов. Выявленные преимущества мультимедийных технологий открывают перспективу дальнейшего исследования их функций и дисфункций, эффективности и ограниченности в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: образовательный процесс, цифровое общество, история России, мультимедийные технологии, медиаобразование.

MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS (BASED ON THE EXPERIENCE OF TEACHING HISTORICAL DISCIPLINES AT TECHNICAL UNIVERSITIES)

Guzelbaeva I.A.,

*Ph.D., assistant professor of Kazan State University of
Architecture and Engineering, Kazan*

Abstract

The article attempts to analyze the issue of improving the educational process in the development of digital technologies. The problem is highlighted in the context of teaching the discipline "History" at technical university. The use of the resources of the multimedia park "Russia is My History" is one of the ways to solve a number of difficulties in the study of history in modern times. Unlike existing studies, this article examines use of multimedia technologies outside the audience and at home. The article substantiates the conclusion about the effectiveness of the impact of the resources of the historical park, which are an additional source during the development of discipline, and also contribute to the formation of the necessary competencies in accordance with the requirements of the Federal State Educational Standard. The multimedia park provides resources for organizing the educational process and scientific activities of students. The revealed advantages of multimedia technologies open up the prospect of further research on their functions and dysfunctions, effectiveness and limitations in the educational process of the university.

Keywords: educational process, digital society, Russian history, multimedia technologies, media education

Современное цифровое общество постепенно формирует особое восприятие информации, «клиповое мышление» [см.: 1], нацеленное на быстрое переключение внимания между фрагментарными данными, зачастую, без возможности их логически связывать. Этот феномен явственно ощущается в образовательном процессе, бросая вызов специалистам на предмет необходимости внесения корректировок, соответствующих уровню развития технологий.

Вопрос трансформации системы образования в высшей школе сегодня освящается в многочисленных философских, педагогических, психологических и социологических исследованиях. С одной стороны, внедрение цифровых технологий в образовательный

процесс рассматривается с точки зрения возможности развития профессиональных компетенций в условиях изменений XXI века [см.: 2]. С другой стороны, некоторые исследователи делают акцент на противоречивых характеристиках цифровизации. Например, Г.Л. Тульчинский анализирует цифровизацию образования в контексте социально-экономических изменений отечественной науки и педагогики в высшей школе, отмечая как положительные стороны (доступность онлайн-образования), так и отрицательные (введение электронных курсов для экономии на штатных преподавателях) [см.: 3, с. 133].

Современное медиапространство или киберпространство не только создает новые возможности и бросает «вызовы» образованию, оно детерминирует человеческое восприятие. Е.М. Николаева и П.С. Котляр верно констатируют: «С освоением киберпространства произошла не только смена парадигмы восприятия человеком виртуальности, но и непосредственно окружающего его реального мира» [4, с. 31]. То есть, изменяющееся восприятие диктует необходимость трансформаций образовательного процесса и использования в нем современных технологий, поскольку мышление и способность восприятия современных студентов и школьников, по факту, изменились.

Информационно-коммуникационные технологии постепенно внедряются в учебный процесс в качестве образовательных средств. Предоставляемые технологические возможности способствуют развитию образной познавательной сферы студентов. Так, использование визуальных моделей для трансляции или проверки учебного материала позволяет зафиксировать структуру изучаемой темы, выявить основные связи ее составляющих компонентов и т.п. Однако зачастую уровень владения преподавателем цифровыми технологиями не отвечает на запросы стремительно изменяющейся реальности: обусловленность восприятия учащихся цифровыми технологиями, их погруженность в виртуальную среду и, вследствие этого, постепенное формирование «клипового» мышления. Технические инновации порой ограничиваются использованием Power Point, Exel и другими подобными программами. Это определяется как недостаточной оснащенностью образовательных организаций, так и неоцененностью необходимости формирова-

ния у сотрудников дополнительных знаний в области применения информационных технологий.

Проблема применения когнитивно-визуальных технологий и медиаресурсов, степень их воздействия на обучающихся, эффективность передачи с их помощью учебного материала – являются сегодня объектом исследования психологов [см.: 5], специалистов в области педагогики и образования [см.: 2, 6], философов [см.: 1, 7] и других специалистов социально-гуманитарных наук.

Преимущественно, работы последних десятилетий были посвящены выявлению информационных технологий, их ресурсов для создания виртуальной образовательной среды, проектированию и использованию медиакомпонентов в учебном процессе учебных заведений различного уровня. Акцент в большинстве работ делается на внедрение информационных технологий в аудиторных работах или самостоятельном изучении материала учащимся с применением цифровых ресурсов в домашних условиях. Недостаточным представляется научное осмысление современных технических ресурсов, дающих возможность получить учебную информацию при помощи мультимедийных средств на специализированных площадках. В данной статье предлагается внедрение ресурсов обособленных от учебных и научных организаций площадок. Ярким примером такого пространства является мультимедийный исторический парк «Россия – моя История». Исследование данного проекта находится на этапе формирования и сбора обобщающей информации об образовательном потенциале, функционале, разновидностях и результатах деятельности исторического парка [см.: 7, 8, 9].

Использование ресурсов парка «Россия – моя История. Республика Татарстан» осуществляется в Казанском государственном архитектурно-строительном университете. Так, среди источников дополнительных материалов для подготовки студентов к занятиям по курсам «История» и «Культурология» рекомендуется не только литература, образовательные Интернет-сайты, порталы, научно-популярные каналы в социальных сетях, но и мультимедийный исторический парк. География экспозиционных площадок данного проекта на данный момент охватывает 19 городов России: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Волгоград, Краснодар и др. Экс-

позиция парка позволяет ознакомиться с ключевыми событиями отечественной истории с помощью мультимедийных технологий. Важно отметить, что содержательная и информативная наполненность парка выполнена при консультировании ученых ведущих российских вузов и научных организаций: Института российской истории РАН, МГУ, РГГУ.

Мультимедийный парк «Россия – моя история. Республика Татарстан» в Казани находится в павильонах выставочного центра «Казанская ярмарка» и занимает площадь в 5,5 тысяч квадратных метров. Визуальные решения экспозиции созданы с использованием анимации, видеоинфографики, цифровых интерактивных реконструкций, 3-D моделирования и т.п. В число ресурсов мультимедийного парка входят такие технологии как сенсорные столы с картами и заданиями, экраны, лайтбоксы, коллажи, панорамный кинозал.

В ходе посещения парка электронные средства воздействуют словесными, звуковыми и визуальными образами. То есть, создана среда, в которой возможно полисенсорное восприятие информации, необходимой для учебного процесса. М.Ю. Давыдов и М.Г. Дьякова конкретизируют результаты воздействия средств парка: «Каждую из экспозиций мультимедийного комплекса можно рассматривать как попытку реализации синергетического подхода в организации реконструированной истории: при ознакомлении с представленными в экспозиции материалами вовлечение экскурсантов в историю происходит за счет включения механизма синестезии, межчувственных, межсенсорных ассоциаций, которые помогают проецировать далекую историческую реальность в современный мир» [8, с. 92]. Также в мультимедийном парке проводятся тематические костюмированные экскурсии, реконструкции знаменательных исторических событий, с возможностью включения в событие посетителей экспозиции.

Значение мультимедийного исторического парка в Казани было высоко оценено представителями научного сообщества. Так, профессор С.И. Никонова в интервью указывала ценность мультимедийного интерактивного формата, что обуславливает привлекательность проекта для студентов: «Новому поколению мало просто читать, мало просто слушать, им надо в эту среду войти, тогда

у них идет познание истории. Они зайдут и будут сами в этом мире ориентироваться нажимать кнопки, менять сами картины, слушать эту музыку, чувствовать это дыхание...» [10].

Мультимедийный исторический парк играет функцию гражданско-патриотического воспитания, консолидируя российское общество. Вместе с этим проект имеет серьезный просветительский потенциал. В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ были разработаны методические рекомендации по использованию ресурсов экспозиции исторического парка «Россия – моя история» на уроках истории и во внеурочной деятельности в общеобразовательных организациях. Однако важно подчеркнуть, что экспозиции парка могут быть задействованы в организации образовательной деятельности в логике ФГОС высших учебных заведений. Например, первые залы экспозиции «Рюриковичи 862-1598», «Романовы 1613-1917» обладают информацией, необходимой для формирования компетенции (ОК-2), в которую входит знание геополитических, этносоциальных, культурных факторов становления и развития Российского государства, самобытном характере его формирования. Хронологически выстроенный материал экспозиции способствует целостному восприятию исторических фактов, выявлению их последовательности, а также пониманию причинно-следственных связей представленных явлений. Ключевое преимущество исторического парка заключается в его насыщенности яркими образами и материалами (карты, изображения персоналий, фото, видео, инфографика, архивные документы), что представляет собой инновационный и актуальный формат передачи данных.

Мультимедийный парк «Россия – моя история» выступает в качестве дополнительного информационного источника для студентов технического вуза в рамках освоения предмета «История», а также может служить стимулом научно-исследовательской деятельности. Интерактивный, мультимедийный формат парка эффективен для учащихся с «клиповым мышлением», так как информация транслируется в дискретном виде, в то же время исторический нарратив передается в мини-сообщениях и образах экспозиции, способствуя созданию общего, цельного представления о ключевых событиях отечественной, мировой и региональной истории. Таким образом, вопрос применения ресурсов парка «Россия – моя

история» является одним из дискуссионных теоретических вопросов в современной дидактике мультимедиа и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. – М. Проспект, 2016. – 256 с.
2. *Оспенникова, Е.В.* Е-Дидактика Мультимедиа: Проблемы и направления исследования / Е.В. Оспенникова // Вестник ПГПУ. Серия «ИКТ в образовании». – 2005. – Вып. 1. – С. 16–30.
3. *Тулчинский Г.Л.* Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Цифровая цивилизация: вызовы и трансформация современности. – 2017. – № 6. – С. 121–136.
4. *Николаева Е.М., Котляр П.С.* Медиапространственная коммуникация: проблема аксиологических ориентаций // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 3. – С. 30–38.
5. *Кондратенко О.А.* Развивающий потенциал когнитивно-визуальных технологий в обучении студентов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 4 (24).
6. *Федоров А.В.* Медиаобразование: вчера и сегодня. – М., 2009. – 234 с.
7. *Перевальская С.В.* Использование ресурсов интерактивного парка «Россия – моя история» в образовательном процессе по учебной дисциплине «История» // Наука и образование: новое время. – 2018. – № 5. – С. 600–604.
8. *Давыдова М.Ю., Дьякова М.Г.* Исторические парки «Россия – моя история» в образовательном процессе вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5. – С. 90–94.
9. *Каткова К.Ф.* Социокультурная значимость проекта «Россия – Моя история» // Вестник СпбГИК – 2019. – № 1(38). – С. 114–118.
10. *Романова О.* В Казани откроется мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история» // Информационное агентство Татар-информ. Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/2017/10/06/576231/> (дата обращения: 27.09.2019).

КОГНИТИВНАЯ ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

*Дюкина Эльвира Амировна,
Аспирант Казанского (Приволжского)
федерального университета,
e-mail: dyukina.elvira@yandex.ru
г. Казань*

Аннотация

В данной статье предпринята попытка концептуализации интернета как источника нового вида когнитивной экологии человека с точки зрения теории воплощенного познания. Процесс интеграции интернета в когнитивные процедуры сыграл значительную роль в преобразовании характера познавательных процессов. Радикальные изменения в способах поиска и получения информации оказали глубокое влияние на трансформацию мышления, действия и запоминания. Благодаря широкому доступу к интернету и постоянному взаимодействию с ним мы являемся главными действующими лицами процесса экологической инженерии, направленной на формирование новой когнитивной ниши. Кроме того, появление мобильных и носимых устройств постепенно стирает границу между онлайн и офлайн взаимодействиями, что, в свою очередь, ставит перед когнитивной наукой задачу адекватного понимания и описания человеческого опыта и познания в новую цифровую эпоху.

Ключевые слова: когнитивная наука, проблема сознания и тела, воплощенное познание, прогрессивное воплощение, когнитивная экология, интернет, расширения тела, мобильные и носимые устройства, лайфлоггинг, когнитивная разгрузка

HUMAN COGNITIVE ECOLOGY IN THE INTERNET ERA

*Dyukina E.A.,
postgraduate of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan*

Abstract

This article attempts to conceptualize the Internet as a source of a new type of human cognitive ecology from the point of view of the theory of embodied cognition. The process of Internet integration into cognitive procedures has played a significant role in the transformation of cognitive processes.

Radical changes in the ways of searching and receiving information have had a profound impact on the transformation of thinking, action and memory. Through extensive access to the Internet and constant interaction with it, we are the main actors in the process of environmental engineering aimed at creating a new cognitive niche. In addition, the advent of mobile and wearable devices gradually erases the distinction between online and offline interactions, which, in turn, poses the challenge for cognitive science to adequately understand and describe human experience and cognition in the new digital age.

Keywords: cognitive science, mind–body problem, embodied cognition, progressive embodiment, cognitive ecology, Internet, bodily extensions, mobile and wearable devices, quantified self, cognitive offloading

Дискуссии о роли тела в процессе познания зарождаются вместе с философией и остаются одним из ее структурных блоков на всем протяжении ее развития. Исследования в рамках когнитивной науки, которые появляются в 1990-х годах XX века, предлагают новые и абсолютно нетривиальные подходы к рассмотрению познания: они настаивают на динамической взаимосвязи мозга, тела и «среды обитания» человека. Благодаря работам, которые сегодня признаны классикой философии (например, Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош «Воплощенный ум») в научном дискурсе закрепилось понятие воплощенного познания.

Концепция воплощенного познания сосредотачивается на сенсомоторной природе процесса познания. Утверждается, что связь между восприятием, сознанием и действием является не каузальной, а конститутивной. Отвергнув идею об автономном и изолированном характере процесса познания, сторонники воплощенности предлагают определять когнитивные феномены как зависимые от биологического и физиологического устройства организма.

Данная концепция представлена двумя версиями – сильной и слабой. Сторонники сильной версии воплощенного познания настаивают на том, что когнитивные процессы основаны на экстракраниальных (экстракраниальный – внечерепной) процессах и определяются ими. Согласно слабой версии между ними наличествует лишь каузальная связь [1]. В любом случае воплощенное познание фокусируется на ситуациях, в которых происходит активное взаимодействие с реальным миром с помощью различных сенсомоторных сигналов.

В рамках данной работы мы попробуем концептуализировать интернет как источник нового вида когнитивной экологии, рассмотреть когнитивные и эпистемологические последствия его влияния на формирование телесности в рамках концепции воплощенного познания.

Сегодня Интернет предоставляет широкий спектр возможностей, начиная от онлайн образования с помощью платформы Coursera и заканчивая умным холодильником, напоминающим о покупке молока. Но что он требует взамен? Как сильно влияет наша зависимость от онлайн ресурсов на протекание когнитивных процессов? Конечно, нельзя сразу найти простой и изящный ответ на этот вопрос, который был бы принят широким кругом заинтересованных лиц: академическим сообществом, средствами массовой информации, промышленными корпорациями. Единственный выход – терпеливо двигаться вперед, задавая более конкретные вопросы. И прежде чем искать практики воплощения в цифровом пространстве необходимо начать с определения некоторых свойств интернета, которые оказывают влияние на процесс познания.

Интернет не только изменил способ поиска и передачи информации, предоставил почти неограниченный доступ к данным и материалам, но и существенным образом преобразил сам процесс познания. Цифровая экспансия сознания – вот что является определяющим свойством современной цивилизации. Согласно данным Организации Объединенных Наций (сентябрь 2019 года) доступ к интернету имеют 4,5 миллиарда человек, почти 59% населения Земли [2]. Интернет не требует от своих пользователей высокого уровня технологической и технической подготовки. Большинство из нас носит его в своем кармане. Не существует возрастных ограничений его использования: двухлетний ребенок, даже не обладающий сформированными речевыми навыками, вполне самостоятелен в поиске необходимого ему контента.

Интернет – это «Дикий, дикий Запад»: сочетание безграничных просторов и новаторского подхода, но главное, что здесь каждый живет по своим правилам, и нет места централизованной редакции. Например, сетевая энциклопедия «Википедия». Приведем немного статистических данных: более 6 миллионов статей, более 3 миллионов зарегистрированных пользователей и милли-

ард редакций с момента создания (среднее количество правок на странице 16,4) [3]. Любой пользователь сети может стать автором или редактором, будь то обладатель докторской степени или ученик среднестатистической российской школы.

Интернет – это колоссальный объем ресурсов. При этом не существует ограничений на тип информации, который доступен благодаря Всемирной паутине. По данным сайта <https://www.worldwidewebsite.com> на сентябрь 2019 года в интернете не менее 5,7 миллиарда веб-страниц, и это без учета Deep Web и Dark Web. Интернет – это новый универсальный эксперт. Таблицы производных и интегралов, маршруты городского транспорта, столица Сент-Китс и Невис – есть ли смысл запоминать эту информацию или выгоднее сделать ее частью «cognitive offloading» (cognitive offloading – когнитивная разгрузка, или использование среды посредством выполнения определенных физических действий для снижения когнитивной нагрузки)? Поскольку человек ограничен в способностях к обработке информации (существуют пределы внимания и рабочей памяти) часть когнитивной нагрузки перекладывается на интернет. Нет необходимости тратить время на запоминание и кодирование новой информации, ведь ее можно получить в любой момент, приложив минимум усилий (пара кликов).

На первый взгляд, взаимодействие с интернетом кажется далеким от таких типичных для воплощенного познания ситуаций как движение глаз или жестикауляция. Однако появление мобильных и носимых устройств меняет наше представление о способах взаимодействия с онлайн-средой. Если раньше доступ в интернет был опосредован монитором компьютера и интерфейсом браузера, то сегодня новые устройства предлагают широкий спектр возможностей для размывания границы между офлайн и онлайн контентом.

Например, к способу телесного воплощения в цифровой среде можно отнести различные протяжения или расширения тела, новый вид «протезов» на основе интернет-технологий – носимые устройства. Являются ли они подлинной частью человеческого тела? С точки зрения биологии и анатомии, однозначный ответ – нет. Но если встать на позицию функционально-ориентированной концепции, которая утверждает, что тело опосредует сенсомоторное взаимодействие с миром, то определенно да. Если наши руки

считаются частью нашего тела, потому что с помощью них мы можем ощущать, хватать, поворачивать, то почему портативный экзоскелет [4] – это не часть нашего нового тела? Различные протезы-расширения (смартфоны или умные часы) несомненно являются частью наших воплощенных когнитивных процессов. Такая позиция открывает широкий путь к потенциальным формам когнитивно-телесной инкорпорации с различными небιологическими артефактами. Последние тенденции в развитии технологий в значительной степени согласуются с тем, что исследователь виртуальной и дополненной реальности Ф. Биокка называет «прогрессивным воплощением». Его идея заключается в том, что «технический прогресс влечет за собой погружение сенсомоторных каналов в компьютерные интерфейсы через более тесную связь, через проникновение различных датчиков и дисплеев в тело» [5].

Новые технологии меняют, и даже расширяют возможности, которые мы используем для отслеживания и регистрации наших телесных состояний и действий. Носимые устройства, таким образом, являются не только средством для преобразования контакта с онлайн-средой, они также влияют на отношения с нашим собственным телом.

Например, технологии «quantified self» (QS – лайфлоггинг), которые позволяют фиксировать и отслеживать физиологические характеристики (вес тела, качество сна, сердечный ритм). Благодаря подключению к интернету данные девайсы позволяют накапливать, хранить и анализировать колоссальные объемы персональной информации, а также подвергать ее крупномасштабным формам статистического анализа, что является подспорьем в проведении эпидемиологических и клинических исследований, способствующих анализу факторов, связанных с началом и прогрессированием заболевания.

Одно из следствий лайфлоггинга состоит в том, что он обеспечивает большую степень осознания своих телесных состояний и процессов. Таким образом, технологии самоконтроля иногда рассматриваются как средство создания цифровой информационной панели для биологического тела, позволяющей людям использовать множество ранее недоступных данных. Индивидуальное тело становится более познаваемым, вычисляемым и управляемым объектом.

Таким образом, с точки зрения экологической перспективы интернет представляется важной частью социально-технологической среды, в которой находится биологический мозг и реализуется механизм человеческого познания.

Литература

1. *Smart P., Heersmink R., Clowes R.* The Cognitive Ecology of the Internet // In book: *Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice* (2nd ed.) Publisher: Springer, Editors: Stephen Cowley, Frederic Valee-Tourangeau, 2017., свободный. URL: https://www.researchgate.net/publication/304958463_The_Cognitive_Ecology_of_the_Internet (дата обращения: 27.09.2019)

2. Internet World Stats: Usage and population statistics., свободный. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 27.09.2019)

3. Wikidata. Statistics., свободный. URL: <https://www.wikidata.org/wiki/Special:Statistics> (дата обращения: 27.09.2019)

4. *Lee G., Kim J., Panizzolo F. A., Zhou Y. M., Baker L.M., Malcolm P., Walsh C. J.*, Reducing the metabolic cost of running with a tethered soft exosuit // *Sci. Robot.* 2, eaan6708, 2017, свободный. URL: https://www.researchgate.net/publication/318079222_Reducing_the_metabolic_cost_of_running_with_a_tethered_soft_exosuit (дата обращения: 27.09.2019)

5. *Biocca F.* The Cyborg's Dilemma: Progressive Embodiment in Virtual Environments // *Journal of Computer-Mediated Communication*, Volume 3, Issue 2, 1 September 1997, JCMC324, свободный URL: <https://academic.oup.com/jcmc/article/3/2/JCMC324/4080399> (дата обращения: 27.09.2019)

ХАЙП КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО НЕОИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

*Ефанов Александр Александрович,
кандидат социологических наук, доцент департамента медиа
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
e-mail: yefanoff_91@mail.ru
г. Москва*

Аннотация

В статье раскрывается феномен хайпа как социального явления. Автор обращается к истории возникновения понятия, изучает этимологию. Применительно к медиакommunikациям впервые формулируется определение понятия «хайп» как процесса усиленного, «вирусного» медиатизирования информации о некоем акторе или явлении, основанного на известных политических / идеологических / культурных архетипах, но при этом предлагающего публике новый ракурс, иной взгляд, оригинальный подход. Посредством фрейм-анализа обосновывается продуктивность ранее предложенной К.В. Киуру типологии хайпов. Делается вывод, что хайп представляет собой социальное явление, оказывающее влияние на конструирование социокультурных ориентиров современного неоинформационного общества – образа жизни, убеждений, интересов и предпочтений, – которые становятся прямо связаны с медиапотреблением индивидов – их медиапрактиками, а вместе с тем и социальными практиками.

Ключевые слова: хайп, социальное явление, медиа, медиакommunikации, медиавирус, медиапотребление, медиапрактики, социальные практики, фрейм, фрейм-анализ, неоинформационное общество.

HYPE AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERN NEO-INFORMATION SOCIETY

*Yefanov A.A.,
PhD, Associate Professor of Department of Media,
Higher School of Economics – National Research University, Moscow*

Abstract

The article reveals the phenomenon of hype as a social phenomenon. The author turns to the history of the concept, studies etymology. In relation to media communications, the definition of the concept of “hype” is first formulated

as a process of enhanced, “viral” media replication of information about a certain actor or phenomenon, based on well-known political / ideological / cultural archetypes, but at the same time offering the public a new perspective, a different view, an original approach. Through frame analysis, substantiates the productivity of the previously proposed K. Kiuru typology of hypes. It is concluded, that hype is a social phenomenon, that affects the construction of socio-cultural landmarks of a modern neo-information society – lifestyle, beliefs, interests and preferences, – which are directly related to the media consumption of individuals – their media practices and at the same time social practices.

Keywords: hype, social phenomenon, media, media communications, media virus, media consumption, media practices, social practices, frame, frame analysis, neo-information society.

В современном неоинформационном обществе хайп стал рассматриваться как полноценное социальное явление, оказывающее влияние на конструирование ценностной системы индивидов. Этимологически понятие «хайп» берет свое начало в недрах экономической науки (HYIP – High Yield Investment Program), обозначая проекты, имеющие сходства с инвестиционным фондом с высокой доходностью. Исследователи отмечают, что «обычно хайп-проекты строятся по принципу «понзи», выплачивая баснословные проценты за счет новых поступлений и привлечения большого количества участников. Тем самым происходит подпитка свежими деньгами. После того, как поток денег прекращается или его не хватает для покрытия текущих обязательств, хайп закрывается, все выплаты заканчиваются» [1, с. 220]. По сути, в данном контексте феномен хайпа сродни явлению финансовой пирамиды. М.В. Колесник указывает, что атмосфера хайпа способствует монетизации сознания, при которой предприимчивые акторы начинают «делать деньги из воздуха». На этом фоне институционализировалась целая маркетинговая стратегия, обозначаемая как «airselling» [см.:2].

Применительно к медиа употребление понятия «хайп» впервые встречается у Д. Рашкоффа в книге «Медиавирус»: «Основной метод работы американских медиа – это hype. Первоначально это слово использовалось в Соединенных Штатах в 20-х гг. для обозначения дозы наркотиков. Это было сокращение от «hypodermic needle», «игла для подкожного впрыскивания» [3, с. 123]. По мне-

нию ученого, хайп становится основой для конструирования медиа-вирусов. Делается акцент на вирусном влиянии медиа посредством хайп-технологий – стремлении к искусственной сенсационности, навязчивом рекламировании, создании шумихи и ажиотажа вокруг определенного явления или персоны. Таким образом, определение Д. Рашкоффа фиксирует устойчивую дефиницию понятия «хайп» в коммуникационном пространстве.

В современных медиакоммуникационных условиях хайп представляет собой процесс усиленного, «вирусного» медиатиражирования информации о некоем акторе или явлении, основанный на известных политических / идеологических / культурных архетипах, но при этом предлагающий публике новый ракурс, иной взгляд, оригинальный подход [см.:4]. Как и любая PR-стратегия, хайп способствует не только популяризации объекта или предмета, но и получению реальной прибыли. Однако, учитывая непрерывность и интенсивность существующего медиапотока, феномен хайпа (по аналогии с НУП – финансовыми пирамидами) характеризуется эфемеризацией – быстрой банализацией и рутинизацией, неизбежной потерей интереса со стороны аудитории [см.:5].

К.В. Киуру определяет основные функции хайпа:

- 1) информативную – создание информационных поводов в отношении «вирусного» контента;
- 2) коммуникативную – выстраивание связей между объектом хайпа и целевой аудиторией;
- 3) формирование общественного мнения – конструирование социальных трендов на основе репрезентируемого объекта;
- 4) рекламную – пиаризацию определенных явлений, акторов или медиапродуктов с фокусированием на их коммерческой привлекательности;
- 5) рекреационную – «поддержание внимания к хайп-контенту через мемы, цитаты, пародии и анекдоты» [6, с. 147-148].

Данный функциональный ряд в своей совокупности эксплицирует функцию популяризации – через распространение в социуме определенных моделей поведения, культурных норм, правил и ориентиров вследствие их заимствования у лидеров общественного мнения (преимущественно блогеров).

Достижением концепции К.В. Киуру также является выделение типологии хайпов:

- а) негативного;
- б) позитивного;
- в) личностного;
- г) ситуативного.

К негативному относится хайп, основанный на скандалах, спорах и трагедиях. Здесь можно привести в качестве примера повышенный интерес общества к судебному делу об участии в драках российских футболистов А. Кокорина и П. Мамаева и осуждение их поведения: *«Помните, какой это был бум? В середине октября новости важнее похождения закадычных друзей из Краснодара и Санкт-Петербурга в центре Москвы не было вообще»* (Lenta.ru, 8.01.19).

Позитивный хайп преимущественно строится на культурных и общественно значимых событиях. Например, хайп вокруг творчества группы «Queen» в связи с выходом художественного фильма «Богемская рапсодия» в 2018 году: *«Стала известна самая прослушиваемая музыкальная композиция прошлого века на стриминг-сервисах. Ей стала песня “Bohemian Rhapsody” британской группы “Queen”, которая собрала более 1,5 млрд. прослушиваний. По данным СМИ, добиться столь рекордных показателей ей помогла одноименная картина, номинированная на премию “Золотой глобус”»* (Газета.ru, 11.12.18).

Личностный хайп разделяется на два подвида:

- субъект использует хайп-событие для того, чтобы самому прославиться;
- сам субъект совершает что-то неординарное, странное, резонирующее.

В первом случае хайп будет синонимичен понятию самопиар. Пример: *«Гендиректор PR-агентства “Простор: PR & Консалтинг” Р. Масленников подал в суд на блогера, главного редактора Sports.ru Ю. Дудя за пропаганду наркотиков. Об этом он рассказал в видео на своей странице в «Фейсбуке». Масленников потребовал взыскать с Дудя один рубль за моральный вред. По его словам, Дудь, спрашивая у некоторых из своих гостей, как им удалось перестать принимать наркотики, повышает интерес*

к этой теме» («Новая газета», 5.06.18). Благодаря широкой популярности блогера Ю. Дудя, информация об иске и имя Р. Масленникова попали на центральные полосы ведущих российских изданий (таких как «Московский комсомолец», «Афиша» и др.).

Примером личного хайпа второго подвида может послужить история рэп-исполнителя Оксимирона, который после огромного интереса к двум рэп-баттлам 2017 года с его участием провел концертный стадионный тур по стране: *«В “Олимпийском” прошел концерт Оксимирона – при полном аншлаге артист представил стадионную программу “Imperivm” и показал, какого места он заслуживает в картине русского рэпа. В течение уходящего года рэпер Оксимирон из просто популярного субкультурного артиста превратился в одно из главных действующих лиц русской жизни»* (Газета.ru, 07.11.17).

Ситуативный хайп, в свою очередь, образуется вокруг резонансного события. Пример – повышенное общественное внимание по всему миру к пожару в Соборе Парижской Богоматери, произошедшему 15 апреля 2019 года (в результате усиленной репрезентации в социальных медиа и блогах), который обусловил взлет продаж одноименного произведения: *«Роман Виктора Гюго “Собор Парижской Богоматери” после ночного пожара попал в десятку самых популярных книг на сайте “Amazon”, сообщает телеканал BFM TV»* (РИА Новости, 16.04.19).

На основании результатов проведенного исследования можно прийти к выводу, что хайп представляет собой социальное явление, оказывающее влияние на конструирование социокультурных ориентиров современного неоинформационного общества – образа жизни, убеждений, интересов и предпочтений, которые становятся прямо связаны с медиапотреблением индивидов – их медиапрактиками, а вместе с тем и социальными практиками.

Литература

1. Мальчиков Д.К. Нестандартное инвестирование: НУПР, биржи стартапов / Д.К. Мальчиков // Новая наука: Современное состояние и пути развития. – 2017. – № 1–1. – С. 219–222.

2. Колесник М.В. Феномен airtelling в контексте современности / М.В. Колесник // Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. – 2017. – С. 374–378.

3. *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф / Пер. с англ. Д. Борисова. – М.: Ультра Культура, 2003. – 368 с.

4. *Ефанов А.А.* «Хайпы» в современном поле медиа / А.А. Ефанов // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 1 (27). – С. 63–69.

5. *Ефанов А.А.* Хайп как новый коммуникационный тренд / А.А. Ефанов // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3 (20). – С. 144–150.

6. *Киуру К.В.* Новые меседжи в медиасреде как ответ на технологические возможности современной коммуникации: hure, flogging, sockpuppet / К.В. Киуру // Сб. науч. ст. по итогам III науч. конф. РММIS «Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы»: Челябинск, 28-29 марта 2019 г. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. – С. 147–148.

УДК 117+572+611.81

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ГОЛОВНОГО МОЗГА ЧЕЛОВЕКА

Зубаирова-Валеева Айгуль Сабировна,
кандидат философских наук, доцент Башкирского
государственного медицинского университета,
e-mail: angul@mail.ru

Храмова Ксения Вячеславовна,
доктор философских наук, профессор Башкирского
государственного медицинского университета,
e-mail: khramkv@mail.ru
г. Уфа

Аннотация

Авторы статьи задаются вопросом, в каком направлении возможна дальнейшая эволюция головного мозга человека. Хорошо известна тенденция к кортикализации – постепенному переподчинению функций подкорковых центров коре головного мозга. Однако вегетативная нервная система, по всем признакам, находится в переходном положении: много-

численные связи с корой не обеспечивают того качества обработки вегетативных сигналов, которого можно было бы ожидать при наличии полноценного коркового уровня ее организации. Авторы приходят к выводу, что кортикализация высших вегетативных центров – одно из наиболее вероятных и закономерных направлений ближайшей естественной эволюции головного мозга человека. Она будет сопровождаться качественным улучшением регуляции внутренних органов и систем и увеличением продолжительности жизни. Кроме того, к концу этого процесса человек, его разум должен стать подлинным хозяином своего организма не только относительно произвольных движений, но и относительно всех внутренних происходящих в нем процессов. Возможно, что мы будем иметь дело с новой, информационной формой движения биологической материи, которая аналогична ее интериоризации (своеобразному помещению «внутри» субъективной реальности).

Качества, обретение которых предполагается на этом пути, во многом превосходят фантазии на тему совершенствования мозга с помощью технических приспособлений и методов, что может открыть новую, пост-трансгуманистическую страницу в истории человечества будущего.

Ключевые слова: эволюция мозга, кортикализация вегетативных функций, вегетативная (автономная) нервная система, продолжительность жизни, трансгуманизм, форма движения материи, будущее, виртуальная реальность.

TO THE QUESTION OF THE PROSPECTS OF THE HUMAN BRAIN' FURTHER EVOLUTION

Zubairova-Valeeva A.S.,

Ph.D., associate professor of Bashkir State Medical University, Ufa

Khramova K.V.,

Ph.D., professor of Bashkir State Medical University, Ufa

Abstract

The authors of the article are wondering in what direction the further evolution of the human brain is possible. The tendency toward corticalization is well known – the gradual subordination of the functions of the subcortical centers to the cerebral cortex. However, the autonomic nervous system, by all indications, is in a transitional position: numerous connections with the cortex do not provide the high quality of processing of vegetative signals, which could be expected if there were a full-fledged cortical level of its organization. The authors conclude that corticalization of higher vegetative centers is one of the most probable and regular directions of the nearest evolution of the human

brain. It will be accompanied by a qualitative improvement in the regulation of internal organs and systems and an increase in life expectancy. In addition, by the end of this process, a person, his mind should become a true master of his body, not only with respect to voluntary movements, but also with respect to all internal processes occurring in him. It is possible that we will be dealing with a new, informational form of movement of biological matter, which is similar to its interiorization (putting "inside" subjective reality).

Qualities expected to be acquired along the way are in many ways superior to fantasies on the subject of improving the brain with the help of technical devices and methods, so this can open a new, post-transhumanistic page in the history of humanity of the future.

Keywords: brain evolution, corticalization of autonomic functions, autonomic nervous system, life expectancy, transhumanism, form of matter movement, future, virtual reality.

На сегодняшний день крайне популярны идеи расширения возможностей мозга с помощью технических средств (трансгуманизм, биохакинг, геновая инженерия). Однако нам хотелось бы обратиться к вопросу о том, возможно ли качественное совершенствование деятельности головного мозга человека в перспективе его естественной, биологической эволюции. Остаются ли более-менее реальные «незаполненные ниши», ступени развития, на которые может претендовать наш мозг в обозримом будущем, исходя из общебиологических трендов эволюции нервной системы? И в чём может заключаться эта эволюция?

По анатомо-функциональному принципу нервная система подразделяется на соматическую и вегетативную. Соматическая нервная система отвечает за двигательные реакции поперечнополосатой (скелетной) мускулатуры и осуществляет чувствительную иннервацию органов чувств и кожи, обеспечивая связь организма с внешней средой. Благодаря ей мы можем совершать осознанные, целенаправленные движения. Вегетативная (лат. *vegetus* – живой), или висцеральная (лат. *viscera* — внутренности) нервная система (далее – ВНС) более универсальна. Обеспечивая функционирование всех внутренних органов, гладкой мускулатуры, сосудов, желез внутренней и внешней секреции, она осуществляет также трофическую (греч. *trophē* – питание) иннервацию скелетной мускулатуры, кожи, органов чувств и самой нервной системы. Со-

стояние нашей эндокринной и иммунной систем теснейшим образом связано с ВНС и регулируется ею. В целом она отвечает за постоянство внутренней среды (гомеостаз) и обеспечение жизнедеятельности нашего организма.

Высшими вегетативными центрами называют относящиеся к подкорковым образованиям¹ лимбическую систему («висцеральный мозг») и гипоталамус², а также тесно связанные с ними участки коры [1, с. 8; 2, с. 110]³.

Несмотря на наличие тесной взаимосвязи между корой головного мозга и вегетативными функциями, степень подчинения ВНС коре больших полушарий остается далеко не полной. В основном через лимбическую систему она имеет связи со структурами древней (палеокортекс) и старой (архикортекс) коры, значительно меньше – с участками эволюционно возникшей наиболее поздно новой коры, или неокортекса⁴. Корковые представительства позволяют осуществлять вегетативное обеспечение произвольных мышечных движений⁵, задействованных в сложных поведенческих и эмоциональных актах (например, в механизмах пищевого и полового поведения). Патологические и чужеродные сигналы

---

¹ Подкорковые образования – скопления серого вещества (т.е. тел нейронов), ближайшего к коре головного мозга. В широком смысле к ним относят практически все структуры, лежащие между корой и продолговатым мозгом: базальные ядра, таламус, гипоталамус, комплекс образований, объединяемых в лимбическую систему и, частично, ретикулярную формацию.

² Гипоталамус нередко причисляют к структурам лимбической системы.

³ Считается, что как минимум две кортикальные области могут иметь непосредственное отношение к процессам регуляции висцеральных функций: это медиальная префронтальная и инсулярная (лат. *insula* – островок) кора. При этом инсулярной коре, с некоторыми оговорками, приписывают «висцеросенсорную», а медиальной префронтальной – «висцеромоторную» роль. См., например: [1, с. 8]. В.Н. Черниговский предлагал рассматривать медиальную префронтальную область (передние отделы внутренней, межполушарной поверхности лобных долей) в качестве специализированного «висцерального» поля коры [2, с. 110].

⁴ Кора головного мозга впервые возникла у высших рыб и земноводных (палео- и архи-кортекс). У пресмыкающихся дополнительно появляются зачатки новой коры (неокортекса), которая достигает наибольшего развития у млекопитающих и, особенно, у человека (около 95,6% поверхности коры больших полушарий).

⁵ Например, перед осуществлением определенной мышечной деятельности происходит выброс гормонов стресса, повышается артериальное давление и т.п.

со стороны коры способны вызывать разнообразные нарушения в деятельности внутренних органов [3], равно как и их состояние оказывает непосредственное влияние на наше самочувствие, способности и поведение.

Однако для обеспечения собственно вегетативных функций, по большому счету, достаточно наличия подкоркового звена центральной регуляции¹. Известно, например, что у собаки, оперативным методом лишенной больших полушарий, деятельность слухового и зрительного анализатора необратимо нарушается (сохраняется только общая ориентировочная реакция на звук и свет, обеспечиваемая глубокими подкорковыми и стволовыми структурами), так как уничтожаются корковые центры высшего анализа и синтеза слуховых и зрительных раздражений [4, с. 346–361]. Вместе с тем, жить она при соответствующем уходе может столько же, сколько живут нормальные животные: «здоровье такой собаки может быть в цветущем состоянии... так хорошо остается слаженной ее внутренняя деятельность», – писал И.П. Павлов [5, с. 89–90]. То есть функционирование вегетативных функций у нее практически не пострадает. В аналогичном (так называемом, «вегетативном») состоянии многие годы могут пребывать и люди, у которых по каким-либо причинам, например, вследствие тяжелой гипоксии, необратимо пострадали нейроны коры головного мозга.

В связи с тем, что вегетативная нервная система в значительно меньшей степени, чем соматическая, представлена в коре больших полушарий и, как следствие, гораздо меньше воспринимается и контролируется сознанием, она также получила названия «автономная нервная система» и «непроизвольная нервная система»². Без специальной аппаратуры, так называемых *устройств биологической обратной связи*, информирующих нас о показателях вну-

---

¹ Нижней, «минимальной» границей жизнеспособности организма можно назвать функционирование жизненно важных центров продолговатого мозга.

² Относительная автономность ВНС связана также с тем, что её эффекторные нейроны располагаются вне головного и спинного мозга, в вегетативных ганглиях (узлах). На их уровне, то есть без участия ЦНС, могут замыкаться некоторые вегетативные рефлексы (так называемые периферические, или местные, висцеральные рефлексы).

тренней среды, нам крайне сложно научиться регулировать свои биохимические показатели, деятельность внутренних органов, величину артериального давления, температуру тела, концентрацию гормонов в крови и т.п. Именно поэтому сознательная регуляция температуры тела тибетскими монахами, практикующими йогу внутреннего тепла (*туммо*), временная остановка сердечной деятельности индийскими йогами и другие подобные феномены воспринимаются нами как сверхъестественные.

В ходе эволюции наблюдается тенденция к кортикализации – постепенному переподчинению функций подкорковых центров коре головного мозга. Фактически организация всех наших анализаторов (сенсорных систем) включает три основных уровня: периферическую часть (рецепторы органов чувств), подкорковый уровень и корковый уровень. На их фоне наша вегетативная нервная система (включающая висцеральный анализатор) серьезно «отстала» в своем развитии¹: существующие многочисленные связи с корой, в том числе носящие регулятивный характер, не обеспечивают того качества обработки вегетативных сигналов, которого можно было ожидать при наличии полноценного коркового уровня ее организации.

Следовательно, наши высшие вегетативные центры находятся в определенном смысле в переходном положении, так как их кортикализация ещё не завершена. И есть все основания для того, чтобы утверждать, что этот процесс – одно из наиболее вероятных и закономерных направлений ближайшей эволюции нашей нервной системы.

Что же может дать нам окончательная кортикализация вегетативных центров?

Во-первых, мы будем наблюдать чрезвычайную слаженность и эффективность функционирования всех органов и систем, существенное повышение адаптационных возможностей и выживаемо-

---

¹ ВНС характеризуется также рядом «примитивных» черт, отличающих её от соматической НС. В частности, большинство вегетативных нервов имеют простое, кабельное (а не сетчатое) строение, они более тонкие по диаметру, не имеют миелиновой оболочки и, как следствие, обладают гораздо меньшей скоростью проведения нервного импульса (0,5–3 м/с по сравнению с 60–120 м/с у соматических нервных волокон).

сти. Как следствие, можно прогнозировать значительное, если не многократное, увеличение продолжительности жизни. Защитные, восстановительные способности такого организма превзойдут самые смелые ожидания.

Во-вторых, речь идет о неких сущностных отличиях в сознании такого человека. Мы можем попробовать лишь гипотетически описать это состояние, опираясь на полученную нами модель организации его центральной нервной системы. Кора головного мозга является материальной основой деятельности нашего сознания, и к концу вышеупомянутого этапа развития вегетативных центров человек, его разум должен стать подлинным хозяином своего организма не только относительно произвольных движений, но и относительно всех внутренних происходящих в нем процессов. Мысль окажется непосредственной творческой силой, по крайней мере, в отношении собственного тела человека. В определенном смысле реальность тела окажется вторичной, производной по отношению к реальности сознания, то есть реальностью виртуальной.

Как пишет Н.А. Носов, субъективный образ объективного мира, формируемый нашими органами чувств, обладает «всеми характеристиками виртуальной реальности» [6, с. 161]. Онтологически количество уровней иерархий реальностей не ограничено, но для конкретного человека актуально существуют только две реальности: одна константная и одна виртуальная [там же, с. 158]. Однако отношения между виртуальной и константной реальностями относительны: «виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью, при этом константная реальность первого уровня может свернуться, став виртуальным объектом новой константной реальности» [там же]. Что-то подобное, по-видимому, должно происходить и при завершении рассматриваемого нами процесса.

Таким образом, возможно, что мы будем иметь дело с новой, информационной формой движения биологической материи, которая аналогична ее интериоризации (своеобразному помещению «внутри» субъективной реальности), распрямлению. И то, что со стороны может быть расценено как нарушение естественных физических свойств тела или его «чудесное» превращение, окажется лишь свидетельством трансформации наличной человеческой

природы, соответствующей следующему уровню её организации¹. Сознание будет определять бытие и даже полностью совпадать с ним. Поэтому можно предположить, что физическое бессмертие, как мы его понимаем, теряет для такого индивида всякий смысл. Это своего рода «переворот оснований бытия», изменяющий саму природу жизни человека.

В связи с этими выводами представляет несомненный интерес типология субъективных реальностей, предложенная Д.И. Дубровским. По его мнению, пока нам известны только два типа субъективной реальности. Первый из них обнаруживается у животных; второй – субъективная реальность, присущая человеку и обладающая, в отличие от первой, принципиально новым качеством воспроизводить «информацию об информации» [7, с. 149–150].

Однако не исключено, пишет Дубровский, что может существовать иной, третий тип субъективной реальности, который «способен предоставлять самоорганизующейся системе... информацию о *внутреннем носителе* информации (его кодовой организации, механизмах функционирования, обеспечивающих психическое переживание данной информации)» [там же, с. 151]. Это предполагает значительное расширение возможностей такого индивида, включая «вегетативный и другие нижележащие уровни регуляции, обычно закрытые для произвольного, сознательного управления» [там же, с. 157]. Данный тип субъективной реальности, по мнению Дубровского, может быть обнаружен, например, у представителей какой-нибудь внеземной цивилизации или стать следующей ступенью эволюции субъективной реальности человека [там же, с. 123, 151].

Таким образом, мы пришли к выводу, что кортикализация высших вегетативных центров – одно из наиболее вероятных и закономерных направлений ближайшей естественной эволюции головного мозга человека. Она должна сопровождаться качественным улучшением регуляции внутренних органов и систем и, возможно, изменением некоторых основополагающих характеристик деятельности человеческого сознания. Качества, обретение которых

---

¹ Этот уровень условно можно назвать «ноосферным» (от греч. noos – разум), т.к., по всей видимости, более всего мы знакомы с ним как с миром нашего сознания.

предполагается на этом пути, во многом превосходят фантазии на тему совершенствования мозга с помощью технических средств и, следовательно, могут позволить человечеству будущего (в далёкой перспективе) отбросить костыли трансгуманизма как, возможно, необходимый, но промежуточный этап своего существования.

Литература

1. *Пантелеев С.С., Багаев В.А., Ноздрачев А.Д.* Кортикальная модуляция висцеральных рефлексов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 208 с.

2. *Черниговский В.Н.* Нейрофизиологический анализ кортико-висцеральной рефлекторной дуги (представительство внутренних органов в коре головного мозга). – Л.: Наука, 1967. – 110 с.

3. *Быков К.М., Курцин И.Т.* Кортико-висцеральная патология. – Л.: Медгиз, 1960. – 575 с.

4. *Павлов И.П.* Полное собрание соч. в 6 т. – Т.4. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. – М.-Л.: Изд-во акад. Наук СССР, 1951. – 451 с.

5. *Павлов И.П.* Некоторые проблемы в физиологии больших полушарий // Павлов И.П. Полное собрание соч. в 6 т. – Т. 3, кн. 2. – М.-Л.: Изд-во акад. Наук СССР, 1951. – С. 89–105.

6. *Носов Н.А.* Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.

7. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.

ЦИФРОВОЙ ПЕРЕГРУЗ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

*Каримов Артур Равилевич,
доктор философских наук,
заведующий кафедрой социальной философии
Казанского федерального университета,
e-mail: arrkarimov@kpfu.ru
г. Казань*

Аннотация: В данной статье рассматривается влияние Интернета на наши когнитивные практики с позиций биокультурного конструктивизма. В центре идея того, что культура серфинга в сети Интернет коренным образом трансформирует наш мозг и соответственно, качество и глубину восприятия информации. А именно, восприятие становится фрагментарным, рассеянным, поверхностным. Субъект становится неспособным к длительной концентрации внимания на большом объеме текста. В пользу данной точки зрения в статье приводится ряд эмпирических исследований.

Ключевые слова: цифровизация, медиа, Интернет, биокультурный конструктивизм, когнитивные практики.

DIGITAL OVERLOAD: TRANSFORMATION OF COGNITIVE PRACTICES IN THE ERA OF THE INTERNET

*Karimov A.R.,
Doctor of Philosophy,
Head of Department of social philosophy
Kazan Federal University,
e-mail: arrkarimov@kpfu.ru
Kazan*

Abstract

This article discusses the impact of the Internet on our cognitive practices from the standpoint of biocultural constructivism. The idea is that the culture of surfing the Internet fundamentally transforms our brain and, accordingly, the quality and depth of perception of information. Namely, perception becomes fragmented, diffused, superficial. The subject becomes incapable of long-term concentration of attention on a large volume of text. In favor of this point of view, the article presents a number of empirical studies.

Keywords: digitalization, media, Internet, biocultural constructivism, cognitive practices.

Введение

Основная идея Маршалла Маклюэна, которую он высказал в работе «Понимание медиа» и которая наиболее часто цитируется: «медиум – это и есть сообщение». Маклюэн выразил эту мысль в отношении набирающих в тот момент популярность электронных средств массовой информации, и прежде всего, телевидения. По мнению Маклюэна, телефон, радио, кино и телевидение разрушают тиранию текста над нашим сознанием и постепенно Галактике Гуттенберга приходит конец. При этом важно не то, что сменилось средство передачи информации. Важно, что само это средство заменило сообщение и является этим сообщением. Человек читающий и человек, смотрящий телевизор, – это уже два разных человека, по-разному относящихся к миру, имеющие различные когнитивные привычки. Маклюэн пишет: «Эффекты технологий проявляются не на уровне мнений и концептов... скорее они постепенно и без сопротивления меняют паттерны восприятия» [1, с. 31]. Как замечает по этому поводу Н. Карр: «Любая интеллектуальная технология предполагает определенную интеллектуальную этику, набор предположений о том, как работает и как должен работать человеческий разум... Интеллектуальная этика – это то сообщение, которое средство передает в умы и культуру своих пользователей» [2, с. 45].

Эпоха Интернета еще более усиливает тезис Маклюэна, что медиум – это сообщение. Интернет радикально трансформировал среду, в которой познает современный человек. И если это так, то он не мог не повлиять и на когнитивные практики современного человека – активного пользователя ПК и различных мобильных устройств. Выгоды от распространения компьютеров и Интернета всем очевидны. Сегодня познающему субъекту (автору научного текста) можно легко сделать за несколько минут то, что раньше требовало несколько дней или недель: есть поисковые сервисы Google, Яндекс, есть специализированные электронно-библиотечные ресурсы, такие как eLibrary.ru, есть, наконец, «народная энциклопедия» Википедия. Есть также социальные сети Facebook,

Вконтакте, Twitter, где выкладывается актуальная информация, которая интересна членам той или иной группы. Все это значительно убыстряет и упрощает процесс получения информации. Технология гипертекста позволяет быстро переходить по ссылкам для поиска нужной информации.

Однако цена, которую мы платим за эти удобства, не всегда осознается. Если медиа, как полагал Маклюэн, не есть просто каналы для поступления информации, если они трансформируют сам процесс познания и мышления, то было бы удивительно, если бы тот же эффект, который в свое время оказало распространение телевидения и радио, не оказал Интернет, являющийся сегодня гораздо более влиятельным, чем были телевидение, радио или кино на протяжении прошлого века. Эта идея Маклюэна ставит под сомнение популярную и укоренившуюся у нас идею, что технологии – это просто средства, которые можно использовать как во зло, так и во благо (молоток), что они сами по себе ни плохие, ни хорошие. Если технологии сами по себе изменяют нас, то это уже не что-то внешнее по отношению к нам, как молоток. И если технологии оказывают такое важное влияние на нас (а с этим соглашаются все – как энтузиасты цифровых технологий, так и скептики), то возникает опасение, что технологии в какой-то момент превращаются из инструмента, из слуги, – в господина, в хозяина над нами.

Интернет-революция и ее влияние на когнитивные практики

1445 год – изобретение печатного станка Гуттенбергом. Книга превратилась из дорогой вещи для избранных в товар, доступный для многих. Цена книг упала примерно в 1000 раз. В течение только 50 лет после изобретения печатного станка количество напечатанных книг уже превысило количество написанных писцами книг за всю предыдущую историю. Естественно, печатались не только Библия и классики античной литературы, все что угодно – от indulgenций Католической церкви до порнографической литературы. Чтение и письмо – это базовая интеллектуальная деятельность.

Умение читать и писать когда-то было то, что отличало образованное население от необразованного. Читать (про себя) требует концентрации на протяжении определённого времени, ментальной дисциплины, человек должен быть более внимательным. А это с точки зрения биологии нашему мозгу вообще не присуще. Наш

мозг эволюционно запрограммирован постоянно отвлекаться. Первобытный человек должен был быть постоянно начеку. Постоянно сканировать окружающее. Неподвижные объекты у нас не должны вызывать интереса с биологической точки зрения. Эта постоянная смена фокуса когда-то была очень важна для выживания. Она снижает шансы, что хищник нас застанет врасплох или что мы где-то проглядим источник пищи.

Чтение книги – это неестественный процесс, который требует постоянной концентрации на одном статичном объекте. Человеку нужно было тренировать свой мозг, чтобы противостоять стремлению постоянно отвлекаться на чувственные стимулы. укреплять в мозгу синаптические связи, которые этому способствуют.

В 20-м веке произошла новая революция. Здесь важны два события: 1) изобретение компьютера; 2) изобретение Интернета. Вместе они заменяют многие другие изобретения: карту, часы, счеты, телефон, почту, ту же книгу, фотоаппарат (пример разорившейся фирмы Кодак), радио, кино и телевидение.

В 1936 году Алан Тьюринг опубликовал первую статью, в которой высказал идею универсальной вычислительной машины. За столетие до этого схожие идеи высказывал английский математик Чарльз Бэббидж. Почему это «универсальная машина»? Потому что оцифровать можно все, превратить в совокупность нулей и единиц: от 9-й симфонии Бетховена до газеты. Современные компьютеры не сильно качественно отличаются от самых первых, только техническими параметрами – скорость вычислений, скорость и объём памяти, скорость Интернета т.д. Главное – ценой. Компьютеры стали доступны для всех. То же самое, как это произошло с книгой в 15 веке. А с появлением смартфонов компьютеры уместились в человеческую ладонь и сопровождают его повсюду, где бы человек не находился.

Согласно сайту «Digital Trends 2019» мы проводим довольно большое количество времени онлайн [3]. Среднее время, которое человек проводит в Интернете – 6 ч. 47 минут в день (в России 6 ч. 29 минут в день). Из этого времени в социальных сетях мы проводим в среднем 2 ч. 16 минут в день. При этом, за последние 5 лет это время выросло в два раза и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Как отмечает Лючано Флориди (Оксфорд), сегодня больше

нет смысла разделять между «онлайн» и «оффлайн». Мы уже всегда «онлайн» (onlife), в «инфосфере», где нет разделения на аналог и цифру [4].

Подобное распространение Интернета не могло не оказать значительного влияния на наши когнитивные привычки. Казалось бы, нет разницы, как воспринимать информацию – в книге или на веб-странице. Тем не менее, есть ряд отличий:

1. Эти процессы отличаются физически. В ходе чтения с экрана мы используем мышь или палец для скроллинга, поэтому это не просто зрительное, но и тактильное ощущение.

2. Различается степень внимания и глубина погружения. Сравните выражение «серфинг по Сети», т.е. буквально скольжение по поверхности.

3. Наличие гиперссылки на веб-странице. Гиперссылка, с одной стороны, подобна примечанию в тексте, но есть разница. Примечание не уводит нас от текста. А гиперссылка переключает нас на другой текст. Она как бы стимулирует нас идти дальше и дальше по этим гиперссылкам и препятствует концентрации внимания на каком-то одном тексте.

4. Наличие поиска по словам или ключевым фразам в Интернете. С одной стороны, это некий вариант того, что уже было (индекс в монографиях). С другой стороны, поиск по тексту причудливо заставляет нас рассматривать фрагмент текста отдельно, без контекста. То есть происходит фрагментация восприятия текста. Как отмечает Н. Карр: «Мы не видим леса, когда осуществляем поиск по Сети. Мы даже не видим деревьев. Мы видим ветки и листья» [2, с. 91].

Что из себя представляет типичная Web-страница? Это комбинация текста, видео, аудиострима, навигационная панель, различная реклама. Плюс постоянные сообщения из приложений. У типичного пользователя Интернета на мобильном устройстве установлены как минимум следующие приложения: Whatsapp, Skype, Вконтакте, Facebook, Instagram, Twitter, Telegram, почтовое приложение. И все это постоянно мигает новыми сообщениями: «Когда мы включаем компьютер, мы погружаемся в экосистему технология для прерывания [внимания]», пишет К. Докторов [5].

Более того, печатная продукция также старается подражать веб-сайту. Возьмите гляцевые журналы. Большие картинки,

фотографии составляют приблизительно 90% объема, остальные 10% – небольшие тексты, которые также разбиваются картинками для облегчения восприятия.

Редактор лондонской газеты Таймс называет век Интернета «Веком заголовков» (headline age) [6]. Имеется в виду, что в Сети люди редко в своем чтении идут дальше заголовков. Исследования психологов, нейробиологов, теоретиков образования, веб-дизайнеров склоняют к выводу, что когда мы выходим в онлайн, мы вступаем в среду, которая поощряет невнимательное чтение, поспешное и рассеянное мышление, и поверхностное обучение. «Можно мыслить глубоко во время серфинга по Сети, так же как можно мыслить мелко во время чтения книги, но это не тот тип мышления, который данная технология поощряет и награждает» [2, С. 116].

При этом даже электронная книга не является простой заменой бумажной. С одной стороны, в электронных книгах можно также делать пометки на полях, выделять текст и т.д. С другой стороны, с текстом электронной книги происходит тоже самое, что и с просмотром веб-страницы. Благодаря тому, что вы имеете постоянное подключение к Интернету, в каком-то смысле электронная книга превращается в Интернет-сайт. Например, в приложении Kindle можно выделить непонятное слово и во всплывающем окне выйдет определение из толкового словаря английского языка, статья в англоязычной Википедии или результат поиска по Google. Не говоря уже о том, что пока вы читаете книгу на электронном девайсе постоянно всплывают сообщения из твиттера, ВК и т.д.

В книге «Отвлеченные: эрозия внимания и приход Темного времени» М. Джексон отмечает, что непрерывающийся поток телефонных звонков на мобильный, е-мейлов, мгновенных сообщений, СМС и т.д. является частью институционализированной культуры прерывания внимания (interruption), что мешает концентрации и творческому мышлению [7].

Часто в литературе отмечается, что использование Интернет-технологий делает наш мозг более мульти-задачным, а следовательно, более гибким. По этому поводу можно ответить, что действительно, наш мозг становится более многозадачным, но эта многозадачность не может прийти без потери чего-то. Если вы по-

стоянно разговариваете за рулем, то чисто теоретически вы можете развить скорость реакции до такой степени, что задержка внимания не будет опасной для вождения. Но, как отмечают авторы одного исследования: «скорость реакции никогда не уменьшится до того уровня, какой есть у человека, не разговаривающего во время вождения. То есть тренировка помогает, но только до определённой степени» [8]. То же относится и к восприятию информации в Сети. Возможно, это и делает наш мозг более многозадачным, но это неизбежно снижает способность концентрироваться на какой-то одной задаче.

Промежуточный вывод, который хотелось бы сделать, состоит в том, что, если революция Гуттенберга состояла в том, что книга, а точнее культура чтения привила человеку определенную культуру мышления, которая сохранялась на протяжении столетий, то сейчас эта культура стремительно теряется. То, что не удалось сделать до конца телевизору, по-видимому, все же удастся Интернету. Интернет прививает нам новую интеллектуальную этику, о которой говорилось во введении. Способность концентрировать внимание в течение достаточно долгого периода на одном тексте во время чтения книги в течение столетий воспитывала в людях культуру вдумчивого, глубокого отношения к тексту, способность рефлексировать на отвлеченные темы. Гиперстимуляция, цифровой перегруз Интернета поощряют совершенно иные интеллектуальные привычки, и прежде всего поверхностное и постоянно скользящее по гиперссылкам мышление, не способное сконцентрироваться на каком-то значимом отрезке текста. Мозг такого субъекта в принципе не способен воспринять нечто вроде «Критики чистого разума» И. Канта, не говоря уже о том, чтобы создать нечто подобное.

Есть ли у данных наблюдений какие-то научные подтверждения, кроме субъективных наблюдений перечисленных авторов? Для этого сначала необходимо рассмотреть понятие нейропластичности.

Нейропластичность

Идея о том, что нервные клетки не восстанавливаются, давно опровергнута учеными. Раньше считалось, что к 20-ти годам созревание в мозге заканчивается, и он уже никак не меняется физиологически, на клеточном уровне. Здесь еще сыграла свою не-

гativity роль популярная метафора мозга как суперкомпьютера. Метафоры не всегда помогают в науке (хотя есть примеры удачных метафор: Большой взрыв, волны в физике, генетический код в биологии и т.д.). В частности, о мозге говорят в компьютерных терминах: мозг «обрабатывает» информацию как машина. Главная проблема здесь в том, что компьютерная метафора предлагает такую картину, в которой мы можем отделить «софт» от «железа». Причем «железо» есть нечто фиксированное неизменное. Анализируя «железо», вы ничего не узнаете о «софте» и наоборот.

Еще в 70-е гг. XX в. были проведены опыты на лабораторных крысах, которые показали, что нейроны на протяжении жизни физически реорганизуются, выстраивают новые связи. В частности, подопытным крысам перерезали нервные окончания на конечностях и смотрели, что происходит в мозге. Поначалу в мозге все перемешивается, выстраиваются ложные цепочки. Когда дается воздействие на одну зону, мозг ощущает воздействие в другой зоне и т.д. Однако, когда провели исследования с той же самой крысой через несколько месяцев, то с удивлением обнаружили, что мозг сам себя переформатировал (опять компьютерная метафора), выстроились новые «дорожки», которые уже позволяли мозгу корректно определять источник нервного возбуждения [9].

Идея, что мозг пластичен в дальнейшем была подтверждена на многочисленных исследованиях. Эта пластичность уменьшается с возрастом, естественно, но она не исчезает полностью. Каждый раз, когда мы выполняем некоторую задачу, активируется некоторый набор нейронов. Чем чаще мы выполняем эту задачу, тем более крепкие синаптические связи между нейронами. То, как мы воспринимаем мир, не детерминировано ни генами, ни ранними детскими переживаниями. Это постоянно эволюционирующий процесс. У скрипачей зоны мозга, которые ответственны за обработку сигналов с левой руки намного больше, чем у обычного человека (а отвечающие за правую руку – те же). Игра на скрипке производит физические изменения в мозге. У таксистов задняя часть гиппокампа, которая отвечает за ориентацию в пространстве, физически намного больше, чем у обычных людей.

Концепцию биокультурного конструктивизма в отечественной философии развивает В.А. Бажанов. В монографии «Мозг – куль-

тура – социум», Бажанов отмечает: «Особенности культурного развития человека и его непосредственная деятельность оказывают заметное влияние на архитектуру мозга. Это проявляется в том, что определенные разделы мозга претерпевают такого рода физиологические изменения, которые связаны с выполнением определенных задач и/или более эффективным выполнением какого-то вида деятельности. Это позволяет говорить о культурно-деятельностной детерминации физиологического устройства и активности мозга» [10, с. 73].

Но с нейропластичностью есть определенный парадокс. Пластичность не означает эластичность. Мозг – это не совсем пластилин, которому можно легко придать любую форму. Дело в том, что связи в мозгу, которые укрепляются благодаря повторению, формируют привычку. Когда в мозгу закрепляется некоторая цепочка, мы хотим (т.е. нас мозг хочет) продолжать ее воспроизводить [11]. Нам тяжело делать то, что является новым для нас, и приятно то, к чему наш мозг уже привык. Иными словами, эта нейропластичность может закрепить как хорошие привычки, так и плохие (например, наркоманию).

Клетки мозга следуют правилу выживания наиболее занятых (survival of the busiest). Это не значит, что мы не можем проложить в нашем мозгу новые дорожки, но мозг движется по пути наименьшего сопротивления. Мы идем по той дорожке, которой чаще всего ходили. И чем чаще мы идем по этим дорожкам, тем тяжелее нам (нашему мозгу) свернуть сторону. Какие дорожки выстраиваются благодаря новым технологиям, и прежде всего Интернету?

Эмпирические данные

Постоянное использование Интернета влияет на наш мозг, т.е. имеет в буквальном смысле неврологические последствия для изменения архитектуры нашего мозга. Как отмечают Г. Смолл и Г. Ворган в работе «Цифровой мозг: преодоление технологического изменения современного ума», существующее взрывное развитие цифровых технологий не только изменяет наш образ жизни и то, как мы общаемся, но на глубинном уровне изменяет наш мозг: «Ежедневное использование компьютеров, смартфонов, поисковых сервисов и других подобных инструментов стимулирует перестройку клеток мозга и выпуск нейротрансмиттеров, посте-

пенно усиливая новые дорожки в нашем мозгу и ослабляя прежние» [12, с.1]

Считается, что чем больше одновременных стимулов восприятия, тем лучше. Современные веб-страницы наполнены мультимедийным содержанием: большое количество картинок, аудиосопровождение и т.д. На этом построены многие технологии современного образования, прежде всего онлайн-обучение, которое предлагает сочетать видео-, аудио- и текстовый ряды.

Однако в 2007 г. было проведено исследование, которое доказывает обратное [13]. Были отобраны две группы людей. Обои группам показали презентацию, посвященную стране Мали. У первой группы была только текстовая презентация. Второй группе показали презентацию, где вместе с текстом был аудиовизуальный ряд, встроенный в презентацию. После этого, обе группы прошли тест из 10 вопросов по материалу презентации.

Были получены интересные результаты. Те, кто смотрели только текстовую версию презентации, ответили в среднем на 7.04 из 10 вопросов правильно, а те, кто смотрели мультимедиа-версию на 5.98 из 10. Был сделан вывод, что мультимедийная подача материала скорее ухудшает, а не улучшает восприятие информации.

В другом исследовании тех же авторов проверялось, как влияет использование студентами ноутбуков во время лекции. Были отобраны две группы. Одна группа использовала на лекции ноутбуки, подключенные к интернету, а другой запретили пользоваться ноутбуками. После этого проверили знание содержания лекции. Результаты у тех, кто пользовался ноутбуками, оказались значительно хуже, причем не только у тех, кто просто проверял почту и социальные сети, но даже у тех, кто искал релевантную информацию по теме лекции. Т.е. не важно было, как использовали ноутбук студенты во время лекции, искали они информацию по теме лекции или нет, они все равно восприняли информацию хуже.

В еще одном исследовании [14] одной группе студентов показали обычный репортаж телеканала CNN с бегущей строкой, красивыми картинками, а другой группе тот же репортаж, но просто с говорящей головой ведущего. Те, кто смотрели мультимедийную версию, запомнили гораздо меньше фактов, чем те, кто просто смотрел на говорящую голову. Вывод, который делают исследователи:

по-видимому, мультимедийный формат превосходит способность зрителя к концентрации внимания.

Еще одно исследование было посвящено изучению движения зрачка во время чтения обычного текста книги и веб-страницы [15]. Чтение сопровождается саккадирующими движениями глаз, фиксирующими взгляд на ряде пунктов в быстрой последовательности. Эти саккадирующие движения были замерены – на глаза надевали специальные мини-камеры, которые фиксировали движение глаз. В эксперименте приняли участие 232 человека. Выяснили, что, когда испытуемые читали обычный текст, они методично, строчка за строчкой просматривали текст. Однако у тех, кто читал онлайн-текст, была совершенно другая картина. Они скорее пробежали текст глазами в формате английской буквы F, т.е. они начинали, смотря сразу на 2-3 первые строчки посередине текста, потом спускались вниз и просматривали еще несколько строчек таким же образом. И только в конце они просматривали краем глаза левую часть текста.

Другое исследование показало, что количество времени, которое люди проводят за чтением веб-страниц не коррелирует с количеством текста на этой странице [16]. Иными словами, восприятие текста на веб-странице совершенно отличается от восприятия текста книги. Была проанализирована большая база данных логов просмотров веб-страниц группы людей (почти 45000 страниц). По идее должно быть так, что чем больше текста на веб-странице, тем дольше должно задерживаться на ней внимание. Однако выяснилось, что прямой корреляции нет. За каждые лишние 100 слов время, которое проводили пользователи на данной странице увеличивалось в среднем на 4.4 секунды. За это время человек обычно успевает прочитать 18 максимум слов. Т.е. вывод был сделан такой: «Если вы добавляете текст вашу веб-страницу, вы можете быть уверены, что пользователи прочитают не более 18% этого текста» [16].

Отечественные исследователи влияния цифровых технологий на образовательную среду (в частности, в школе) приходят к схожим выводам. Д.А. Антонова, Е.В. Оспенникова, Е.В. Спирина отмечают следующие, неизбежные, по их мнению, последствия предстоящей цифровизации школьного образования:

«– частичная утрата навыков письма;

– падение уровня читательской компетенции, что связано, с одной стороны, со сложностью работы с пространственными текстами в их цифровом формате, с другой – с характерным для цифровой среды акцентом на наглядные формы представления учебного материала в ущерб его последовательному и развернутому письменному изложению;

– снижение качества устной речи и готовности к вербальной коммуникации в различных формах (рассказ, объяснение, диалог как основа обсуждения, дискуссии, полемики);

– низкий уровень готовности к социальному взаимодействию и, как следствие, оскудения вербальной техники обучаемых;

– снижение уровня интеллектуального развития и, как результат, отставание в развитии речевой практики;

– падение качества практических умений и навыков из-за невысокого объема работ с натурными учебными объектами и реальными объектами социальной культуры;

– разрушение системы методологической подготовки учащихся (совершенно очевидно, что нельзя познавать природу только через ее модельные образы в виртуальной среде; такие модели при условии их достаточно высокого качества могут стать лишь одним из средств обучения)» (17, с. 17).

Заключение

В заключение хотелось бы сказать, что дебаты по поводу цифровых технологий ведутся достаточно давно. Отчетливо сформировались две группы: цифровые энтузиасты и цифровые скептики. Обе группы не желают друг друга слушать. Но в этих дебатах больше лозунгов, чем конкретных аргументов. В данной статье мы постарались привести научно обоснованную аргументацию в пользу цифрового скептицизма. Хотелось бы, чтобы сторонники цифровизации в дискуссии оперировали схожими аргументами, а не лозунгами: «Луддиты!», «Цифровые мигранты!», «Нельзя остановить прогресс!» и т.п. Тот факт, что для людей нечто является более привлекательным, еще ни о чем не говорит. Хотелось бы напомнить историю про мышку, которой подключили напрямую в мозг к центру удовольствия электрод и с помощью нажатия на кнопку она могла непосредственно стимулировать этот центр.

Как известно, эта мышка не ела, не пила, а до последнего издыхания продолжала нажимать кнопку. Не делает ли из всех нас Интернет, социальные сети этих мышек, которые вновь и вновь до изнеможения готовы нажимать вожделенную кнопку?

Литература

1. *McLuhan M.* Understanding Media: The extensions of man, critical ed., ed. W. Terrence Gordon (Corte Madera, CA: Gingko, 2003).
2. *Carr N.* The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. W. W. Norton & Company. Kindle Edition. 2010.
3. Digital Trends 2019. [Интернет-ресурс. Дата обращения 01.10.2019] <https://thenextweb.com/contributors/2019/01/30/digital-trends-2019-every-single-stat-you-need-to-know-about-the-internet/>
4. *Floridi L.* What Kind of Society Should the Information Society Be? [Электронный ресурс]: <https://uchv.princeton.edu/events/luciano-floridi-university-oxford-what-kind-society-should-information-society-be>
5. *Cory Doctorow* “Writing in the Age of Distraction”, Locus, January 2009.
6. Цит. По: *Ramey Carl R.* Mass Media Unleashed (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007). – P. 123.
7. Digital Overload Is Frying Our Brains [Интернет-ресурс. Дата обращения 01.10.2019] <https://www.wired.com/2009/02/attentionlost/>
8. Paul E. Dux Michael N. Tombu Stephanie Harrison Baxter P. Rogers Frank Tong René Marois Training Improves Multitasking Performance by Increasing the Speed of Information Processing in Human Prefrontal Cortex Open [https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273\(09\)00458-9](https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273(09)00458-9)
9. *Paul R.L., Goodman H., Merzenich M.* Alterations in Mechanoreceptor Input to Brodmann’s Areas 1 and 3 of the Postcentral Hand Area of Macaca mulatta after Nerve Section and Regeneration // Brain Research, 39, № 1 (April 1972): P. 1–19.
10. *Бажанов В.А.* Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях / В.А. Бажанов. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019.
11. *Schwartz J. M., Begley S.* The mind and the brain: Neuroplasticity and the power of mental force. New York, NY, US: Regan Books/ Harper Collins Publishers. 2002.

12. *Small G., Vorgan G.* iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. 2008

13. *Steven C. Rockwell & Loy A. Singleton* (2007) The Effect of the Modality of Presentation of Streaming Multimedia on Information Acquisition, *Media Psychology*, 9:1, 179-191, DOI: 10.1080/15213260709336808

14. *Bergen, Lori & Grimes, Tom & Potter, Deborah.* (2005). How Attention Partitions Itself During Simultaneous Message Presentations. *Human Communication Research*. 31. 311 – 336. 10.1111/j.1468-2958.2005.tb00874.x.

15. *Chaparro, Barbara & Shrestha, Sav & Owens, Justin.* (2008). Eye Movement Patterns on Single and Dual-Column Web Pages.

16. How Little Do Users Read? [Электронный ресурс]: <https://faculty.washington.edu/farkas/TC510-Fall2011/Nielsen-HowLittleDoUsersReadDF.pdf>

17. *Антонова Д.А., Оспенникова Е.В., Спиринов Е.В.* Цифровая трансформация системы образования. проектирование ресурсов для современной цифровой учебной среды как одно из ее основных направлений // Вестник ПГГПУ. – Вып. 14. – 2018. – С. 5–37.

УДК 316.422.42

ХАЙ-ХЬЮМ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕ БУДУЩЕГО: СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ

*Киселева Людмила Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
e-mail: kiseleva-l@mail.ru
г. Санкт-Петербург*

Аннотация

В исследовании речь идет о трансформационных процессах, происходящих в современном обществе, связанных не только с комплексной информатизацией общества, но и с новой гуманитарной революцией, которая будет оказывать определяющее воздействие и на человека, и на дальнейшее развитие всего общества. High-Hume – высокие гуманитар-

ные технологии, которые появились в связи с развитием высоких технологий High-Tech, оформляются в самостоятельный социокультурный феномен. Важнейшее место в информационном обществе занимает человек, который становится основным ресурсом и движущим фактором развития общества. В то же время человек представляет собой основной фактор риска в современном обществе. Для нивелирования возможных негативных последствий информатизации общества предлагается концепция опережающего образования, которая обеспечивает своевременную подготовку человека к будущему и влияет, прежде всего, на его духовные ценности и личные качества.

Ключевые слова: феномен Hi-Hume, сверхинтеллектуальный социум, homoautocreator, homonobrow, homozwischens, опережающее образование.

HI-HUME TECHNOLOGIES IN FUTURE SOCIETY: ESSENCE AND PURPOSE

Kiseleva L.S.,

*Ph.D., associate professor of The Herzen State Pedagogical
University of Russia, St. Petersburg*

Abstract

The research touches upon transformation processes, taking place in the contemporary society, which are related not only to the society complex informatization, but also to a new humanitarian revolution, which will have a decisive impact both on a human, as well as on the further development of the whole society. High-Hume are high humanitarian technologies, which appeared due to development of high technologies (High-Tech), and form into an independent socio-cultural phenomenon. A human, who becomes the main resource and a driving factor of the society development, occupies the most important place in the information society. At the same time, a human is the main factor of risk in the contemporary society. In order to mitigate possible negative consequences of the society informatization a concept of advanced education (High-Ed) is suggested, which implements timely preparation of a person for the future and influences mainly on his/her moral values and personal traits.

Keywords: Hi-Hume phenomenon, super-intellectual society, homo autocreator, homo nobrow, homo zwischens, advanced education.

Динамичность современных технологических преобразований в условиях глобализации, геополитических, а также финансово-

экономических трансформаций в мире, усиления конкурентной борьбы и турбулентности социокультурного пространства в информационную эпоху поставила современное общество перед неотвратимостью качественных переходов к новым формам восприятия, мышления, взаимодействия и управления всеми процессами жизнедеятельности. Стратегия научно-технологического развития России и технологический прогноз (2018-2025), проект которой широко обсуждался в 2018 году, определила приоритеты научно-технологического развития РФ, соответствующие потребностям Общества 5.0 или сверхинтеллектуального общества [см.: 1]. В центре данной стратегии находится наука, способствующая достижению целей информационного общества (Рис. 1).

Современная эпоха справедливо называется эпохой High-Tech (High-Technology), что обусловлено огромным влиянием High-Tech на все сферы современного общества. Под High-Tech понимается условное обозначение «наукоемкой, многофункциональной, многоцелевой технологии, имеющей широкую сферу применения, способной вызвать цепную реакцию нововведений и оказывающей значительное воздействие на социокультурную сферу»[2, с. 118]. Воздействие High-Tech на социокультурную сферу проявилось в возникновении высоких гуманитарных технологий (High-Hume).

High-Hume возникли как технологии, сопровождающие High-Tech, как управленческие технологии, которые предназначены для изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового, но в настоящее время они оформляются в самостоятельный социокультурный феномен – феномен High-Hume.

Высокие гуманитарные технологии наряду с биотехнологиями, нанотехнологиями, проектированием живого, новой медициной, робототехникой являются важной составляющей 6-го технологического уклада.

High-Hume сопровождают High-Tech как на этапе их создания и функционирования, так и на этапе реализации продуктов High-Tech. Отличительной чертой High-Hume является наукоемкость. High-Hume, с одной стороны, обладают высокой скоростью изменения и ротации, с другой – зачастую ориентированы на иррациональные, эмоциональные и подсознательные уровни поведения человека. Профессиональные сообщества, создающие и применя-

ющие High-Hume и, соответственно, их профессиональные нормы и ценности еще только формируются.

Существует несколько точек зрения относительно сущности и назначения High-Hume:

– манипулятивная направленность High-Hume, когда они рассматриваются как социогуманитарные технологии, предназначенные для изменения человеческого сознания (политические технологии, маркетинговые технологии, бизнес-технологии и др.). В такой трактовке основная цель High-Hume – определенные управленческие и манипулятивные воздействия, которые способны создавать и разрушать механизмы саморегуляции социума и человека [см.: 2, 3].

– технологии, ориентированные на развитие личности. В таком контексте High-Hume – это технологии инноваций, производство новых способов деятельности. Мышление становится основным и центральным звеном такого производства. В отличие от традиционных технологий, которые строятся на основе закономерностей абстрактно-логического мышления, High-Hume основываются на творческо-интуитивном способе познания мира [см.: 4].

Жукова Е. [см.: 2, с. 119] обращает внимание на то, что High-Hume сами по себе ценностно нейтральны, они могут приобретать либо позитивный, либо негативный характер в зависимости от целей того, кто их применяет. High-Hume могут быть осуществлены только высококомпетентными специалистами в данной сфере. Гуманистические ценности являются единственным ограничением мощи High-Tech и High-Hume. Именно высокие технологии приводят к осознанию необходимости формирования не просто специалиста, обладающего заданным набором знаний, умений и навыков, а специалиста как личности, имеющей высокие нравственные устремления.

Колин К.К. пишет, что «в проблеме становления информационного общества центральное место занимают не инструментально-технологические, а гуманитарные аспекты и, прежде всего, духовные качества человека»[5, с. 45]. В качестве приоритетов в развитии цивилизации в XXI веке, с его точки зрения, можно определить следующие:

– человек, его духовные ценности и личные качества;

- справедливость, ответственность и патриотизм в обществе;
- культура и этика, сохранение национальных традиций;
- образование и воспитание, их ориентация на будущее;
- фундаментальная наука;
- высокие технологии и ресурсосбережение;
- инновационная экономика.

Будущее наступает слишком быстро. Оно не оставляет человеку времени для адаптации к новым условиям, и это вызывает стресс, растерянность, страх перед будущим. Однако переход к информационному образу жизни неизбежен и во многом он будет связан с развитием High-Hume.

В настоящее время в условиях перехода к высокотехнологичной реальности сформировались различные модели поведения человека: «homoautocreator» (человек самотворческий), «homonobrow» (человек, подчиняющийся обряду потребления), «homozwichens» (от нем. «между») – «человек колеблющийся».

«Homoautocreator» способен к такому творчеству, которое не побуждается ни нуждами производства, ни социальными, государственными или иными внешними по отношению к его внутреннему «я» потребностями [см.: 6, с. 86]. Nobrow – культура, не имеющая отношения ко вкусу, достойная того, чтобы стать массовой ввиду большого бюджета и профессионализма ее создателей, не требующая от человека никакого интеллекта. В культуре nobrow индивид подчиняется обряду потребления, заключающемуся в постоянной гонке за новинками [см.: 7, с. 88]. «Homozwichens» – человек, отягощенный противоречиями «междубытия»: между душой и телом, предопределенностью (судьбой) и свободой, греховностью и святостью и т.д. Специалисты в сфере High-Hume также оказываются в ситуации «разрыва». Особенности их профессиональной деятельности предполагают необходимость творческого подхода к профессии и умение управлять другими людьми. Но существование в культуре nobrow делает их самих теми, кем кто-то манипулирует. Задачей системы образования в данной ситуации становится коррекция этих моделей поведения и использование High-Hume технологий в процессе формирования профессионала для творческой экономики на основе синтеза науки, искусства и технологического знания.

С нашей точки зрения, *High-hume технологии* – это действия (исследовательские, аналитические, информационные, организационные), в которых присутствует алгоритм их выполнения и оценки, однако, составляющие этого гуманитарного алгоритма не имеют однозначных определений и не поддаются математической оценке.

Подготовка специалистов для общества будущего возможна, на наш взгляд, только в рамках опережающего образования с использованием High-Hume технологий, приходящего на смену поддерживающему образованию, которое практически не учитывает специфики новых условий существования человека в информационном обществе.

Мы выделяем некоторые черты «высокого» образования, отличающие его от «высшего»:

- способность индивида самостоятельно списывать устаревшее знание в утиль;

- высокий уровень компетентности во взаимодействии с неопределенными полями практики нового века;

- образовательные учреждения научатся втягивать в себя или осуществлять экспансию на практику – в первую очередь, высокую практику, практику креативную, практику творческую;

- инновационные вузы можно определить как институты развития, институты проектирования будущего;

- образовательные учреждения станут «домами моды» – домами, которые формируют жизненную стратегию, основные паттерны поведения и стилистику отношения к миру.

Лишь небольшая часть населения мира будет иметь доступ к конкурентному образованию HighEd, и конкуренция за доступ к этой части образования будет очень жесткой. «Высокое образование» доступно будет далеко не всем, и не только по финансовым соображениям. Если в традиционном обществе при наборе в элитарные учебные заведения доминировал критерий «элиты крови» (знатность и происхождение), в индустриальном обществе главным критерием выступает принадлежность к «элите богатства» (состояние, деньги), то в информационном обществе приоритетной становится принадлежность к «элите знаний» (одаренность, наличие способностей).

Современный рынок труда выдвигает к профессионалам в сфере Hi-Hume следующие основные требования:

- фундаментальная естественно-научная и гуманитарная подготовка на основе университетского образования;
- способность к инновациям (не только к творчеству, но и к восприятию инноваций, к участию в нововведениях);
- адаптированность к быстроменяющимся условиям производства и бизнеса;
- готовность к постоянному повышению квалификации и получению новых знаний;
- умение предвидеть и планировать («управлять мечтой»);
- готовность к риску, гибкость, дисциплинированность;
- экономическая грамотность и навыки работы в бизнесе;
- развитые коммуникативные навыки, умение работать в команде и разрешать конфликты;
- способности к налаживанию межкультурных коммуникаций (умение учитывать в профессиональных коммуникациях особенности менталитета конкретной страны, региона или социальной группы; владение языками международного общения);
- умение осуществлять самомаркетинг (умение «продать себя» на внутреннем и внешнем рынках).

Подводя итог проведенному исследованию, мы констатируем, что в настоящее время в научной литературе отсутствует общепринятое понятие «высокие гуманитарные технологии», не определен перечень высоких гуманитарных технологий, не разработаны теоретико-методологические основания High-Hume технологий. В ближайшем будущем возникнет острая необходимость в специалистах в сфере High-Hume, и их подготовка станет прерогативой элитного образования. В настоящее время на практике эти специалисты уже востребованы, но их специализированная подготовка в вузах пока еще ведется не на должном уровне либо не ведется вообще.

Литература

1. *Минцаев М.Ш.* Стратегия научно-технологического развития России и технологический прогноз. Департамент науки

и технологий [Электронный ресурс] // URL: <https://reencon.hse.ru/data/2018/06/10/1149858295/Минцаев%20М.Ш..pdf> (дата обращения 11.01.2019).

2. Жукова Е. Профессионализм в сфере Hi-Hume // Высшее образование в России. – 2007. – № 8. – С. 117–120.

3. Антипов Г.А. High-HumепротивHigh-Tech? – URL:<http://anacharsis.cfuv.ru/pdf/tezisy-2016/1-02-antipov.pdf>(Дата обращения 09.08.2019)

4. Алексеева Е.Д. Психологические особенности высоких гуманитарных технологий в профессиональном образовании // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. – 2016. – № 5. – URL: http://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/15433/1/978-5-8050-0607-5_2016_068.pdf (дата обращения 09.08.2019).

5. Колин К.К. Человек в информационном обществе: новые задачи для образования, науки и культуры // Открытое образование. – 2007. – № 5. – С. 40–46.

6. Волков В.В. Семантическое ядро концепта «человек» в зеркале латинских и латинизированных именовании // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 1. – С. 83–92.

7. Ruunanen M. Nobrow // Nordisk EstetiskTidskrift. – 2005. – № 32. – С. 86–98.

УДК: 108.8; 902

ОБЩЕСТВО 5.0. КАК ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ: ОТ АРХЕОЛОГИИ ДО СОЦИОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Кислый Александр Евгеньевич,

*доктор исторических наук,
заведующий отделом Института археологии Крыма*

Российской академии наук.

e-mail: Kisly.a@mail.ru

г. Симферополь

Аннотация

Рассмотрение позитивов и негативов общества 5.0 требует системного историко-социологического анализа. К сожалению, новые данные наук

археологии и истории первобытного общества десятилетиями не учитываются. Автор считает, что в этом отсутствует потребность: нет вызова, нет и ответа, что есть знаковая особенность нашего времени. Новая возможная социологическая теория должна была бы быть не описательной, однолинейной, а диалектической с учетом всех знаковых переменных.

Ключевые слова: общество 5.0, социологическая теория, диалектический метод, археология, история первобытного общества.

SOCIETY 5.0 AS A MEMORY OF THE FUTURE: FROM ARCHEOLOGY TO SOCIOLOGY OF THE FUTURE

Kisly Alexander Evgenievich,

*D.Sc. in History, Head of the Department of the Institute
of Archeology of Crimean Russian Academy of Sciences.*

*e-mail: Kisly.a@mail.ru
Simferopol*

Abstract

Consideration of pros and cons of the 5.0 society requires a systematic historical and sociological analysis. Unfortunately, the new data on archaeology and history of primitive society have not been taken into account for decades. The author considers that there is no demand in it, since if there is no challenge, there is no response, and it is a significant feature of our time. A potentially new sociological theory would not be descriptive and unilinear but dialectical, based on accounting of all sign variables.

Keywords: 5.0 society, sociological theory, dialectical method, archeology, history of primitive society.

Стремительное превращение нашей частной и общественной жизнедеятельности в т.н. «цифровую» обуславливает необходимость актуализации и расширения как социально-философских исследований глобально-прогностического, мировоззренческого характера, так и социологических, исследований прикладного характера, практической направленности. Совсем недавно представлялось, что информационные технологии, информационное общество, основанное на принципах гражданского общества, будут символами-маркерами будущего XXI века.

Однако появление абсолютно новых не только технологических, но и мировоззренческих переменных, более того, перемен-

ных институциональных, касающихся самой природы человека, порождает необходимость в осмыслении этих явлений, в разработке новых дефиниций, концептов.

Естественно, ощутимые качественные перемены требуют строго научного реагирования. Можно ожидать, исходя из предложенной темы нынешней конференции, что ее работа будет знаковой и востребованной. Для нас один из основных вопросов повестки дня может быть озвучен так: или мы становимся свидетелями очередного (исторического, технологического и проч.) перехода к новому качеству, или наблюдается нечто само по себе абсолютно новое, угрожающее/не угрожающее конституционной жизнедеятельности человека и социума?

Вначале творцы идеи 5.0 «Creative Society» беспокоились о конкурентной экономической стойкости и будущем прорыве своего национального, достаточно своеобразного социума – лидирующего технологически и закрытого ментально. Таков был их ответ на стратегические разработки иных передовых стран второй половины прошлого века. Отметим, что цель разработок была очевидна – удержать и расширить лидирующие позиции в мировой экономике в условиях глобальных вызовов, от падения прироста населения и численности трудовых ресурсов до проблем природных ресурсов. Социальная составляющая не исключалась, декларировалась, но все же де-факто была вторичной. Озвученная ранее (1971 г.) японская идея всесильного национального и личного креатива ныне сакрализована цифровыми технологиями и новыми программами (2016 г.). Отсюда сдержанная гордость за нацию и разнообразные разработки – от глубоких экономических с показом необходимого участия всех стран до популярных буклетов о новом японском достижении: «Япония, как создатель Общества 5.0, желает реализовать эту концепцию в партнерстве с игроками по всему миру. Мы считаем, что нашей миссией является содействие устойчивому глобальному развитию путем обмена ноу-хау по решению назревающих проблем» [1].

Методологическая четкость проявилась также в обращении к историческим, предметно анализируемым ступеням социальных трансформаций – от «1.0 Hunting Society» и далее. Надо отметить, что немногие авторы в случае подобных аналитических разрабо-

ток обращаются к системологии социологии от начала человеческого общества. Прошлое чаще всего кажется известным и давно описанным классиками. Между тем археология и история первобытного общества за последние полвека привнесли в познание достаточно много такого, что с трудом осмысливается как с точки зрения исторической социологии, так и философии. Во всяком случае, говорить об обществе 5.0, не используя японскую методичность в познании себя и прошлого, было бы ошибкой.

Вполне естественно, что новый 5.0 этап объединяет со старыми и особенно 3 и 4-м одна особенность – прогрессизм. Причем не практические реалии, а не подлежащая критике вера в прогресс. Иной подход не был бы воспринят, поскольку японская концепция рассчитана на конкурентоспособность и яркое изложение, а не на углубление научного поиска – противоречивого в науке, травмирующего и неприятного для социума и участников синергетического действия.

Безусловно, вера в прогресс – необходимый элемент социальной суггестии. Особенно полно она была реализована в эпоху Возрождения с зарождением европейского гуманизма, с началом промышленной революции, когда, казалось, у человека нет преград, а традиционные мифологическое и религиозное сознания непременно отступали под напором новой действительности. Далее логика прогресса позволила создать марксистское философско-социологическое учение, в котором были учтены имевшиеся в то время данные по социологии первобытности. То есть была предложена полноценная, диалектически обеспеченная историко-социологическая модель с прогностическими концептами. Теория народонаселения К. Маркса не интересовала, ибо разрушила бы стройность его актуальной в то время модели.

Один из первых ярких диссонансов – раскритикованная прогрессистами теория Мальтуса, о ней мало сегодня вспоминают и совершенно напрасно. С первыми успехами капиталистической экономики в Западной Европе закончилось поочередное изменение периодов возрастания численности населения и страшных периодов вымирания в результате голода, эпидемий и др. [2, с. 16], и в конце XVIII века многими умами завладела концепция англичанина Макса Хейли и итальянца Джованни Ортеса “прироста на-

селения в геометрической прогрессии”, которая тогда казалась навеки неизблемой и очень гуманистической.

Собственно, на эту поверхностную очевидность и отреагировал, не прибегая особенно к глубоким историческим экскурсам, своей книгой “Опыт о законе народонаселения в связи с будущим усовершенствованием общества” Томас Роберт Мальтус. Книга выдержала несколько изданий, получила широкую популярность, чем автор был “до крайности удивлен”. Но это была знаменательная работа, она не только отобразила новый этап экономического развития, но и сыграла значительную роль в истории становления науки о народонаселении нового времени. Совсем не случайно “ненаучная” гипотеза Мальтуса дала в 1838 г. толчок к раздумьям о возможных путях эволюции двадцатидевятилетнему Чарльзу Дарвину. Оба ученых прежде всего для себя поставили вопрос об ограниченности таких привычных и казалось неистощимых ресурсов, а дальше они исследовали возможные реакции на обеспечение жизнедеятельности в изменяющихся условиях. По сути, попытка комплексного подхода Т. Мальтуса к проблеме «народонаселение – традиционные ресурсы» отбрасывала узкий прогрессизм и предвосхитила понимание исторических трансформаций народонаселения, деления истории на два периода – до расширенного воспроизведения жизни (понимая здесь термин в наиболее широком его значении) и после [3, 4]. Как итог, сегодня все чаще в теоретической демографии говорят не об угрозе перенаселения, а о тех вызовах, которые встанут перед учеными при достижении общего мирового минусового прироста населения на Планете.

Новая вера зиждется на современных цифровых технологиях, реальных достижениях, и кажется, что здесь не может быть системного сбоя. Да и опасности потери environmental sustainability после десятилетий испугов уже не кажутся столь страшными. Между тем каждый исторически значимый этап социо-экономических перемен, которые традиционно рассматриваются как поступательный в целом процесс, содержал знаковые системные минусы. Мы можем говорить о влияниях (изменениях) при переходе к обществу 5.0 как очевидных, эмпирически и предметно наблюдаемых – на психику, структуру заболеваемости, мораль и проч., так и прогностических. Но какова природа системных, а не частных

проявлений? Есть ли качественные отличия по сравнению с предыдущими системными и закономерными негативами во времена переходов 1-4? Заметим, сейчас, как и ранее наблюдается такая увлеченность играми технических возможностей, что общество, его лидеры, пророки, прогнозисты и ученые не в состоянии дать аналитический прогноз, какие же негативы нас настигнут. Более того, известные минусы прошлых переходов не учитываются, не анализируются.

Переход к воспроизводящему хозяйству, само начало сельскохозяйственной революции знаменовалось не ростом продолжительности жизни населения, как декларирует прогрессизм, а ее падением по всей ойкумене, во всех областях перехода к новым технологиям. Далее, переход к новой экономике вовсе не был рациональным и не выглядел привлекательным для общин охотников-собирателей. Эти данные были известны давно [5, 6, 7, 4], однако системный анализ таким и подобным новым фактам истории первобытного общества был дан сравнительно недавно [4, 8]. Наступление на природные виды, исчезновение их и усиление неприродного творения во времена Society 2.0 (agrarian society) и далее было лишь диалектическим продолжением миллионолетней истории Homo sapiens. В последние десятилетия появляется все больше археологических материалов, свидетельствующих, что история становления человека современного вида есть история исчезновения всех иных исторических видов человека. Если задача природного творения – природное разнообразие, то задача социального творения – унификация, уничтожение такого разнообразия. Параллели (период антропогенеза – период перехода к воспроизводящему хозяйству) здесь системны. Далее – этап отрицания расширенного воспроизведения человека и этап отрицания человека как природного творения.

Эти и другие данные по теме здесь не могут быть проанализированы полно по причине узости формата одной статьи. В общую теорию социологии с построением диалектической модели они полноценно до сих пор не введены, ибо для такого введения пока нет потребности.

Главный ресурс современности – наука, но социология не выполняет сегодня своей (необходимой?) функции, не продуциру-

ет адекватные ситуации концепты. На наиболее глобальный вызов нет ответа. Практически актуализированы лишь суггестии или страшилки в виде природных катаклизмов. Итак, технологии в том числе и цифровые, как нарастающие качественные изменения – ответы на исчезновение традиционных ресурсов (расширенное воспроизводство населения и невозобновляемые природные ресурсы), есть для социологии лишь манифестация очевидного, а осмысление трансформаций бытия (не развития!) – задача системная, касающаяся понимания и фундирования общей теории социологии.

Задача осмысления бытия стояла перед человеком всегда. От первобытного общества, когда первобытный охотник с соплеменниками решал (кажущуюся нам частность, но такую, от которой зависела жизнь первобытной общины) – как, когда, где и с какими силами идти на дикого зверя. Далее. В Книге Бытия осмысление воспроизведения жизни поднимается до понимания ценности простого размножения (увеличения численности племени и стада), значения племенного божества, обещающего самое основное – размножу тебя «как звезды на небесах» (Ветхий Завет). Но уже марксизм ставит задачу не только объяснить мир, но и его изменить, и не только лишь посредством совершенствования технологий. О. Конт, фундируя науку социологию в соответствии с запросами времени, также видел в ней не просто науку как объяснение видимого.

Представим себе, что главный ресурс перемен прошлого – охотничьи угодья или сельскохозяйственные не выполняют свою историческую функцию. Это привело бы к краху развития (трансформаций) в целом на Планете, как приводило к исчезновению (вымиранию) первобытных и традиционных сообществ в зонах с крайне неблагоприятными условиями получения средств к жизни. Однако, если в целом экологические ниши для охоты становились малопродуктивными, человек в пред-эпоху производящего хозяйства мог и должен был перейти к скотоводству-земледелию. Развитие технологий охоты в этих случаях к успеху не приведет, а только помешает приручению животных и введению в быт тысячелетиями известных, но неиспользуемых в силу ненужности приемов земледелия. Эти аналогии нужны затем, чтобы показать,

что очень скоро вовсе не технологии, даже самые необычные и поражающие воображение, станут главным ресурсом трансформаций в будущем, а наука об обществе, социология. В системологии истории наука заменяет прошлые ресурсы. Почему же наука оказывается подобно старым охотничьим технологиям бесильной перед абсолютно новым вызовом времени? Потому, что эта наука несет в себе все родовые признаки жизнедеятельности *Homosapiens*. И это один из главных симптомов приближения ухода этого вида человека разумного. Технологиями и диалектическими объяснениями прошлого будут пользоваться и заниматься другие. Если конечно, наши технологии им, условно обществом 6.0 или 7.0, потребуются.

Социологическая наука на сегодняшний день не имеет системного концепта «исторической социологии». Социология в принципе не может не быть исторической, иначе она не будет нести методологию диалектики. Подобный вывод также сделан с позиций истории науки (Чарльз Тилли). Мир-системный анализ (по модели Иммануэля Валлерстайна) был отторжением существующих во второй половине XX в. формализованных теорий модернизации, признанием узости линейного анализа. Безусловен его вклад в понимание «целостности» социальных (исторических) изменений, однако уровня системной исторической теории этот анализ не достиг. Главным стержнем новой исторической социологической теории должно быть наиболее фундаментальное диалектическое противоречие, появляющееся с началом антропогенеза и завершающееся с окончанием привычной нам истории.

Литература

1. *Keidanren*. Policy Proposals Industrial Technology Society 5.0. Co-creating the future. URL: <https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2018/095.html> (дата обращения: 13.09.2019).

2. *Бродель, Фернан*. Динамика капитализма / Фернан Бродель, пер. с франц. В. Колесникова. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.

3. *Капица С.П.* Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество / С.П. Капица. – М.: Ленанд, 2008. – 128 с.

4. *Кислий О.Є.* Демографічний вимір історії / О.Є. Кислий; под ред. П.П. Толочко. – К.: Арістей, 2005. – 328 с.

5. Acsadi, G., Nemeskeri, J. History of Human Life Span and Mortality / Gyorgy Acsadi, Janos Nemeskeri. – Budapest: Akademia Kiado, 1970. – 346 p.

6. *Алексеев В.П.* Палеодемография СССР / В.П. Алексеев // Советская археология. – 1972. – № 1. – С. 3–21.

7. *Салинз М.* Экономика каменного века / Маршалл Салинз; пер. с англ. О.Ю. Артемовой, Ю.А. Огородновой и Л.М. Огороднова; ред. и примеч. О.Ю. Артемовой. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.

8. *Кислый А.Е.* Система начал, трансформаций и завершения истории / А.Е. Кислый; под ред. П.П. Толочко, В.С. Стешенко, Л.В. Вакуленко. – Киев.: Издательский дом «Скиф», 2013. – 370 с.

УДК 316.77

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Козырьков Владимир Павлович,

доктор социологических наук, профессор

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,

e-mail: kozir3@yandex.ru

г. Нижний Новгород

Аннотация

В статье рассматриваются социокультурные предпосылки цифрового общества на основе идей, высказанных К. Марксом. Показывается, что современная форма социальной коммуникации, развивающаяся на новой технологической основе, невозможна без определенных исторических социальных, антропологических и культурных предпосылок. Исследуется коммуникационный подход, предложенный К. Марксом, к анализу социальной структуры капиталистического общества. Отмечается раскрытая К. Марксом тенденция усиления роли социальных коммуникаций в развитии капиталистического общества. Автор приходит к выводу, что цифровая технология получения, хранения и передачи информации стала адекватной технологической реальной предпосылкой капитализма, которую он создал для себя сам. Не преодолевая различные формы отчужде-

ния в обществе, она, тем не менее, изменяет интеллектуальные и социальные способности человека, его духовную структуру.

Ключевые слова: цифровое общество, социальная коммуникация, социокультурные предпосылки, исторические предпосылки, реальные предпосылки.

SOCIAL AND CULTURAL PRECONDITIONS OF SOCIAL COMMUNICATION IN A DIGITAL SOCIETY

Kozyrkov V.P.,

*Ph.D., professor of Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod*

Abstract

The article discusses social and cultural preconditions of digital society on the basis of the ideas expressed by K. Marx. It is shown that a modern form of social communication, developing on a new technological basis, is impossible without certain historical social, anthropological and cultural prerequisites. The article analyzes the communication approach proposed by K. Marx to the analysis of the social structure of a capitalist society. The revealed by K. Marx tendency to strengthening the role of social communications in the development of a capitalist society is noted. The author comes to the conclusion that the digital technology of receiving, storing and transmitting information has become an adequate technological real prerequisite of capitalism, which it created for itself. Without overcoming various forms of alienation in society, it, however, changes intellectual and social abilities of man, his spiritual structure.

Keywords: digital society, social communication, socio-cultural preconditions, historical prerequisites, real prerequisites.

Культурная практика социальной коммуникации выявила новые противоречия, для разрешения которых требуется новая коммуникационная культура. Однако это утверждение далеко не бесспорно, поэтому нуждается в теоретическом обосновании. Мы обратим внимание на его исторические предпосылки, выявленные К. Марксом, и на актуальные формы их реализации.

Обычно источником проблем в современных коммуникациях объявляются цифровые технологии кодирования, хранения и передачи информации, которые радикально отличаются от традиционных средств и форм работы с информацией и организацией комму-

никации, которые имели социальный характер. Возникает стойкая иллюзия, что новую коммуникационную культуру нужно формировать с чистого листа на том основании, что компьютеры появились совсем недавно, поэтому никаких исторических предпосылок новой системы коммуникации быть не могло.

Но если бы не было социокультурных предпосылок в прошлом, то не возникло бы антропологического и культурного потенциала для развертывания цифровой коммуникации. Не было бы и социальной потребности в таких коммуникациях, которая появилась еще в позапрошлом веке, но была в полной мере удовлетворена только в XXI веке. Тем самым капитализм получил новый ресурс для своего развития. Однако он действует двояко. Особенность этой технологии заключается в том, что она изменяет не столько непосредственный процесс производства, сколько человека, его интеллектуальные и социальные способности, его духовную структуру.

И все же вначале такие изменения возникли исторически до возникновения цифровой информационной технологии. Человек должен был сформировать в себе определенные способности и потребности, которые вырабатывались в мифологии и в религии, в философии и в искусстве, в математике и в естественных науках, в области морали и религии, но затем они интегрально реализовались в работе с цифровыми технологиями, когда они были созданы.

Но было бы неверным утверждать, что исторически способности и потребности возникли для того, чтобы появились цифровые технологии. В прошлом развивались такие элементы культуры социальных коммуникаций, которые выполняли свои, *исторически определенные функции*, но в современных условиях они выступают уже в роли *реальных предпосылок социальной коммуникации* с новыми функциями. Но это было бы невозможно, если бы природа человека к такому изменению была не готова путем их развития в прошлом.

Поэтому, чтобы понять необходимые реальные предпосылки той новой культуры, которая сейчас необходима в области коммуникаций, необходимо обратиться к истории. И мы попробуем в порядке гипотезы показать исторические предпосылки лишь с общих социологических позиций. В этом нам поможет идейное

наследие К. Маркса, так как он впервые обратил внимание на важность исследования коммуникационных элементов капиталистического общества, его социальных, технологических и духовных предпосылок.

Прежде всего, важно зафиксировать позицию К. Маркса в понимании коммуникационной природы общества в целом. Так, он утверждал, что «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [1, с. 214]. Этот подход К. Маркса получил развитие в современной социологии. Так, по мнению Н. Лумана «социальная система состоит не из людей, а из коммуникаций» [2, с. 127]. Н. Луман повторяет мысль К. Маркса, но только вместо связей и отношений в обществе прямо выделяет коммуникации. По двум причинам: во-первых, сейчас именно коммуникации приобретают доминирующий характер в обществе; во-вторых, социальные коммуникации приобрели «овеществленный», по терминологии К. Маркса, характер как цифровые информационные технологии. Коммуникации осуществляются уже не классическими социальными институтами (экономика, политика, право и т.д.), а электронной техникой. К. Маркс показал, что в условиях «овеществления общественных отношений» и всеобщего отчуждения требуется мощная система социальной коммуникации. Она складывается в буржуазном обществе, в котором «производство на основе меновых стоимостей, которые вместе с всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей» [1, с. 105]. Тем самым К. Маркс указывает на антропологическую и культурную предпосылку в виде всесторонности отношений и способностей человека, которые сейчас становятся востребованными в развитии социальных коммуникаций на новой технологической основе интегрального характера.

Коммуникационный подход позволяет К. Марксу по-новому подойти к раскрытию характера социальной структуры капиталистического общества. Он не получил своего дальнейшего развития в работах социологов. Но именно он позволяет понять, в каком отношении преемственности находятся сетевые сообщества с теми историческими типами социальных сообществ, которые были тео-

ретически осмыслены в классической социологии. Однако в этом наследии обычно выделяются лишь социально-экономические, политические и отчасти культурные элементы социальной структуры вне коммуникационных аспектов.

Так, К. Марксу стереотипно приписывают лишь прямолинейные оценки характера основных классов, не обращая внимание на его идеи в анализе различных социальных групп по различным основаниям, включая коммуникационные. Между тем, в анализе парцельного крестьянства как класса К. Маркс выделяет характеристику именно его коммуникационной составляющей в качестве главной. «Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса» [3, с. 208], — приходит к выводу К. Маркс.

Разумеется, известен всем анализ К. Марксом двух основных классов, рабочего класса и буржуазии. Но внимание обычно обращается на отношения собственности, на формы труда и распределения, поэтому коммуникационная составляющая не считается главной. И все же именно социальная коммуникация с точки зрения марксистской социологии является главной, иначе к чему надо было бы выдвигать лозунг «пролетарии всех стран соединяйтесь» и утверждать, что буржуазия уже объединена как класс в форме государства?

Коммуникационный фактор формирования и трансформации социальной структуры в нашем веке усилил свое воздействие. Это даже не нужно доказывать, так как слишком зримо выражен характер политики в соответствии с древним принципом «разделяй и властвуй», а сама политическая практика осуществляется с помощью мощных средств массовых коммуникаций и технологий PR, позволяющих формировать общество потребления и манипулировать общественным сознанием.

Хотя тенденция к усилению роли социальной коммуникации в капиталистическом обществе была выявлена уже К. Марксом. Анализируя процесс овеществления общественных отношений и формы отчуждения, К. Маркс приходит к выводу, что «с развитием этого отчуждения [Entfremdung], на его собственной основе, де-

лаются попытки его преодолеть: преискуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю и т. д. (средства сообщения, конечно, совершенствуются одновременно с этим), при помощи которых каждое отдельное лицо получает сведения о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность» [1, с. 104]. Когда К. Маркс писал свои подготовительные рукописи к «Капиталу», делались только первые шаги в становлении коммуникационного общества, но сейчас эти попытки преодоления отчуждения, когда есть не только почта и телеграф, а сотовый и спутниковый телефон, цифровое телевидение, разнообразная видеотехника и, главное, Интернет, мировая информационная сеть, которая интегрирует в себе все предшествующие технические средства передачи информации и коммуникации получили новую технологическую возможность. Можно сказать, что эти попытки преодоления отчуждения достигли универсального состояния и доминируют не только в общественном производстве, но и во всех сферах общества, включая духовную сферу.

И все же цифровые информационно-коммуникационные технологии остаются лишь попытками преодоления отчуждения. Оно не только не преодолевается, а даже углубляется, *захватывая частную жизнь человека*. Именно через проникновение в частную жизнь человека с помощью цифровых технологий капитализм получил новый потенциал своего развития. Основные ресурсные инвестиции ведущими странами делаются в развитие цифровой техники и цифровых технологий с возможностью доступа в структуры частной жизни для более эффективной рекламы, углубления связей с общественностью в коммерческих и политических целях. Развитие науки, образования, медицины, спорта и прочих сфер в этих условиях финансируется уже по принципу *капитализации* всех этих сфер.

Однако, возводя капитализированную цифровую технику в статус локомотивов всего общественного прогресса и капитализируя все сферы культуры, общество сталкивается с острейшими противоречиями в самых разных областях. И тут опять уместно вспомнить К. Маркса. Еще в 1856 году он говорил об этой тенденции развития капитализма: «Кажется, что, по мере того как

человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [4, с. 5]. Эта оценка до сих пор вполне адекватна характеру развития современного общества, хотя оно и находится на новом этапе развития.

В анализе начальных стадий развития коммуникационного противоречия К. Маркс обращает также внимание и на культуру частной жизни, которая из исторической превратилась сейчас в реальную предпосылку выработки новой культуры социальной коммуникации в цифровом обществе. Тогда же он считал, что частная жизнь человека есть «*утонченный результат* некоторого общественного процесса» и «выступает со стороны индивида таким образом, что его собственная духовная и природная особенность придает себе вместе с тем форму общественной особенности» [5, с. 451]. Без всякой натяжки эта теоретическая формула тоже вполне адекватно, как и в оценке направленности развития коммуникаций, выражает взаимосвязь частного и публичного, которая складывается в сообществах Интернета. Пользователь мировой сети и выходит в социальное пространство Интернета чаще всего для того, чтобы придать себе, находящемуся в уединении, «форму общественной особенности», по выражению К. Маркса. В цифровом обществе виртуальное пространство во многом подчиняется закономерностям частной сферы общества, неожиданно придавая ей открытый, публичный характер.

Литература

1. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.
2. *Луман Н.* Глоссарий / Н. Луман // Социологический журнал 1995. – № 3. – С.125–127.

3. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Указ соч. Соч.: 2-е изд. – Т. 8. – М.: Политиздат, 1957. – С. 115–217.

4. *Маркс К.* Речь на юбилее «The People's Paper» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 12. – М.: Политиздат, 1958. – С. 3–5.

5. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1968. – 618 с.

УДК: 17.023.32

КОЛЛЕКТИВНОЕ ТЕЛО В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА: «СЕТЕВОЙ» И «УЛИЧНЫЙ» РЕГИСТРЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ¹

*Корецкая Марина Александровна,
Кандидат философских наук,
доцент Самарской гуманитарной академии
e-mail: listarh@list.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются трансформации, которые происходят с феноменом коллективного тела под воздействием новых (цифровых, сетевых, интерактивных) медиа. Исследуется вопрос о том, как в коллективных телах взаимодействуют «сетевой» и «уличный» регистры существования. Вслед за Дж. Батлер коллективное тело трактуется в перформативном ключе. Делается вывод о том, что коллективная телесность не растворяется в цифре без остатка, но подчиняется новым привычкам и алгоритмам действия, сформировавшимся в интернет-среде, таким как сетевой способ выстраивания коммуникативных связей, практика *produsage*, апроприация энергии хайпа. В результате этих трансформаций предположительно ослабевает влияние на процесс перформативного производства коллективного тела народа политической теологии с ее моделью лидерства как сакральной наместнической власти.

Ключевые слова: коллективное тело, народ, новые медиа, сетевые коммуникации, *produsage*, перформативность, аффект, жертва

---

¹ Статья выполнена при поддержке фонда РФФИ в рамках исследовательского проекта № 19-011-00872 А «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн»

COLLECTIVE BODY IN THE NEW MEDIA EPOCH: “NETWORK” AND “STREET” REGISTERS OF EXISTENCE

Marina Koretskaya,

*Ph.D., associate professor of Samara Academy
for the humanities, Samara*

Abstract

The article discusses the transformations that occur with the phenomenon of the collective body under the influence of new (digital, network, interactive) media. Interaction of “Network” and “street” registers in collective bodies is the subject of investigation. Following J. Butler, the author interprets collective body in a performative manner. The author concludes that collective body does not dissolve in the digital space without a trace, but obeys new habits and algorithms of action that have developed in the Internet, such as the network way of communication, the practice of produsage, and the appropriation of hype energy. As a result of these transformations, the influence of political theology on the process of performative production of the collective body is supposedly weakening.

Keywords: collective body, people, new media, network communications, produsage, performativity, affect, victim

Нет никаких сомнений в том, что информационное общество в цифровую эпоху характеризуется не только тем, что информация становится ключевым ресурсом, а работа с информацией (большими данными) – важнейшей управленческой деятельностью, но и тем, что едва ли возможны социально значимые события, не погруженные в среду новых медиа и не снабженные цифровой оболочкой. Если, как показывает антрополог Кристоф Вульф, социальное производится во взаимосвязи миметических, перформативных и ритуальных процессов [1], то важно учитывать, что сегодня все эти процессы не просто немислимы без медийной ауры, но и выполняются, как минимум, под влиянием принципов сетевого распространения информации и сами приобретают информационные и сетевые характеристики. Можно согласиться с М. Кастельсом в том, что наша жизнь характеризуется гибридной физическим и виртуальным пространством [2, с.49], впрочем, этот язык описания воспринимается уже как несколько архаичный, не случайно вместо онтологического различия физического и виртуального

чаще фигурирует операциональное различие режимов онлайн и офлайн. С этой гибридной реальностью далеко не все понятно. И дело не только в динамизме изменений, за которыми с трудом успевает слишком величаявая гуманитарная мысль. Мы уже многое знаем о сетевых сообществах и о том, как под влиянием сетевых коммуникаций меняется сама ткань социального, но вопрос о том, как трансформируется в этих условиях феномен коллективного тела, куда менее понятен. Любое тело, в том числе и коллективное, конечно, может быть оцифровано, а присутствию в сети уже во многих отношениях свойственны своеобразные телесные эффекты, но насколько коллективная телесность может быть без остатка редуцирована к цифровой коммуникации? Это большой вопрос и вопрос далеко не праздный. В частности, мы видим, что при впечатляющем арсенале способов заявить публично свою позицию по тому или иному животрепещущему вопросу в рамках интернет-коммуникации, цифровая активность не отменяет старого доброго коллективного выхода на улицу в рамках разного рода гражданского активизма или (другой жанр) коммеморативных акций по тем или иным трагическим поводам. Конечно, люди выходят на улицу, не покидая при этом информационные сети (то есть цифровая активность предшествует, сопровождает и следует после стояния на площади плечом к плечу), и вопрос в том, как в этих коллективных телах взаимодействуют, условно говоря, «сетевой» и «уличный» регистры присутствия.

Вопрос о коллективном теле и его метаморфозах вовсе не такой уж частный или факультативный, как может показаться, поскольку он имеет прямое отношение к тому, что собой представляет пресловутый «народ» как источник власти и носитель суверенности. Комментируя сакраментальную фразу, с которой, как правило, начинаются преамбулы конституций, – «Мы, народ...», – Джудит Батлер совершенно справедливо говорит о том, что этот самый народ не есть ни некий готовый объект, ни субстанция, он есть эффект перформативных событий, представляющих собой публичные собрания тел [3, с.151-153]. Батлер полемизирует с Ханной Арендт, поскольку для последней сфера публичного – это сфера слов, значащей речи, в то время как удел телесного – оставаться в сфере приватности [4]. Батлер же вполне в духе биополитики на-

стаивает на том, что публичное пространство оккупируют именно тела, которые самим своим присутствием протестуют против разного рода лишений («прекарности»), неравенства в фактическом осуществлении права на жизнь и требуют «более жизнеутверждающей жизни» [3, с. 66]. В рамках этого дискурса солидарность переопределяется как «альянсы тел», а свой замысел Батлер объясняет задачей уйти при ответе на вопрос о том, кто является народом, а кто нет, от пресловутой проблемы исключения. Инклюзия в политическое обеспечивается тем, что в отличие от многих других характеристик (национальность, конфессия, уровень образования, политическая идентичность и пр.) телесность первична и неотчуждаема и таким образом даже «голой жизни» оставляется шанс на субъектность и сопротивление (последний тезис полемически направлен против Дж. Агамбена). Эта позиция далеко не бесспорна, хотя бы в силу того, что, субстантивируя жизнь, она оказывается полностью имманентна биополитической логике с ее заботой о жизненных ресурсах, превращающей саму жизнь в ресурс, и, в конечном итоге, капитализирующей ее. Не говоря уже о том, что, если фундаментальными требованиями объявляются требования о жизнеобеспечении, легко на выходе получить какой-нибудь очередной дивный новый мир, в котором лояльность власти обменивается на заботу и дотации, а чувства лишения и страха как основные солидаризирующие аффекты легко принимают форму агрессивного ressentiment, в результате чего вместо прямой демократии может разыграться прямое насилие.

При этих критических оговорках, тем не менее, можно согласиться с тем, что без предъявления коллективного тела публичность ослабляется, ей недостает перформативной убедительности, поскольку «никто не может выступать с призывом двигаться и собираться, не двигаясь и не собираясь вместе с другими» [3, с. 74]. Телесное присутствие предполагает полноту экзистенциальных инвестиций и риск, лежащий в основании принципа суверенности. Или, если пользоваться концептуальным языком Ж. Делеза, тело производит интенсивности, которые многократно усиливаются в случае тела коллективного, резонанс множественных аффектов которого вполне способен создать необычайно действенную волну эйфории [5, с. 83-88]. Кроме того, именно выход на улицы и пло-

щади возвращает этим пространствам в собственном смысле слова публичный характер, и позволяет *мегаполису* вспомнить о том, что значит быть *полисом* (то есть пространством общего дела), а не *ой-косом* (то есть местом комфортной жизни, управления ресурсами, производства и потребления богатств) [6, с. 38].

Однако тело – «не столько объект, сколько живой комплекс отношений; тело не может быть полностью отделено от инфраструктурных условий и среды его жизни и действия» [3, с. 68]. Техники тела, как показал еще М. Мосс, зависят от повседневных практик, они исторически изменчивы. И это касается не только индивидуальных человеческих тел, но и тел коллективных, последних даже в большей степени, поскольку коллективное тело «не дано», оно требует точек сборки, работающих перформативно, и иначе не существует. И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали – к вопросу о практиках, возникающих в цифровой интерактивной среде или трансформирующихся под ее влиянием. Как пишет Лев Манович в «Языке новых медиа», в старых медиа репрезентативная функция значительно превалировала над коммуникативной, в новых же медиа коммуникативная функция выходит на первый план [7, с. 207–209]. В применении к интересующему нас феномену коллективного тела это означает, что классические медиа создавали репрезентативный образ народа, который затем транслировался в рамках односторонней коммуникации от отправителя к получателям на широкую и пассивную аудиторию, формируя коллективные идентичности, мобилизуя массы. Сетевая же коммуникация, как известно, предполагает разнонаправленность и партисипаторность. Все пользователи участвуют в создании контента, то есть тех самых репрезентаций, которые к тому же постоянно меняются в процессе сетевых коммуникативных актов. Эта способность хаотической коммуникации к самоорганизации, предполагающая умение чутко реагировать на изменения параметров среды, приводит к весьма интригующим эффектам на уровне процесса сборки коллективного тела. А именно, коллективное тело получает инструмент самоорганизации, не особенно нуждаясь для этого процесса в разного рода гегемонах, чья задача ранее заключалась в том, чтобы, бросив зов интерpellации, мобилизовать массы, дать им идентичность и указать вектор движения. Многие в том числе

и весьма массовые акции последнего времени, как в России, так и за рубежом (движение «желтых жилетов», прежде всего), действительно, довольно часто обходятся без четко обозначенного лидерства, без обязательной ранее фигуры репрезентанта народной воли. В общем, это говорит о том, что политическое тело народа уходит из-под власти политической теологии с ее привычной схемой: народ-репрезентант-Бог, в которой возвышенная фигура Господина и замещает Бога, и консолидирует множество в единство народного тела [8]. Современное коллективное тело благодаря привычке к сетевому взаимодействию весьма напоминает (на зависть Батаю) казавшегося утопией мистического ацефала, равно как и делезианское тело без органов, которое процессуально, а не субстанциально, множественно, а не целостно, и в котором актуализируются в зависимости от обстоятельств то одни, то другие точки [9]. Сегодня мы видим, что нет безликой толпы, движущейся в едином порыве за вождем, есть множества, чья «разношерстность» (если она есть) и позволяет им по факту претендовать на репрезентацию народного волеизъявления. У уличной активности обычно есть инициаторы, организаторы, координаторы, спикеры, но никто из них не может претендовать на всеобщее лидерство, равно как и затруднительно оказывается той или иной политической силе апроприировать и возглавить происходящее [2, с. 43–44]. Более того, достаточно случайно могут возникать то одни, то другие протагонисты, в информационном пространстве то и дело появляются какие-то новые ранее не известные имена по сути частных людей, позволяющие широкой аудитории различать индивидуальные истории типичных героев в типичных обстоятельствах и эмоционально вовлекаться в происходящее. Но еще раз повторим: репрезентантов явления как целого нет. Конечно, у этого упадка гегемонии есть слабая сторона – вполне понятное отсутствие проработанной программы действий, в силу чего требования остаются либо очень узкими и конкретными (как в случае с отечественными протестами против мусорных полигонов), либо политизируются, но затем размываются (как в случае «желтых жилетов»). Это вполне ожидаемо, но интересно другое. Обычно «среднего» обывателя массового общества критиковали, как это делает, в частности, во многих своих работах С. Жижек, за гражданскую пассивность,

желание жить своей жизнью, что ведет к кризису демократических процедур, замыканию элит в самих себе и т.п. Но такое поведение – слепок со стратегии пассивного потребления, которая сегодня вытесняется потреблением активным благодаря все той же сетевой интерактивной среде [10]. Привыкая в той или иной степени участвовать в создании продукта, который он потребляет (эта практика получила название *produsage*), пользователь (он же *prosumer*, от *producer* + *consumer* – то есть «производитель-потребитель») и к услугам государства и прочих институций начинает относиться соответствующе. Идет ли речь о купленном холодильнике, просмотренном фильме или госуслуге, он чувствует себя в своем праве на публичную интеракцию и ожидает, что его отзыв будет учтен, а запрос не останется без ответа. И вот выясняется, что люди хотят участвовать в принятии решений, последствия которых их коснутся, и готовы требовать, чтобы им предоставили не только сносные условия обеспечения жизни, как о том писала Батлер, но и право участвовать в разных аспектах управления этой жизнью. Конечно, модель пользовательского участия предполагает малые действия с минимальными затратами: поставить лайк/ дизлайк, черкнуть и разместить отзыв, отправить необременительный донат, подписать петицию. Аналогично и поведение в рамках уличных акций: выйти, постоять с плакатом, поскандировать лозунги. Основательно тратить время/жизнь/ресурсы готовы совсем не многие, если, конечно, аффективная вовлеченность по тем или иным причинам не начинает драматически расти, провоцируя не всегда рациональное повышение ставок.

Как показывает, в частности, движение «желтых жилетов», если протестующие имеют при этом возможность без помех пользоваться услугами связи, они как правило, выходят на улицу, не покидая при этом сети, и сетевая коммуникация позволяет массе действовать весьма консолидированно, оперативно реагируя на меняющиеся обстоятельства. Иными словами, коллективное тело оказывается способно к стратегическому самоуправлению. Если же в связи создаются помехи, действенной остается, по крайней мере привычка собирать медиасвидетельства ради их последующей публикации. Сколько было гневных инвектив по поводу недавно усвоенного пользовательского рефлекса не спешить на по-

мощь ближнему в кризисной ситуации, а снимать происходящее на телефон, и вот во время московских митингов 2019 года, как ни странно, мы видим, что у этого рефлекса есть незапланированный, но вполне позитивный эффект: он блокирует столь естественную для «чувства локтя» интенцию к прямому действию («отбить своих»), которое в ситуации радикализованной монополии государства на насилие могло бы привести только к ухудшению ситуации, и позволяет позже предъявить публично множественные ценные свидетельства, которые становятся инструментом пусть косвенного, но влияния на процесс принятия решений. Свидетельские ролики гуляют по сетям, попадают в СМИ, создают волны хайпа [11, с. 39–60], запуская флешмобы, петиции, открытые письма, которые также заполняют информационное пространство, не только влияя на новостную повестку, но и оказывая давление на инстанции. Не говоря уже о том, что энергия хайпа, законы существования которой активно исследуются [11, с. 133–148], вполне способна заставить колесо вращаться дальше и фаза уличного перформанса, которая сама по себе достаточно краткосрочна, может по воздействию этой энергии прийти к возобновлению; и мы увидим пролонгацию события, увеличивающую его социальную значимость, впрочем, до некоторых пределов, поскольку если расширения или трансформации повестки не происходит, информационный фон утрачивает новизну и в таких условиях процесс – не только информационный, но и уличный, – идет на спад.

По поводу аффективной вовлеченности, совпадающей с волнами хайпа, следует отметить, что часто ее провоцирует появление фигуры жертвы. Жертва по праву может считаться привилегированной точкой сборки коллективного тела, поэтому не случайно разделяемая всем обществом скорбь по поводу событий, отмеченных жертвами, также начинается в качестве стихийно перетекающих друг в друга волн сетевой и уличной коммеморации [12], и имеет тенденцию нередко трансформироваться в разного рода политическую активность, в ходе чего коллективное тело скорби перекодируется в коллективное тело протеста. Ответом на культурную травму оказывается предъявляемое тело народа, сплотившегося перед лицом утраты [12, с. 45] и требующего не только увековечивания памяти, но и возмездия. Если по тем или иным причинам

вменение ответственности сталкивается с препятствиями, по мере возрастания препятствий коллективный гнев имеет тенденцию все более и более политизироваться. Аналогичным образом, если начавшаяся по каким угодно частным поводам протестная активность ведет к жертвам, ситуация, как правило, накаляется и многое зависит от того, с чьей стороны, сколь серьезны были жертвы и как именно можно их квалифицировать: как невинные жертвы экстремизма или, напротив, полицейского произвола; как жертвы-мученики за «правое дело» или как жертвы-провокаторы. В любом случае, можно прогнозировать эскалацию страстей и информационную войну за присвоение жертвы и вменение за нее ответственности. Батлер дает этому феномену вполне ожидаемое объяснение: жертва, особенно, если это жертва невинная, бесправная как раз наглядно воплощает собой ту самую лишенность (dispossession) [13, 14], то есть социальную несправедливость в распределении рисков смерти и разного рода несчастий с одной стороны и прав на жизнеутверждающую жизнь с другой. Жертва может сплачивать коллективное тело не меньше, чем лидер, ибо не хуже него позволяет создать репрезентационную модель и индуцировать мощные аффекты, требующие совместного переживания и действия. И, конечно, если ритуалы скорби или борьбы за права пострадавших наиболее убедительны в формате уличной активности, то работа с образами жертв – задача медиа.

Итак, можно сказать, что на наших глазах под воздействием новых медиа меняются культурные практики не только выстраивания культурных идентичностей, но и сборки коллективных тел. Оцифровываясь и оставляя следы в виде больших данных, коллективная телесность не растворяется в цифре без остатка, но подчиняется новым привычкам и алгоритмам действия, сформировавшимся в сети. В некотором смысле можно уподобить сетевую оболочку уличных коллективных действий нервной системе коллективного тела, с тем уточнением, что границы этой нервной системы не совпадают с телесными контурами, будучи значительно шире их, и что немаловажно, эта нервная система вполне способна к автономии. В результате описанных трансформаций можно говорить по крайней мере об ослаблении влияния на перформативное производство политического тела политической теологии с ее мо-

делью лидерства как сакральной наместнической власти. Что открывает интересные как политические, так и антропологические перспективы, хотя и не решает многих проблем, будь то проблемы исключения, подверженности манипуляциям или обреченности политического действия на вовлеченность в насилие.

Литература

1. *Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. / Пер. с нем. Г.Р. Хайдаровой. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 164 с.

2. *Кастельс М., Алексеева А.* Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012. // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М., 2013. – С. 43–55.

3. *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собрания. – М.: Ad Marginem Press, 2018. – 248 с.

4. *Арендт Х.* VITA ACTIVA, Или о деятельной жизни / Ханна Арендт, пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

5. *Ваньке А.* Коллективное тело протеста // Социология власти № 4. – 2013. – С. 79–103.

6. *Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.* Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 37–47.

7. *Манович Л.* Язык новых медиа. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.

8. *Ямпольский М.* Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с.

9. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения./ пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

10. *Соколова Н.Л.* Популярная культура Web 2.0. К картографии современного медиаландшафта. – Самара: Изд-во Самарский университет, 2009. – 204 с.

11. From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion/ *Edited by Peter Vasterman*. Amsterdam University Press B.V., Amsterdam 2018. – 395 P.

12. *Milosevic A.* Remembering the present: Dealing with the memories of terrorism in Europe// Journal of Terrorism Research. – Vol. 8. – Issue 2. – May 2017. – P. 43–61.

13. *Butler J., Athanasiou A.* Dispossession: The Performative in the Political. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 211 p.

14. *McIvor D.W.* Bringing Ourselves to Grief: Judith Butler and the Politics of Mourning // Political Theory 40(4). – P. 409–436.

УДК: 165

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ОТЧУЖДЕНИИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Либерман Самсон Александрович,

кандидат философских наук,

ст. преподаватель кафедры социальной философии

Казанского федерального университета, Казань

samsonliberman@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики современного общества. Предпринята попытка рассмотреть феномен коммодификации и отчуждения внимания в контексте концепции капитализма платформ. Сформулировано положение об отчуждении внимания. Рассмотрено наличие связи между новыми формами капитала, распространением платформ с одной стороны, и отчуждением внимания с другой. Выделено три основных направления управления вниманием, применяемых современными цифровыми платформами: обмен контентом, игра, дизайн. Рассмотрено их влияние на современного человека и общество. Выдвинуты предположения о наличии причинно-следственной связи между распространением

технологий управления вниманием и «эпидемией» СДВГ, современной экспрессивностью человека и ростом политического популизма.

Ключевые слова: капитализм платформ, экономика внимания, отчуждение внимания, экспрессивный индивидуализм, социальные сети.

ATTENTIVE CAPITALISM: ON ALIENATION IN THE AGE OF SOCIAL NETWORKS

*Liberman Samson Alexandrovich,
Ph.D, senior lecturer
the Department of social philosophy
Kazan Federal University*

Abstract

The article is devoted to the specifics of modern society. An attempt is made to consider the phenomenon of commodification and alienation of attention in the context of the concept of platform capitalism. The provision on alienation of attention is formulated. The connection between new forms of capital, the spread of platforms on the one hand, and alienation of attention on the other hand is considered. There are three main directions of attention management used by modern digital platforms: content sharing, gaming, design. Their influence on modern man and society is considered.

Keywords: platform capitalism, attention economy, attention alienation, expressive individualism, social networks.

В современной социальной теории стало общим местом трактовать эпоху первых десятилетий XXI как новую стадию в развитии общества, качественно отличную от всех предыдущих. На смену эпохе глобализации пришла глокализация, на смену информационной экономике и экономике знаний приходит экономика внимания, «общество 5.0», «цифровое общество», «экономика лайка» и т.д. В отечественном дискурсе чаще всего можно услышать всевозможные производные от «цифры», в том числе и потому что термин «цифровая экономика» прочно закрепился в правовых актах и государственных документах, поэтому мы чаще всего слышим именно о «цифровизации», «цифровом капитализме», «цифровом обществе» и т.д.

На наш взгляд, интересным является подход к определению сущности современного общества, разрабатываемый Ником Срн-

чеком в работе «Капитализм платформ» [1]. Срничек настаивает на определяющей роли для определения сущности современного общества новых форм капитала, которые он называет «платформами». Платформу нельзя отнести ни к традиционной сфере производства продуктов, ни к сфере услуг, ни к рекламе или финансовому сектору. Качественным отличием платформы является ее посреднический характер – платформа предоставляет своим пользователям цифровую инфраструктуру для взаимодействия, чаще всего бесплатно, взамен собирая и накапливая данные обо всех действиях своих пользователей. Именно производство данных является главной целью платформ. Накапливаясь в достаточном количестве, данные становятся либо товаром на продажу, либо конкурентным преимуществом.

Наиболее близким к нам примером платформ являются социальные сети и интернет-поисковики – с ними мы сталкиваемся в повседневной жизни постоянно. И социальные сети и поисковики предоставляют свои услуги бесплатно, взамен накапливая данные о своих пользователях. Главным источником капитализации для них является продажа данных об их пользователях рекламодателям, о чем пользователи могут и не подозревать. Стоит также упомянуть и так называемый «сетевой эффект»: чем больше социальная сеть имеет пользователей, тем эффективней и привлекательней она становится, также и с поисковиками – чем больше запросов обрабатывает алгоритм Google, тем лучше он справляется с подбором адекватной информации для пользователей [см. 1]. Соответственно, главной задачей платформ является привлечение новых пользователей и удержание внимания старых, так как их эффективность и привлекательность, а значит и их прибыль, напрямую зависят от их числа.

Именно в контексте данного понимания современного капитализма мы предлагаем рассмотреть проблему капитализации или отчуждения внимания. Появившееся еще в середине девяностых направление «экономика внимания» связывают с работами Майкла Голдхабера [2] и Герберта Франка [3]. Главным их постулатом является утверждение внимания в качестве товара. Однако на наш взгляд, именно социальные сети и подобные им платформы создали индустрию внимания, заточенную не только на привлечение

внимания, но и на его капитализацию через производство данных. Строго говоря, внимание само по себе практически не капитализируется, просмотры, лайки и подписки не приносят доход сами по себе, но только в качестве элементов системы отчуждения внимания и производства данных.

Отчужденный труд сам по себе, хотя и имеет стоимость, но приносит доход только при включении его в систему производства продукта. Отчужденное желание или производимый спрос капитализируется только при включении желания в систему потребления. Также и отчужденное внимание капитализируется только в процессе производства и накопления данных платформами. Инфлюенсеры, селебрити и другие современные властители дум, хотя и имеют определенный социальный капитал и влияние, не капитализируют внимание самостоятельно, но только собирают его для производства данных на платформах.

Таким образом, внимание не просто является товаром, но отчуждается платформами для производства данных. Так как для производства данных на платформах от пользователей требуется только присутствие, то в задачи платформы не входит побуждение пользователей к труду или потреблению. Все что нужно платформе – чтобы пользователь как можно чаще совершал какие-либо действия на платформе – клики, просмотры, подписки, лайки и т.д. Капиталу сейчас достаточно, чтобы пользователь только заявлял о своем присутствии.

На наш взгляд, технологии отчуждения внимания можно условно разделить на три направления: обмен контентом, игра и дизайн. Первое направление характерно для социальных сетей. Как пишет Герт Ловинк «социальные сети нашли способ заставить молчаливое большинство трещать без умолку» [см. 4, с. 32]. Производство и обмен контентом вытеснили привычные медиа. Ситуация, которую Бодрийяр описывал с помощью метафоры реалити-шоу [см. 5], когда масса смотрит сама на себя, изменилась. Теперь масса не только смотрит, но и снимает, пишет и всячески документирует каждый свой шаг. Социальные сети ежечасно озадачивают нас вопросом «что нового?», побуждая заявить о своем присутствии миру.

Видео-игры еще совсем недавно были маргинальным дискурсом. Увлечение играми часто рассматривалось как форма эскапиз-

ма. Считалось, что игрок, погружаясь в игровые миры, старается дистанцироваться от травмирующей реальности. Сегодня элементы игры встроены во все формы цифрового взаимодействия, начиная от диназаврика в Google Chrom, продолжая рулеткой Тиндера и заканчивая баллами накопительной пенсии. Везде от нас просят создать аккаунт и зарегистрироваться, копить баллы, выполнять ежедневные задания, открывать награды и т.д. Все для того, чтобы пользователь не скучал и ежечасно подтверждал свое присутствие на платформе, производя для нее необходимые данные.

Наконец, дизайн платформ. В некотором смысле, отчуждение внимания через дизайн было встроено и в предыдущие системы отчуждения: красный был революционным, был продающим, был сексуальным, теперь же он просто привлекательный. Однако сегодня дизайн освобождается от своей идеологической или рекламной функции, дизайн существует в чистом виде. Можно сказать, что он все больше сближается с чистым искусством, которому нет дела ни до политики, ни до продаж, но есть дело до эффекта как такового. Единственное требование к современному дизайну – притягивать и удерживать взгляд, оставаясь при этом максимально нейтральным, не вызывая нежелательные коннотации и отторжение. И это серьезная задача в современном мире симулякров, наслоений и прочих неуловимых отсылок. Например, Google тратит большие ресурсы, чтобы выявить тот самый заветный цвет кнопки действия [см. 6]. Можно сказать, что в качестве технологии управления вниманием дизайн раскрывается в чистом своем виде.

Отчуждение внимания, проводимое платформами можно рассматривать по старой марксовой схеме: отчуждение от продукта, отчуждение от деятельности, отчуждение от родовой сущности. Точно так же, как Бернар Стигнер рассматривал отчуждение желания [см. 7]. Так как объекты притяжения внимания теперь производится не стихийно, но индустриально, то есть через те формы, о которых мы сказали выше, то само внимание как процесс также оказывается управляемым извне и не принадлежит мне как субъекту или актору. Соответственно, никакого самоудовлетворения от реализации своей родовой сущности как внимающего также не происходит. Внимание, становясь ресурсом и товаром, теряет статус человеческой деятельности и способности. Этот процесс мы

и называем отчуждением внимания по аналогии с отчуждением труда у Маркса.

Поэтому, в отличие от эпохи отчуждения желаний, главным последствием сегодня для человека, эксплуатируемого платформами, оказывается не депрессия, но синдром дефицита внимания и гиперактивность. Эпидемия СДВГ, фиксируемая современной медициной, может быть объяснена распространением социальных сетей и игр, понимаемых как формы управления вниманием. С одной стороны, участие в видео-играх требует сосредоточения и погружения настолько серьезного, что может вызвать аддикцию. При этом структура и форма коммуникаций и взаимодействий внутри игры всегда задана извне. Игра по своей сути является внешне поставленной задачей с заранее предопределенными способами ее решения и оговоренной наградой, в виде баллов, картинки, статуса победителя и т.д. Если у пользователя возникают затруднения с решением задачи, игра всегда готова прийти на помощь с подсказкой. Также и структура социальных сетей всегда задана извне. У нас есть специальные форматы заливки контента, подсвечены кнопки выражения своего удовольствия, очерчены окошки для нашего мнения.

Современные социальные взаимодействия всегда готовы к обратной связи и ждут нашего отклика, они провоцируют нас на постоянное заявление о себе и участие. При этом, это участие всегда имеет строго определенные формы, не требует серьезных усилий от пользователей. Соответственно навыки постановки проблем, поиска решений и сосредоточения и абстракции в принципе атрофируются. Интерпассивность сменяется интерактивностью, депрессия сменяется экспрессией и бесконечным самовыражением. Если критики общества потребления конца XX рисовали современного им человека в красках потери смысла, желаний и воли к жизни, то современный нам человек скорее испытывает проблемы с чрезмерным вовлечением в жизнь. Массовый человек не имел определений и не был способен на самоопределение, современный – постоянно переопределяет, выражает и заявляет себя. Подобный экспрессивный индивидуализм, как считает, например, Фукуяма, может быть одной из причин современного нам роста политического популизма, национализма и религиозного фундаментализма [см. 8].

Таким образом, современный капитализм характеризуется возникновением новых форм капитала с присущими им формами отчуждения, прежде всего отчуждением внимания. Отчуждение внимания понимается нами в контексте производства Big Data платформами, как используемые в этом процессе технологии привлечения и удержания внимания пользователей. Мы выделили три основных направления управления вниманием: обмен контентом, игра и дизайн. Среди последствий распространения подобных технологий мы отметили «эпидемию» СДВГ, парадигму экспрессивного индивидуализма и господство политического популизма.

Литература

1. *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
2. *Franck G.* ‘Okonomie der Aufmerksamkeit’, Merkur 47(9/10): 748–761. – 1993.
3. *Goldhaber M.H.* The Attention Economy and the Net // First Day Volume 2, Number 4–7 April. 1997. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/519> (дата доступа 6.06.19)
4. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 304 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.:Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
6. *Holson L.M.* Putting a Bolder Face on Google. URL: <https://www.nytimes.com/2009/03/01/business/01marissa.html> (дата доступа 6.06.19).
7. *Стигнер Б.* Упраздненный индивид. URL: <https://syg.ma/@lacanalia/biennar-stighlier-uprazdniennyi-individ-nieudobstvo-kultury-v-epokhu-psikhicheskoi-i-sotsialnoi-diezindividuatсии> (дата доступа: 06.09.2019).
8. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

О КАТЕГОРИИ «СВЯЗЬ СОСТОЯНИЙ» В ДЕТЕРМИНИЗМЕ

*Меньчиков Геннадий Павлович,
доктор философских наук, профессор
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: menchikovgp@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

Связь состояний одна из важных категорий фрактального детерминизма, о которой часто забывают или не придают адекватного значения, или используют для умышленных «репрезентаций» и манипулирования, в том числе и глобального. Напомним, что во фрактальном типе детерминизма *функции детерминации средой* – все время обеспечивать предпосылки к существованию конечного явления или его отдаленную действительность, обеспечивать фон изменения предлагать варианты возможностей и определять круг этих возможностей. *Функции обусловленности* – все время обеспечивать само существование конечного явления, его непосредственную жизнь, и побуждение к изменению, но еще не само изменение. *Функции же причинности* – все время обеспечивать момент генерирования, самозарождение иного, изменение в качественно иное состояние конечных явлений или их сторон, характеристик, свойств. Эти функции не подменяемы. Но в детерминизме необходимо различать ещё и непрямую, но тем не менее такую действенную форму детерминизма как связь состояний и особенно в немеханистической их континуальности. Прояснить, в чем проблема понимания сущности «связи состояний» как категории детерминизма и их теоретической и жизненной значимости, – цель данных тезисов.

Ключевые слова: детерминизм, связь состояний, функции, фазовый переход, фрактальность, хронотоп.

ABOUT THE “COMMUNICATION OF CONDITIONS” CATEGORY IN DETERMINISM

*Menchikov Gennady Pavlovich,
Doctor of Philosophy, Professor of Kazan (Volga Region)
Federal University, e-mail: menchikovgp@mail.ru
Kazan*

Abstract

The connection of states is one of the important categories of fractal determinism, which is often forgotten or not given adequate significance, or

used for deliberate “representations” and manipulations, including global ones. Recall that in the fractal type of determinism, the functions of determination by the environment are to constantly provide the prerequisites for the existence of a final phenomenon or its distant reality, provide a background of change, offer options for possibilities and determine the range of these possibilities. The functions of conditioning are all the time to ensure the very existence of the final phenomenon, its immediate life, and the urge to change, but not the change itself. The causality functions are all the time to provide the moment of generation, spontaneous generation of another, change in a qualitatively different state of the final phenomena or their sides, characteristics, properties. These functions are not replaceable. But in determinism it is also necessary to distinguish between the non-causal, but nevertheless, such an effective form of determinism as the connection of states and especially in their non-mechanistic continuity. To clarify the problem of understanding the essence of the “connection of states” as a category of determinism and their theoretical and vital significance is the purpose of these theses.

Key words: determinism, connection of states, functions, phase transition, fractality, chronotope.

Любое относительно конечное явление бытия, тем более социальное, как стихийное, так и конструируемое, – весьма динамичное, фрактальное, куматоидное, зыбкое и своенравное – клинаменное¹. Для его реальной идентификации и, главное, для практического действия с ним важно видеть его реальное состояние. Для фиксации его реального бытия, схватывания *момента его устойчивости, укорененности в бытии* необходимо учесть бесконечное число переменных. Однако зафиксировать и исчерпать их *в каждый данный момент времени и пространства* невозможно, да и не нужно; тем более что этих свойств бывает бесконечно много; и зафиксировать связь состояний или сконструировать её/их можно нечаянно или умышленно поверхностно и механистически. В первом приближении «состояние – это философская категория, отражающая формы реализации бытия в некоторый

---

¹ Термин «клинамен» означает отклонение, самопроизвольное криволинейное падение атома за разницу времени (дельта t). Такое явление, фактически, самодвижение, впервые было замечено *Эпикуром*, учеником Демокрита. *Демокрит* же предполагал прямолинейное движения атома, (получается что внутри неживого, косного). Эффект клинамена или самодетерминации практически подтверждает и детально показывает синергетика.

данный момент времени при определенных условиях, которая описывается определенным набором характеристик-параметров» [1, с. 56]. Как философская категория связь состояний в детерминизме начала активно разрабатываться известным когда-то детерминистом профессором Г.А. Свечниковым, хотя как интуитивное понятие в истории философии оно встречается и раньше. Для оценки различных состояний оно стихийно применяется в природе, но этого очевидно недостаточно в обществе, тем более, что эта связь состояний может быть сконструированной, да ещё механистической. Эпизодами разработки здесь являются постановки вопроса о состояниях и связи состояний общественного сознания в работах А.К. Уледова и Д.А. Волкогонова. В последнее время вклад в теорию связи состояний внесли работы школы Н.М. Солодухо, создавшие «методологию ситуационного подхода»; работы Н.Д. Левитова, А.О. Прохорова и др., разработавшие «психологию состояний»; Г.Б. Орланова с его «прецедентным детерминизмом» [см.: 2]. Особо следует выделить включение существенного нового элемента *симфоры* в хронотопное состояние пространства-времени и в целом в проблематику континуальности [3]. *Симфора* (от греч. *symphora* – совмещение, соотношение), введенная исследователем Р.Р. Тазетдиновой в новое понимание хронотопа – это третья фигура сгущения (связи состояний) пространства и времени. В ней делается акцент не на сам факт сжатия дления-простираемости предмет-процесса, а на экзистенцию в этом факте сгущения, *на внимание со-переживанию сгущения бытия*, возникающему чувству, смыслу существования, жизни людей, человечества в этой нераздельности пространства и времени, что в хронотопно-симфорном состоянии становится самостоятельным интегрирующим фактом, а не просто прецедентом. Введение симфоры изменяет экзистенциальную составляющую связи состояний не только хронотопа, но и любой континуальности.

Проблема состоит в том, что механистическое сгущение пространства и времени без учета смысла и состояния их соединения могут превратить хронотоп в фикцию и даже в возможный провоцирующий конфликт (без ответа на вопрос зачем, во имя чего и каких детерминирующих последствий такого, если поверхностного, фиктивного сгущения все это делается). На то, что простран-

ство и время «сами по себе», без учета смысла их соединения, «могут обратиться в фикции», обратил внимание в свое время ещё Г. Минковский (1864-1909). Подтверждение тому, к сожалению, есть, и достаточно современное. Например, в условиях появления и формирования массового прекариата (массовой безработицы из-за лукавых пространственно-временных глобалистских «перестроек») это уже не просто безработица, а «лишение человечества принципиального смысла существования» (С. Переслегин, М. Фомин) [4]. Это экзистенциальная яма, гигантская экзистенциальная глобальная проблема, а не прецедент позднего капитализма, с которой нужно что-то делать, наряду и на первом месте в ряду других. Реалистический выход из такого форс-мажорного состояния и связи состояний у человечества современной наукой предлагается и разрабатывается. А именно: мировоззрение, основанное на внезаданности и не на предвзятости бытия, а на его синергетической эмерджентной естественности, в том числе и на хроно-топно-симфонной континуальности, на изменении основного вопроса философии; освоение и рефлексия над таким неоклассическим мировоззрением позволит снизить уровень формирования появившегося феномена «макиавелизма личности» в образовании и особенно в воспитании (К.А. Вербицкая); при неизбежной глобалистики землян постараться выжить в образовании и особенно в университетском U 3.0 стратегии «идеи законосообразности окружающего мира» (М.Д. Щелкунов); пойти человечеству по пути «Другой глобализации» (Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина), выстраиваемой «на образе общего дела» (А.П. Назаретян), а не на предмете совместной ненависти, общего врага; на практике реального «разотчуждения» (Л.А. Булавка-Бузгалина) [5].

Состояние есть мера определенности конечного явления в бытии, его нерасплывчатость в целостном и изменяющемся бытии. Объективное состояние – это совокупность всех свойств некоего «этого», его количественно-качественная определенность, очерченность. Для выяснения его ситуативного поведения нужны также не все факторы, а детерминирующие (производящие действие, а не его обещание и т.п.) именно такое его поведение. Поэтому, подходя гносеологически, состояние – это совокупность численных характеристик, отображающих существенные, объективно

существующие детерминации бытия «этого» в данном отношении, в данном времени и месте целостного потока бытия. Ценность состояний состоит уже в том, что, очерчивая состояние этой системы в некоторый переходный момент протекания бытия, мы можем определить состояние этой и подобной системы в будущий момент времени и пространства. Связь состояний позволяет описывать результат и стадию (фазовый переход, медиацию) изменения в потоке бытия.

Связь состояний не является причиной и причинной в детерминизме, но является детерминационной [6], может влиять на причину, может досоздавать причину и даже нарушать ход причинности, но лишь логику (логистику) причинности, а не саму причинность. Сама связь состояний зависит от причин. Будут изменяться причины, будет изменяться и связь состояний. Отрицание причинности приводит к отрицанию связи состояний, но отрицание необходимой связи состояний, изменения стадий перехода «этого» в другое «это», не означает отрицания причинности. Например, будет сознание в норме, но не будет нужного его ситуационного состояния, может не быть нужных действий.

Таким образом, в итоге категория «связь состояний» позволяет в детерминизме не предвзятю и не механистически описывать стадию фазового перехода, медиацию изменения относительно конечного явления в потоке бытия. Фрактальный тип детерминизма связывает их детерминированность (способность производить действие и производиться действием) с субстанциональными глубинами бытия, самодвижением бытия, а не с трансцендентной или имманентной заданностью, предвзятостью.

Литература

1. Симанов А.С. К определению понятия «состояние // Известия СО АН. Серия общественных наук. – Вып. 1. – Новосибирск, 1974. – № 1. – С. 51–57.

2. Солодухо Н.М., Сабирзянов А.М. Ситуационный подход в контексте экологической философии. Монография. Казань: КГТУ-КАИ, 2011. С. 6–15; Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964, 344 с; Прохоров А.О. Пси-

хология состояний. Хрестоматия /Под ред. А.О. Прохорова. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2004, 608 с.; *Орланов Г.Б.* Детерминизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 3. – С. 99–118.

3. *Тазетдинова Р.Р.* Театральность в контексте научных представлений. – Казань: Изд-во КГУКИ, 2011. – С. 61–68.

4. *Минковский Г.* Пространство и время // Принцип относительности. Г.А. Лоренц, А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г. Минковский: Сб. М.-Л.: ОНТИ, 1936. С. 181; *Фомин М.В.* Трансиндустриализм – предстоящая социальная реальность // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 48.

5. *Меньчиков Г.П.* Об изменении основного вопроса философии // Уч. зап. Каз.ун-та. Т. 152., кн. 1. Серия Гуманит. науки. – 2010. С. 125–135; *Вербицкая К.А.* Рефлексивные методики воспитания будущих педагогов в профилактике манипулятивной деятельности // Бюллетень науки и практики. Научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 510–513; *Щелкунов М.Д.* Чем рискует классический университет в современном обществе // Философские науки. – 2018. – № 2. – С. 85–95; *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Международный философский конгресс как феномен «Другой глобализации» // Вопросы философии. – 2019. – №3. С. 33–39; *Назаретян А.П.* Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 99–111.; *Булавка-Бузгалина Л.А.* Разотчуждение: От философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 167–180.

6. *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). – Казань: Грандан, 1999. – 407 с.; *Меньчиков Г.П.* Детерминизм XXI: проблемы и решения. – М.: Спутник+, 2015. – С. 46–56.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА ФЕМИНИЗМА: МАНИФЕСТАЦИЯ ЦИФРОВОГО ДЕЙСТВИЯ

Николаева Евгения Михайловна

*доктор философских наук, профессор
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: kaisa1011@rambler.ru*

Котляр Полина Сергеевна

*кандидат философских наук, старший преподаватель
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: polikotsob@mail.ru*

г. Казань

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс эволюции феминизма. Дается характеристика каждой его волны и приводится аргументация необходимости введения в феминистский дискурс концепта «четвертая волна феминизма». Для четвертой волны характерно отсутствие линейной направленности в борьбе за права женщин. При этом в качестве семантической скобки четвертой волны можно обозначить перемещение феминистского активизма в цифровое пространство. Согласно мнению авторов, только для четвертой волны феминизма характерно становление феминизма как подлинной консолидирующей силы. Авторы выделяют три типа действия, соответствующего этой волне: хештег-индексацию, практику феминистского блогинга, публичную представленность. Также в статье рассматривается феномен сексуализации как приобретения гендерной идентичности детьми и подростками, выступающей как априорная форма, что, по мнению авторов, влечет за собой проблему нивелирования «женского», превращение его в пустое понятие.

Ключевые слова: феминизм, сексизм, цифровое пространство, феминистский дискурс, нелинейность современного феминизма, волны феминизма, четвертая волна феминизма, борьба за права женщин, цифровой активизм, феминистский активизм.

FOURTH FEMINISM WAVE: MANIFESTATION OF DIGITAL ACTION

Nikolaeva E.M.,

*Ph.D., professor of Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Kotliar P.S.,

*Ph.D., senior lecturer of Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

This article is about the process of evolution of feminism. Characteristic of each of its waves is given and also an argument is given of the need to introduce the concept “fourth wave of feminism” into the feminist discourse, which is characterized by the absence of a linear focus in the struggle for women's rights. At the same time, the movement of feminist activism into digital space can be designated as the semantic bracket of the fourth wave. According to the authors, only the fourth wave of feminism is characterized by the emergence of feminism as a true consolidating force. The authors distinguish three types of activism corresponding with this wave: hashtag-indexing, the practice of feminist blogging and public representation. The article also examines the phenomenon of sexualization, as the acquisition of gender identity by children and adolescents, acting as an a priori form, which, according to the authors, entails the problem of leveling the “female”, turning it into an empty concept.

Keywords: feminism, sexism, digital space, feminist discourse, the nonlinearity of modern feminism, waves of feminism, the fourth wave of feminism, the struggle for women's rights, digital activism, feminist activism

Согласно позиции исследователя феминизма А. Харрис феминизм предоставил женщинам возможность определения сексуальности, получения образования, расширение прав и новые способы утверждения автономии [см.: 1]. Закономерно, что с развитием общества, феминизм как проект претерпевал изменения, так первая волна феминизма, которая началась в тридцатые годы XIX века и длилась до начала XX века, характеризовалась ориентацией на получение избирательного права голоса, и это движение проходило в форме забастовок, стачек и демонстраций.

Вторая волна феминизма приходится на шестидесятые – восьмидесятые годы XX века. Она ознаменовалась борьбой за

юридические и социальные права женщин, а также акциями, направленными на решение проблемы дискриминации по расовой и социальной принадлежности. Протестная деятельность главным образом была представлена пикетами, демонстрациями, конференциями.

Третья волна феминизма возникает в середине девяностых годов XX века. Особенностью данной волны с некоторыми оговорками можно обозначить ее критическую направленность, поскольку, по сравнению с двумя первыми волнами борьбы за права женщин, начинается рефлексия опыта предыдущих активисток и современной ситуации. Такая рефлексивная позиция стала возможна благодаря протестам и политической активности женщин начала XX века, когда они получили возможность учиться в высших учебных заведениях и свободно распоряжаться доходами. Кроме того формируется понятие «женского успеха» как успеха человеческого, профессионального, а не гендерно-определенного (к примеру, способность производить потомство).

Феминизм как общественное движение получает академическое крыло, которое начинает оказывать значительное влияние на повестку всего движения. Так появляются дискуссии о переоценке понятий, представлений о биологическом и социальном поле, сексуальности и женственности, женщине как социальном конструкте, представление об интерсекциональности и прочих теоретических вопросах.

Происходит трансформация восприятия дуализма мужского и женского. Женщина начинает осмысляться как субъект, обладающий всем спектром черт, которые раньше рассматривались как исключительно маскулинные и посредством которых проводилась демаркация социальных ролей. Иными словами, теоретическая составляющая третьей волны феминизма переосмысливает гендерную идентичность.

Наряду с этим третья волна характеризуется появлением специфической формы протестного символизма, который представлен как противоположность стереотипным женским образам, используемым в рекламе, кино и телевизионных шоу. В этом отношении показательны следующие примеры. Пьеса Ивы Энслер «Монологи вагины», в которой излагается опыт переживания двухсот

женщин из разных стран, подвергшихся различным формам сексуального насилия. Американская группа художников-активистов Guerrilla Girls, которые в качестве своей миссии выбрали привлечение внимания общественности к доминированию мужчин в художественных галереях и мизогиничное отношению к творчеству женщин-художников. Участницы Guerrilla Girls в своих перформансах выступают в масках горилл и используют имена или псевдонимы женщин-художников.

Кроме этого, третья волна характеризуется консолидирующей направленностью: расовая, социальная принадлежность перестают быть разделяющими женское движение факторами. В массовой культуре маркерами изменяющейся женственности стали такие образы как Мадонна, Шер, героини сериала «Секс в большом городе», героиня мультфильма Мулан и другие, которые заявляли о своей позиции по социальным проблемам, сексуальным предпочтениям и активно самореализовывались.

Переосмысление определения женственности составляет основную характеристику третьей волны феминизма. Однако, по мнению Э. Эванс [см.: 2], определяющей чертой третьей волны является невозможность определить ключевую тему.

Можно ли говорить о возникновении четвертой волны феминизма? За последние десять лет феминизм стал консолидирующей силой. Так, сетевое движение #MeToo невозможно помыслить за скобками нового сетевого стиля коммуникации. Так феминистский блогер Джессика Валенти в интервью The New York Time Magazine в 2009 году определила четвертую волну феминизма как онлайн-волну [3]. Однако мозаичность условно четвертой волны усиливается по сравнению с предыдущими: сочетаются тенденции транс-инклюзивности, бодипозитива, интерсекциональности, позитивное восприятие сексуальности, цифрового активизма и так далее.

Социальные сети стали первой ассоциацией, существующей в формате цифровых коммуникациях. Становится очевидным, что новые цифровые технологии имеют значительное влияние на вектор социальных изменений. В частности становление таких сетевых платформ как социальные сети оказалось сопряжено с ростом новых форм представленности сексизма в отношении женщин.

В качестве примера нельзя не упомянуть цифровую акцию #FBvare, суть которой состояла в том, чтобы высветить недостаток в императивах, регулирующих организацию социальной сети Facebook, где блокировались публикации пользователей, разжигающие ненависть, но не контролировались одобрительные высказывания в отношении случаев сексуального насилия над женщинами. Акция оказалась успешной, и ряд рекламодателей перестали размещать рекламу в данной социальной сети. Facebook признал свою неспособность заблокировать оскорбительный контент и пообещал обучить персонал распознавать такие посты, чтобы сделать Facebook безопасным местом для обмена информацией и коммуникации. Еще одной иллюстрацией актуальности цифровой консолидации является движение #MeToo, суть которого состоит в том, чтобы сделать опыт переживания насилия видимым – женщины размещают в социальных сетях свои личные истории и ставят хештег #MeToo, по которому можно найти их пост.

В феминистской цифровой практике можно выделить три типа действия:

1. Хештег-индексации. Используя феминистские хештеги, пользователи заявляют о солидарности феминистской повестке. Так компания под хештегом «свободу сестрам Хачатурян» (Крестину, Ангелину и Марию Хачатурян обвиняют в убийстве их отца Михаила Хачатуряна) широко разошлась в российских социальных сетях. Или ситуация, когда феминистский блогер Лори опубликовала пост в Twitter о проявлении сексизма фирмой игрушек, которая выпускает детские наборы для уборки, предназначенные только для девочек, ставя определённые хештеги, которые консолидируют феминистскую идентичность.

2. Практика феминистского блогинга. Кроме распространения и пояснения дискурса блогер представляет открытую информацию о своей деятельности, новостях, распространение информации о людях, оказывающихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в убежище. Он сообщает информацию о брендах и продуктах, которые являются спонсорами феминистских мероприятий. Так, российский блогер Ника Водвуд (nixelpixel) на своем YouTube-канале размещает видео, в которых рассказывает о собственных переживаниях, например, видео «Мой сексуальный

опыт», поднимает дискуссионные темы, например, «Менструация, а не эти дни», «Стигматизация ментальных расстройств» и другие.

3. Публичная представленность. Посещение крупных светских политических мероприятий, спортивных соревнований, концертов, где происходит заявление об актуальных темах для феминистской общественности. Так в 2018 году на церемонию вручения премии «Золотой глобус» актрисы пришли в платьях черного цвета, чтобы поддержать жертв сексуальных домогательств.

Вместе с этим обнаруживается новый вектор, требующий от феминистского движения осмысления и соответствующей активности – новые медиа вслед за телевидением и печатными СМИ продолжили осуществлять сексуализацию женщины, что привело к становлению интернета как гиперсексуализированной среды.

В чём заключается опасность цифровой сексуализации? Медиа формируют ограниченное представление о женственности, физический образ, который они представляют и активно внедряют в сетевом пространстве, практически недостижим. Эти экранные персонажи сочетают в себе стереотипные представления о женщинах и гендерных нормах. Равно как в киноиндустрии, мультипликации и в компьютерных играх продолжает сохраняться избыточная полярзация женского (к примеру, женские персонажи из компьютерной игры *Mortal Komбат*), формируя таким образом оптику видения женщины в публичном пространстве, когда «недостижимая женственность» провозглашается нормативной.

Детям и подросткам, формирование идентичности которых сегодня главным образом определяется агентами сетевого статуса, необходимо адаптировать понимание своей сексуальности под транслируемые стандарты. То есть, перефразируя философа Симону де Бовуар, усвоение «мужского взгляда» как инстанции происходит под более жестким контролем со стороны социума, поскольку интернет обеспечивает максимальный уровень транспарентности. То есть приобретаемая феминность оказывается видом априорного, а не апостериорного из чего следует, что женское сегодня оказывается пустым понятием.

Мобилизация к действию и само действие в контексте четвертой волны становится совместным цифровым действием, если продолжить логику известного тезиса о том, что идеология является

не «лживым», а «ложным» сознанием, то идеология феминизма, направленная против гендерной идеологии, парадоксальным способом солидаризируется с интенцией феминизма как движения перестать быть таковым. Так исследователь М. Гоник [4] считает, что, несмотря на то, что цель гендерного равенства не достигнута, феминизм как «движение волн» представляет собой нелинейный прогресс – в разных сферах улучшения неравномерны. Появление цифровых технологий и социальных сетей создали новые проблемы для нейтрализации гендерной бинарности.

Литература

1. Harris A. Future girl: Young women in the twenty-first century. – New York: Routledge, 2004. – 229 p.
2. Evans E. The politics of third wave feminisms. – Palgrave Macmillan, 2014. – 246 p.
3. Solomon D. Fourth-Wave Feminism URL: <https://www.nytimes.com/2009/11/15/magazine/15fob-q4-t.html> (дата обращения 29.09.2019)
4. Gonick M. Gender, Girls, and Schooling URL: <https://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-73?rsk=SOyj27&result=11> (дата обращения 29.09.2019)

УДК 130.2

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ – УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

*Нуруллин Рафаиль Асгатович,
доктор философских наук,
профессор Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: nurulla958@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье предложен философский анализ цивилизационно-культурной стратегии развития «Общество 5.0», предложенной и принятой

правительством Японии в 2016 г. В целом данная программа развития, хотя и представлена в виде достижения целей современного гуманизма в условиях становления информационной цивилизации, содержит в себе системные противоречия и риски. Методология исследования построена на принципах системности, дополнительности, фрактальности и диалектики понятий: культуры и цивилизации, линейного и нелинейного и др. Сегодня интеграция человечества приобрела глобальный характер, что меняет: во-первых, масштаб субъектности человека, во-вторых, отношение человека к случайности и необходимости. Все эти характеристики таят в себе как угрозы целостного существования человечества, так и возможности его выхода из кризиса на новые уровни развития. Частная культура, прежде служившая мощным интегратором общества, сегодня, в условиях информационной цивилизации, теряет возможность осуществлять идеологическую и, как следствие, воспитательную функции. Переход человечества от монокультурного к поликультурному способу бытия требуют реализации отношений между культурой и цивилизацией на принципах диалектики. Принципы, заложенные в программе развития «Общество 5.0», не отвечают этим требованиям. Программа нацелена на реализацию принципа положительной обратной связи, так как пытается решить глобальные проблемы цивилизации средствами самой цивилизации. Теоретически достижение гармоничных отношений между цивилизацией и культурой становится возможным на основе принципа дополнительности, в рамках которой реализуется принцип отрицательной обратной связи.

Ключевые слова: «Общество 5.0», система, человек, общество, культура, цивилизация, гуманизм

INFORMATION CIVILIZATION – UTOPIA OR REALITY?

Nurullin R.A.,

*Ph.D., professor of Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The subject matter of the paper is a philosophical analysis of the civilization-cultural development strategy Society 5.0. The strategy emerged from the idea of the Japanese government formulated in 2016. In general, this development program contains systemic contradictions and risks. Nevertheless, the idea seems to be achieving the goals of modern humanism in the conditions of information civilization development. The research methodology stems from the principles of consistency, complementarity, fractality and the dialectics

of the concepts, which are as follows: culture and civilization, linear and nonlinear development, etc. There is much evidence that today the integration of mankind has become global. The process leads to, firstly, the changes in the scales of human subjectivity, and secondly, the attitude of man to chance and need. All these characteristics are fraught with threats to the holistic existence of mankind, and the possibility of people's coming out of the crisis to the new levels of development. Private culture, which previously served as a powerful integrator of society, is losing the opportunity to carry out an ideological, and as a result, educational function in the conditions of an informational civilization. The transition of humanity from the monocultural to the multicultural way requires of relations between culture and civilization being based on the principles of dialectics. Evidence suggests that the principles laid down in the Society 5.0 development program do not meet these requirements. The program aims to implement the principle of positive feedback, as it tries to solve global problems of civilization with civilization practices. Theoretically, the achievement of harmonious relations between civilization and culture becomes possible on condition of the principle of complementarity.

Keywords: Society 5.0, system, man, society, culture, civilization, humanism, synergetics, feedback.

Цивилизационно-культурная стратегия развития «Общество 5.0», основанная на использовании цифровых технологий во всех сферах жизни, была принята правительством Японии в 2016 г. Основная идея стратегии заключается в решении социальных проблем с помощью интеграции цифровой среды и физического пространства и, как результат, улучшения качества жизни человека [см.: 1, с. 2–11]. Хотя цели и задачи данной программы направлены на достижение идей гуманизма, все же возникают сомнения в методологии организации решения проблем современной цивилизации средствами самой цивилизации.

Начнем свое исследование с констатации древнего восточного принципа: «одно во всем и все в одном» – в каждом элементе весь мир и этот элемент – в каждом другом элементе. Данный принцип позволяет рассматривать человека в качестве модели систем как более меньших, так и более больших масштабов. Динамика изменений составляющих элементов и подсистем системы, как правило, намного порядков превосходит динамику развития всей системы в целом, что дает, на основе отражения масштабной инвариантности ее составляющих за более короткое время, оценить

весь цикл развития системы в целом. Конечно, здесь необходимо учитывать то, что в реальной действительности нельзя развитие всей системы в целом сводить к тождественному пониманию динамики составляющих элементов этой системы. Но, тем не менее, при всем индивидуальном своеобразии процессов разных уровней организации системы, предложенный выше подход позволяет выявить общие сохраняющиеся характеристики структур, входящих друг в друга составляющих частей данной системы. С этим подходом к исследованию самоорганизующихся систем соотносится фрактальность организации бытия. Фрактальный подход дает возможность рассматривать человека в качестве универсальной модели не только при исследовании отдельного общества, но также и всего человечества. В каком-то смысле фрактальная организация систем бытия позволяет обеспечивать номотетический аспект исследований социальных систем, вокруг которого возникает возможность: 1) вписывать в этот контекст разрозненные содержания артефактов исторических событий прошлого; 2) с большой долей вероятности умозрительно моделировать недостающие звенья в развитии исторических систем; 3) строить умозрительные суждения о будущем развития системы.

Начнем с того, что центром обработки информации для управления всех подсистем организма человека и его отношений с миром выступает мозг. Мозг человека в ответ на изменения окружающего мира получил возможность развиваться не путем количественного увеличения в размерах, а путем беспредельного расширения структурной пластичности, благодаря постоянной организации и перестройке своих внутренних связей. Тем самым целостные свойства мозга человека перестали определяться экстенсивным количественным увеличением центров обработки информации, а стали определяться эмерджентными свойствами, обусловленными характером структурной организации нейронов больших полушарий коры головного мозга. Другими словами, отражательная способность человеческого мозга стала определяться не количеством нейронов, а системой связей между собой. Причем эта сеть начинает интенсивно формироваться у человека после его рождения и постепенно продолжает развиваться в течении всей жизни, выступая необходимым условием возникновения сознания,

способного развиваться посредством отражения личного и социального опыта своих отношений с миром [см.: 2, pp. 157-158].

В каком-то смысле эти суждения на качественно другом уровне масштабности соотносятся с развитием социальных систем. Так, сегодня достижение пределов экстенсивного развития и связанный с ним кризис бытия создали возможность перехода человечества на интенсивные рельсы развития, что придало современным социальным отношениям необычайную структурную гибкость и обусловило становление информационной цивилизации. Сегодня субъектам экономики в рамках индустриальной парадигмы развития цивилизации, в силу осознания конечности планеты, уже некуда развиваться без разрушения подсистем человечества. Информационная цивилизация, в отличие от индустриальной, развивается не путем количественной экспансии элементов экономики (труда, капитала, машин) вовне, а путем качественного изменения структуры организации экономики в целом на основе расширения информационных связей и превращения их в технологии по производству вещей и социальных отношений [см.: 3, pp. x–xi, xiv, xv–xvii].

На основе фрактальной организации систем бытия наши рассуждения об организации человеческого мозга на принципах масштабной инвариантности [см.: 4, с. 172–180] можно использовать для интерпретации становления и выявления значимости Интернета для развития субъектов всех уровней человечества. Интернет явился результатом достижения пределов экстенсивного развития индустриальной экономики. Сетевая организация Интернета носит надындивидуальный характер и потенциально способна определять структуру всего человечества. При этом Интернет, на базе которого формируется структура информационного общества, можно фрактально соотнести со структурой человеческого мозга [см.: 5, с. 23–39].

Современная экономика, построенная на теории стоимости вещей в условиях отсутствия объективной теории стоимости смыслов информации, чревата глобальными финансовыми кризисами. Это свидетельствует о приближении мировой экономики и политики к точке своей бифуркации (к точке выбора траектории дальнейшего пути развития системы), что делает жизнь челове-

чества уязвимой от негативной разрушительной случайности, основным источником которой сегодня выступает сам человек [см.: 6, pp. 179–190]. В современных условиях энергонасыщенного мира все это чревато обострением глобальных проблем для всего человечества.

Точка бифуркации есть точка неустойчивого равновесия системы, получившая в теории устойчивости систем название особой точки типа «седло» [см.: 7, с. 61–77]. Базовыми составляющими теоретически возможного состояния неустойчивого равновесия дополнительных по отношению друг к другу сторон системы человечества выступают подсистемы культуры и цивилизации. Рефлексия культуры в истории человечества долгое время осознавалась то в оппозиции к природе, то к Богу [см.: 8, с. 3–17]. Противопоставление культуры к цивилизации по отношению к западному миру было осуществлено О. Шпенглером. Он убедительно показал, что переход общества к цивилизации знаменует путь постепенной гибели западной культуры [9]. Исследования Освальда Шпенглера, с одной стороны, можно трактовать в качестве предупреждения наступления культурного кризиса для Европы, а с другой – позволяют увидеть теоретическую возможность построения гармоничных отношений между культурой и цивилизацией на принципах дополнительности.

Культура, в силу особенностей характера своего развития, составляет противоречивую оппозицию к цивилизации, в отличие от последней на сегодня не имеет общего знаменателя, по которому можно было бы с единых позиций оценивать все разнообразие идей и ценностей, накопленных и существующих в мире. Если культура, по сути, нацелена на расширение разнообразия идей и смыслов и имеет дело с производством качеств, то цивилизация, напротив, нацелена на производство количества вещей и на сведение всего разнообразия ценностей (как материальных, так и духовных) к унифицированной ценности денег как общего знаменателя всех благ. При этом происходит девальвация духовности в обществе до уровня продажной эстетизации. Другими словами, сегодня культура не видит свою миссию в поднятии человеческого духа до определенных высот, а сама опускается до уровня потребления масс, так как именно за это сегодня массовый потребитель готов платить деньги.

В программе «Общество 5.0» глобальные проблемы человечества представлены как проблемы культуры, но, по сути, являются проблемами цивилизации. Попытка решения глобальных проблем цивилизации посредством расширения производства благ цивилизации противоречит законам теории систем управления в организации обратных связей. Решение проблем цивилизации средствами самой цивилизации напоминает лечение подобного подобным, что говорит о попытке реализации в общественных отношениях положительной, а не отрицательной обратной связи между культурой и цивилизацией. Теоретически этот механизм отношений ведет лишь к оттягиванию неизбежного конца человечества. Нарушение этих законов способно привести к разрушительному разному целостности всей системы человечества. Проблемы цивилизации необходимо решать через культуру на принципах дополнительности, то есть через систему противовесов на принципах отрицательной обратной связи, где восприятие значимости материальных ценностей цивилизации (через петли обратной связи) оказывается связанным со значимостью духовных ценностей культуры, и наоборот.

Литература

1. *Уэмура Норичугу*. Общество 5.0: взгляд MitsubishiElectric // Экономические стратегии. – 2017. – № 4. – С. 2–11.
2. *Alexandrov Yu.I.* Neuronal specializations, emotion and consciousness within culture // Toward a science a consciousness. Tucson 2002. Research Abstracts, Arizona: University of Arizona, 2002. – P. 157–158.
3. *Bell D.* 1999. The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic Books. – Pp. x–xi, xiv–xvii.
4. *Потанов А.А.* Фрактальный метод, фрактальная парадигма и метод дробных производных в естествознании // Вестник нижегородского университета им. И.Н. Лобочевского. – 2012. – № 5(2). – С. 172–180.
5. *Сабден О.С.* Системный подход к цивилизационному развитию человечества в XXI в. // Век глобализации. – 2016. – № 4 (20). – С. 23–39.

6. *Nurullin R.A.* Multicultural Existence of Humankind in Conditions of Developing Global Civilization and Acceleration of Historical Rhythms. *ManInIndia*, 2017. – 97(07): 179–190.

7. *Ризниченко Г.Ю.* Лекции по математическим моделям в биологии. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. – Ч. 1. – 232 с.

8. *Гуревич П.С.* Философия культуры: Учебник для высшей школы. – М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. – 532 с.

9. *Шпенглер О.* Закат Западного мира. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017 – 1088 с.

МОБИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ С ЭЛЕМЕНТАМИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

*Орешина Светлана Сергеевна,
магистрант 2 курса Московского Городского
Педагогического Университета,
e-mail: fotiniya161995@rambler.ru
г. Москва*

Аннотация

Меняется мир, меняются дети, а вместе с этим меняется и стратегия образования. Дети и мобильные телефоны, компьютеры, планшеты неотделимы друг от друга, малыши с раннего возраста в гаджетах. Уже в детском саду можно увидеть, как дети пальцами пытаются расширить шрифт в обычной книге, не говоря уже про детей начальной школы.

Актуальность внедрения технологии дополненной реальности в образовательный процесс заключается в том, что использование инновационных средств, несомненно, повысит мотивацию учащихся при изучении английского языка и других дисциплин, а также повысит уровень усваивания информации, синтезируя различные формы ее представления. Огромным плюсом использования технологии дополненной реальности является ее наглядность, информационная полнота и интерактивность.

Ключевые слова: мобильное обучение, дополненная реальность, английский язык, начальная школа, образование, интерфейс, виртуальные объекты, интерактивные методики, цифровые устройства.

MOBILE LEARNING WITH AUGMENTED REALITY IN THE ENGLISH LANGUAGE IN PRIMARY SCHOOL

Oreshina S.S.,

*Master's degree, Moscow City Pedagogical University,
e-mail: fotiniya161995@rambler.ru, Moscow*

Abstract

Changing the world, changing children, and therefore, changing education strategy. Children and mobile phones, computers, tablets are inseparable, kids from an early age in gadgets. Already in kindergarten you can see how children are trying to expand the font with their fingers in an ordinary book, not to mention the children of primary school.

The relevance of the introduction of augmented reality technology in the educational process is that the use of innovative tools will undoubtedly increase the motivation of students in the study of English and other disciplines, as well as increase the level of assimilation of information, synthesizing various forms of its presentation. A huge advantage of the use of augmented reality technology is its visibility, information completeness and interactivity.

Keywords: mobile learning, augmented reality, English, primary school, education, interface, virtual objects, interactive techniques, digital devices.

Технология дополненной реальности уже несколько лет активно и эффективно используется в образовании. Дополненная реальность (Augmentedreality, AR) – это технология наложения информации в форме текста, графики, аудио и других виртуальных объектов на реальные объекты в режиме реального времени[1]. Современные направления развития информационных технологий, повсеместное распространение цифровых устройств (смартфонов и планшетов) в молодежной среде порождают всевозможные способы применения мобильных устройств в образовательном процессе. В образовании дополненная реальность применяется очень редко, но всё больше учителей начинают использовать интерактивные обучающие методики. Педагоги, использующие технологию BYOD (“Bringyourowndevice”(англ.) – “принеси своё устройство”), получают широкие возможности для расширения стен классной комнаты, привлечения информационных средств Интернета и мультимедийных возможностей устройств для повышения

мотивации, интереса к обучению, формирования более глубокого понимания изучаемого материала.

Дополненная реальность (от англ. “augmentedreality, AR” – «расширенная реальность») – это новая технология наложения виртуальной (цифровой) информации на видимый объект. В качестве основы может выступать изображение, фотография, схема или другой видимый объект. С помощью специальных программ на основу добавляются виртуальные объекты: ссылки на веб-страницы, видео, текст, графика и 3D-объекты. Дополненная реальность считывается с основы обычно с помощью цифровых устройств – смартфонов, планшетов или специальных очков или шлема [2]. Мы предлагаем использовать технологию дополненной реальности в образовательном процессе.

Что такое дополненная реальность? Когда мы говорим о данной технологии в применении к мобильным приложениям, мы обычно подразумеваем расположение цифровых графических элементов на изображение реального мира, получаемое через камеру мобильного устройства. Технология дополненной реальности позволяет значительно расширить возможности образовательного процесса. Детям нравится усваивать новую информацию в такой наглядной форме, так как они с самого раннего возраста начинают работать с компьютером. Возможность использования яркой запоминающейся визуализации при объяснении сложных тем, а кроме того, предоставлять детям возможность самим использовать технологии будущего – это ли не находка для педагога? Разумеется, никто не отменял фундаментальные знания и традиционные форматы обучения. Но разумное применение дополненной реальности в образовании имеет очень высокий критерий педагогической деятельности и, кроме того, подчеркнет технологическую продвинутость учителя. Дополненная реальность позволяет создавать невероятные образовательные проекты по сценариям, которые физически невозможно реализовать в реальной жизни. Дополненная реальность дает возможность перемещать, вращать, масштабировать 3D модели буквально руками, рассматривать их под любыми углами, соединять и разъединять виртуальные объекты и изучать полученные результаты. Она исключительно полезна при развитии пространственного мышления, для максимально наглядного и ин-

терактивного изучения, а также для более глубокого погружения в предмет. Используя дополненную реальность в рамках проектных заданий, ученики могут визуализировать результаты работы по своему собственному или коллективному проекту, включить в него всю необходимую информацию – графические, звуковые, видеофайлы и сделать его максимально интерактивным. А затем в оригинальной форме представить его на итоговом занятии. Для демонстрации объектов дополненной реальности учитель использует следующий перечень аппаратных средств: камера, компьютер с программой и маркер с графическим кодом. Процесс отображения объектов проходит в 3 этапа: распознавания маркера, отслеживания положения объекта и вывод на экран вместо маркера виртуальной информации [3].

Применяя данную технологию, учитель может доносить необходимый для изучения материал в более интересной и доступной для учеников форме, строя урок на основе увлекательных игр и демонстраций. Удобство использования виртуальных 3D-объектов упрощает процесс объяснения нового материала.

Технология дополненной реальности применяется в нашей школе в основном для работы с учениками младших классов, как общего, так и дополнительного образования. Это целый класс самых разных AR-проектов, направленных на визуализацию различных исторических периодов и реконструкцию тех или иных событий.

С помощью программы Scimorph, веб-камеры и листа бумаги с напечатанной меткой ребёнок может общаться с забавным зверьком по имени Скайморф (Scimorph), который рассказывает о гравитации, звуке и микробах, «сидя» на листке бумаги перед экраном (нужно включить веб-камеру). В каждом уроке нужно исследовать какую-то игровую зону, где встречаются разного рода вопросы, викторины и рассказы [3]. Приведём пример применения технологии дополненной реальности в младшей школе. Мы предлагаем организовывать обучение школьников, используя черно-белые маркеры, напечатанные на листах бумаги. К каждому маркеру привязывается трехмерный объект; это может быть птица, животные, машина или объемная геометрическая фигура и другие модели. Также предлагается схема тестирования при помощи дополненной

реальности. Преподаватель задает вопрос, а ученик выбирает маркер, соответствующий одному из вариантов ответа.

Урок «Раскрашиваем, как хотим». В современных учебниках по английскому языку большое количество заданий и упражнений по раскрашиванию картинок. Во многих учебниках все задания проиллюстрированы картинками, которые предлагается раскрасить. Наряду с традиционными заданиями по раскрашиванию картинок по аудированию, чтению и говорению, мы использовали новый прием и предлагаем ученикам раскрасить картинку по-своему желанию. Как бы ни раскрасил ребёнок картинку, даже если он явно балуется, проверяя границы «раскрашивай, как хочешь», мы говорим ему: «Всё в порядке. Молодец!». Важным является умение привести произвольный пример, удовлетворяющий данному определению. Это умение полезно и в житейских ситуациях, где бывает нужно дать волю своей фантазии [см.: 4, с. 15]. Технология дополненной реальности позволяет совмещать игру с обучением и помогает убедить ребенка, что английский язык – это не наказание, а веселое и увлекательное занятие.

Урок «Алфавит». Учитывая особенности развития творческого воображения младших школьников, мы предлагаем следующий приём изучения английского алфавита в младших классах. *Приём состоит из трёх этапов:*

1. Ученики знакомятся с буквой, её произношением и написанием. Рекомендуется “преподносить” детям букву не как букву, а как персонажа (сказочный предмет), с которым предстоит познакомиться. *Основная задача* – активизировать воображение детей. Рисунки служат вспомогательным материалом для продолжения работы над буквой.

2. Ребёнку предлагается раскрасить букву (выбранную учителем).

3. Ребёнку предлагается «использовать» букву в изображении какого-либо предмета.

На втором и третьем этапе детям предстоит самостоятельное творчество, так что активность педагога уходит на второй план; второй этап плавно переходит в третий – таким образом, они дополняют друг друга [см.: 5, с. 35].

Технология дополненной реальности очень помогает при решении этих задач. Ученик с большим удовольствием оживляет изучаемую букву и легко запоминает оживленных персонажей. Использование технологии дополненной реальности на первоначальном этапе представляло собой распечатку и раскрашивание картинок по заданию учителя (задание представлялось либо в письменной форме на английском языке, либо дети слушали диктора и раскрашивали картинки), то есть использовались бумажные носители. Дети с большим удовольствием раскрашивали картинки и затем оживляли их.

У нас в школе есть компьютерные классы и мне очень хотелось применять технологию дополненной реальности с использованием компьютеров и интерактивной доски. Я совместила программу Smartnotebook и приложения дополненной реальности (такие, как Animal 4D+?, QuiverAlphabet, ZooAr, Liveanimal). Таким образом, мы разработали большое количество заданий по аудированию, чтению, письму и говорению, по различным темам согласно ФГОС, выполняя которые ученики могут использовать технологию дополненной реальности на интерактивной доске или на своих компьютерах, на которых установлена программа SmartNotebook.

На данный момент мы используем готовые разработки и приложения. Приложения имеет простой и удобный интерфейс, в котором легко может работать даже новичок без всяких инструкций. Для того чтобы программа правильно работала, необходимо выполнить ряд действий:

1. Запустить приложение;
2. Выбрать режим работы;
3. Навести камеру на маркер;
4. Для окончания просмотра нажать кнопку «Завершить», а для завершения работы программы нажать «Завершить работу программы».

Многие приложения (Chromville, Quiver и другие) предназначены для использования детьми младшего школьного возраста. С помощью приложения Quiver можно также анимировать раскрашенные изображения. Интересно, что в этих приложениях (Chromville, Quiver) виртуальный объект получает те цвета, которыми его раскрасили. Приложения Animal 4D+ и Animal 4D+ Lite

при сканировании карточек-маркеров отображают трехмерные изображения животных и позволяют наблюдать за их движениями и издаваемыми звуками. Кроме того, озвучивается также название каждого животного на английском языке [6].

Можно сделать вывод, что данная технология, представляющая синтез двух миров: реального и виртуального, имеет огромные перспективы в системе образования нового поколения. Внедрение технологии дополненной реальности позволит мотивировать учащихся к обучению, заинтересовать аудиторию, развить стремление к освоению новых возможностей и технологий, заменить дорогостоящие пособия и оборудование мультимедийными компьютерными моделями.

Литература

1. *Петрова О.* Дополненная реальность для целей образования. Дополненная реальность в образовании. – URL: <http://tofar.ru/dopolnennaya-realnost-v-obrazovanii.php> (дата обращения 07.08.2019).

2. Дополненная реальность – это будущее? – URL: <http://futurosophy.com/technology/dopolnennaya-realnost/> (дата обращения: 07.08.2019).

3. Двадцать примеров дополненной реальности в образовании. – URL: <https://arnext.ru/articles/20-ar-eksperimentov-v-obrazovanii-2353> (дата обращения: 07.08.2019).

4. *Литвинюк О.И.* The ABC for you and me. Уч. пособие. – Днепропетровск, 1994. – 78с.

5. *Рудченко Т.А., Архипова Е.С.* Информатика. 1 класс. Поурочные разработки. – М.: Просвещение, 2012. – 150 с.

6. *Самарина А.Е.* STEM-игры с дополненной реальностью. Электронный ресурс. – URL: <http://samarina-it.blogspot.ru/2015/07/stem.html> (дата обращения 07.08.2019).

МИФОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ¹

Плотичкина Наталья Викторовна,

кандидат политических наук,

доцент Кубанского государственного университета,

e-mail: oochronos@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается мифология больших данных. Описаны подходы различных исследователей в изучении больших данных как мифического конструкта (Н. Коулдри, д. бойд, К. Кроуфорд, У. Мехиас). Миф предлагает новую картину эпистемологии, методологии, этики научных исследований социальности, укрепляет веру в то, что данные предлагают новый путь к получению социального знания. Миф подвергает сомнению необходимость формулировки гипотез интерпретации социальности. Вера в миф продуцирует цифровой позитивизм, который дефинирует данные как строгую истину. Показана роль метафор в распространении мифологии больших данных. Метафорический дискурс натурализует рутинизацию сбора данных. Метафоры способствуют восприятию больших данных как объекта коммодификации и потребления, как экономического актива и эпистемологической матрицы. Деконструкция мифологии осуществляется сторонниками критических исследований данных.

Ключевые слова: мифологизация, миф, цифровая мифология, социальные медиа, миф о больших данных, социальное

THE MYTHOLOGY OF BIG DATA²

Plotichkina N.V.,

Ph.D., associate professor of Kuban State University, Krasnodar

Abstract

The article discusses the mythology of big data. The approaches of various researchers in the study of big data as a mythical construct are described (N.Couldry, d.boyd, C.Crawford, U.Mejias). The myth offers a new

---

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

² The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project № 18-011-00975 «Subjective space of politics: opportunities and challenges of network society»

picture of epistemology, methodology, ethics of scientific studies of sociality, strengthens the belief that data offer a new way to obtain social knowledge. The myth questions the need to formulate hypotheses of the interpretation of sociality. Belief in this myth produces digital positivism, which defines data as strict truth. The role of metaphors in the spread of big data mythology is shown. Metaphorical discourse naturalizes the routinization of data collection. Metaphors hide that data is a social construct generated by myths as well as social relationships. Metaphors contribute to the perception of big data as an object of commodification and consumer practices, as an economic asset and an epistemological matrix. The deconstruction of mythology is carried out by proponents of critical data studies.

Keywords: mythologization, myth, digital mythology, digital media, myth of big data, the social

Распространение термина «большие данные» вызывает критические отклики в исследовательском сообществе; цифровизация побуждает задуматься над перспективами социальной науки. Появление big data означает переход к вычислительным инструментам и методам анализа больших массивов информации. Исследователи указывают на то, что big data – это не просто технологический артефакт или источник социальных знаний и цифровых трансформаций, но и мифология, которую необходимо подвергать деконструкции (Н. Коулдри, д. бойд, К. Кроуфорд, Х. ван Дейк, Л. Манович и др.). Идея о том, что big data опираются на мифологию, требует детального изучения. Большие данные должны оставаться открытыми для культурных, этических и критических перспектив экспланации, особенно если рассматривать их как современный архив фактов и фикций. Критическая экспликация big data означает исследование последствий вычислительного поворота в эпистемологии, онтологии и этике науки, расколдовывание алгоритмической культуры. Хотя большие данные насыщены повествованиями о модернизации, big data не лишены рисков и угроз, поскольку связаны с непрозрачными режимами управления и контроля.

В интерпретации британского теоретика медиа Н. Коулдри, миф о больших данных бросает вызов идее о том, что социальное – это то, что мы можем интерпретировать [2]. Экспликация данных как отражение «социального» контекста усиливает идеологию данноизма, мифологию big data. Цель мифического конструкта – убедить

нас в том, что данные предлагают новый путь к социальным знаниям. Предполагается, что big data свидетельствуют о появлении новой эпистемологической парадигмы, смещении устоявшихся моделей создания знаний и отказе от репрезентативной выборки и теорий. Акцентуация мифологической природы больших данных способствует появлению цифрового позитивизма [4], пропагандирующего эпистемологическое предположение о том, что мы можем технологически контролировать сбор и анализ больших данных в той мере, в какой эти данные могут «говорить сами за себя» и стать по своей сути значимыми.

Миф предлагает новую картину эпистемологии, методологии, этики научных исследований социальности: big data помогают справиться со сложностью цифрового социального мира посредством обработки данных. В эпоху повсеместного сбора данных нежелание использовать новые методики анализа, которые максимизируют потенциальную ценность имеющихся объемов данных, кажется неразумным. В дискурсах и практиках, связанных с революцией big data (В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер), появляются новые методы data-науки, которые стремятся к научным исследованиям путем сбора больших объемов цифровых данных, направляя исследователей к новым наблюдениям и выводам.

Эпистемологические оптимисты big data выдвигают идею о том, что как только работа по сбору данных будет завершена, данные будут говорить сами за себя, минуя общие концепты и теории, а также предубеждения и интенции аналитика; результаты становятся понятными для любого, кто имеет элементарное понимание статистики [4, p.180]. Рабочая эвристика исследователя big data строится по новой схеме: вместо проверки выдвинутых гипотез в ходе интерпретации подходящих цифровых артефактов происходит получение корреляций и выводов, «проистекающих из данных».

Новая наука вводит аспект индуктивности в дизайн исследования, стремясь развить гипотезы и идеи, «рожденные из данных», а не «рожденные на основе теории». Тем не менее, большие данные остаются метафорой для ряда практик, которые нуждаются в критическом рассмотрении с целью проблематизации присущих им предположений о данных, пронизывающих текущие дискурсы в естественных и социальных науках.

Хотя аналитика big data используется для изучения практически любых явлений, где существует достаточное количество данных, big-исследователи предупреждают, что большой объем пользовательских данных может «затенять» ключевые идеи, приводить к апофении, продуцированию ложных корреляций. Кроме того, для анализа big data все еще требуется элемент человеческого суждения, чтобы отфильтровать «хорошие» данные от «плохих» и решить, какие аспекты данных имеют отношение к целям исследования. Исследовательницы Кроуфорд и Бойд подчеркивают субъективность процесса «очистки данных» [1, p.667], принятия решения о том, какие переменные будут учитываться, а какие атрибуты – игнорироваться. К тому же, big data не являются результатом использования, к примеру, опросных методик или наблюдения, а продуцируются в режиме реального времени посредством цифровых технологий, алгоритмов, созданных, тем не менее, на базе моделей, теорий. Данные всегда имеют концептуальную оболочку, которая является условием их создания.

Мифы поддерживаются метафорами, которые помогают объяснить идею или провести сравнение, опираясь на известные образы, чтобы придать смысл новым впечатлениям. Метафоры – это общий инструмент человеческого познания, активируемый при поиске смысла новых явлений. Такие метафоры, как «данные – это новая нефть», «поток данных», «извлечение данных», «облако» представляют данные как природный ресурс, находящийся в свободном доступе, который нужно добыть и контролировать. Посредством репрезентации данных в виде природных ресурсов, готовых к промышленному использованию, происходит нормализация коммерциализации, коммодификации данных. Являясь сырьем, данные не имеют ценности и не приносят пользу, если не применяются на практике. Происходит дискурсивная натурализация инфраструктуры использования данных. Исторические траектории big data отмечены смещением в сторону все большей вычислимости и коммерциализации; идея того, что составляет данные, становится зависимой от того, как они могут обрабатываться и храниться [5, p.1694].

Мифология больших данных, заданных алгоритмами, разработанными в соответствии с императивами прибыли, обещает идеа-

лизированное пространство предсказуемого смоделированного потребления. Большие данные являются ориентированной на рынок эпистемологией, которая рассматривает количественную оценку как коммерческую деятельность. Выступая в качестве товара, big data требуют инструменталистской ориентации на экономический рост, в соответствии с которой притязания на объективную правду скрывают алгоритмические процессы отбора, анализа и сортировки. Н.Коулдри и У.Мехиас вводят понятие колониализма данных, процесса, который нормализует эксплуатацию людей посредством данных. Подобно тому, как в ходе политики исторического колониализма присваивались территории, а также ресурсы с целью получения прибыли, data-колониализм подразумевает эксплуатацию людей посредством данных в разных географических регионах, прокладывая путь к капитализации жизни без ограничений [3].

Будучи социально-техническим явлением, big data порождают утопическую и дистопическую риторику: рассматриваются как мощный инструмент для решения различных социальных проблем и тревожное проявление «большого брата». Дискуссии о создании больших данных основаны на оспариваемой культурной логике мониторинга, конфиденциальности и раскрытия информации, диалектике наблюдения и распознавания. Критическое исследование big data позволяет выявить, что данные – это не просто товар, экономический актив, сопоставимый с нефтью; цифровые артефакты затрагивают вопросы гражданских прав, личной автономии и достоинства.

В интерпретации Х.ван Дейк, практики даннофикации, направленные на квантификацию социальных взаимодействий и преобразование их в цифровые артефакты, базируются на идеологии данноизма, обосновывающей желательность big data и их неоспоримое превосходство [6, p.198]. Даннофикация становится идеологически пронизанным ведущим принципом не только среди техноадептов, но и среди исследователей, которые рассматривают передачу данных как революционную возможность эссенциализации поведения человека. Х.ван Дейк отмечает, что, поскольку исследователи оказывают существенное влияние на формирование социального доверия [6, p.206], использование big data в академических целях также повышает доверие к их сбору в коммерческих

контекстах, а также формирует положительное общественное мнение относительно больших данных.

Таким образом, большие данные стимулировали появление новых исследовательских подходов и практик, но также вызвали нормативные изменения и противоречия относительно того, как исследования должны быть этически оправданы и концептуализированы. Те, кто считают использование big data морально обоснованным, нормативно сформулировали и аргументировали свои подходы. Те, кто воспринимают использование big data в исследованиях как несовместимые с этическими принципами, оспаривают возникающие подходы на нормативной основе.

Сегодня big data ставят перед нами столько же задач, сколько и выгод. Хотя аналитика больших данных может предложить широкие возможности для снижения неэффективности процесса принятия решений и повышения прозрачности, сохраняется обеспокоенность по поводу влияния новых технологий на конфиденциальность, равенство и дискриминацию. Подобные вопросы начинают решаться; однако каждый из них требует тщательного рассмотрения и аргументированной дискуссии для того, чтобы big data выполняли свои обещания и реализовывали «революционный» потенциал.

Литература

1. *Boyd d., Crawford K.* Critical questions for big data: provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon/d.boyd, K.Crawford //Information, Communication & Society. – 2012. – Vol. 15. – No 5. – P. 662–679.
2. *Couldry N.* A necessary disenchantment: myth, agency and injustice in a digital world / N.Couldry //The Sociological Review. – 2014. – Vol. 62. – No. 4. – P. 880–897.
3. *Couldry N., Mejias U.* Data colonialism: rethinking big data's relation to the contemporary subject / N.Couldry, U Mejias //Television & New Media. – 2019. – Vol. 20. – No. 4. – P. 336–349.
4. *Mosco V.* To the cloud: Big data in a turbulent world/ V. Mosco. St Paul, MN: Paradigm Publishers, 2014. – 284 p.
5. *Puschmann C., Burgess J.* Metaphors of Big Data / C.Puschmann, J. Burgess// International Journal of Communication. – 2014. – No. 8. – P. 1690–1709.

6. *Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance: Big data between scientific paradigm and ideology / J. Van Dijck // Surveillance & Society. – 2014. – Vol. 12. – No 2. – P. 197–208.*

УДК: 001 + 004

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМАТИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Пономарёв Алексей Михайлович,

*доктор философских наук, директор Удмуртского филиала
Института философии и права УрО РАН*

Аннотация

Создание и развитие искусственного интеллекта подчинено логике формирования технологических укладов, находится на стадии его технологизации и раннего внедрения. Помимо технологического основания массовое внедрение искусственного интеллекта обусловлено социальным запросом на решение проблемы социальной сложности в ситуации информационного общества «пост». Контекстом решения проблем социальных последствий использования искусственного интеллекта является формирование социального субъекта на базе платформ, обеспечивающих функционирование искусственного интеллекта. В анализе формирования этого субъекта должны быть учтены изменения в структуре социального действия, социального взаимодействия и развитие виртуальной социальности. Приведена типология взаимоотношения естественной и виртуальной социальностей в контексте внедрения искусственного интеллекта в общество. Без учёта последнего обстоятельства невозможна корректная постановка проблемы «общество – искусственный интеллект». Положения статьи проиллюстрированы примерами из правовой практики, которая требует учёта двух стадий применения искусственного интеллекта – его разработки и производства и потребления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационное общество, естественная социальность, е-социальность, социальное действие, социальное взаимодействие, информационно-технологическая платформа, право, социальный субъект, ответственность, электронное лицо.

THE SOCIAL CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*Ponomarev Aleksey Mikhailovich,
doctor of philosophical science, director of the Udmurt Branch
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS*

Abstract

The creation and development of artificial intelligence is subordinate to the logic of the formation of technological structures, is at the stage of its technologicalization and early implementation. In addition to the technological basis, the massive introduction of artificial intelligence is due to a social request to solve the problem of social complexity in the situation of the information society “post”. The context of solving the problems of the social consequences of the use of artificial intelligence is the formation of a social subject on the basis of platforms that ensure the functioning of artificial intelligence. In the analysis of the formation of this subject, changes in the structure of social action, social interaction and the development of virtual sociality should be taken into account. A typology of the correlation of natural and virtual socialities in the context of introducing artificial intelligence into society is given. Without taking into account the last circumstance, it is impossible to correctly pose the problem “society – artificial intelligence”. The provisions of the article are illustrated by examples from legal practice, which requires taking into account two stages of the use of artificial intelligence – its development and production and consumption.

Key words: artificial intelligence, information society, natural sociality, e-sociality, social action, social interaction, information technology platform, law, social subject, responsibility, electronic person.

Развитие искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) и его социальные последствия являются одной из горячо обсуждаемых тем как в СМИ, так и в научных сообществах, которые носят ярко выраженный междисциплинарный характер. Обыденные страхи быть поработёнными машиной, сформированные образом ИИ, который создан Голливудом, и многочисленные конференции по этике, темой которых являются антропологические и социальные последствия создания ИИ свидетельствуют, что обозначенная выше проблема встала в качестве практической проблемы развития общества, что актуальными становятся поиски средств и способов её решения.

И первое, на что следует обратить внимание – это на саму постановку проблемы, т.к. корректность этой постановки предопределяет возможность решения. При этом создаётся впечатление, что в самой постановке проблемы за пределами круга профессиональных разработчиков ИИ многое остаётся, скажем так, неясного; эта постановка находится под сильным влиянием алармистских настроений, порождаемых СМИ и образами ИИ, задаваемыми кинопродукцией.

Дальнейшее изложение исходит из понимания ИИ как программы с самообучающимся алгоритмом, способным генерировать новые алгоритмы или модифицировать себя. Это так называемый слабый ИИ, ориентированный на решение задач определённого типа. Наиболее перспективным на сегодняшний день считается создание ИИ на основе нейросетей с применением метода подкрепляющего обучения. Создание сильного ИИ, аналогичного интеллекту человека, на сегодняшний день не только не стоит в практической плоскости, но значительным числом специалистов признаётся невозможным принципиально. Принципиальными возражениями являются невозможность – по крайней мере, на сегодняшний день, – воспроизвести техническими средствами весь процесс мышления и познания в их единстве, которое включает эмоциональный, волевой и интуитивный компоненты, связанный с волей процесс целеполагания [1]. Следующее возражение, связанное с пониманием ИИ как программно-цифрового воспроизводства аналога человеческого мозга, состоит в том, что мозг в качестве субстрата психических процессов не существует изолировано от человеческого тела; такая «телесность» мозга не сводится к физиологическому обеспечению его деятельности всем организмом, она является способом встроенности мозга в универсум, его ориентировки и функционирования в окружающем мире. Создание аналогичного человеческому ИИ с этой позиции требует воспроизводства аналога человеческого тела.

Корректная постановка проблемы социальных последствий создания и применения ИИ требует, во-первых, ответа на вопрос «что есть интеллект», что, во-вторых, отсылает к проблеме сознания. Последнее есть сущность, генезис и развитие которой связано со становлением и развитием социальности. С этой точки зрения,

говорить об аналогичном человеческому интеллекту ИИ можно только в ситуации социальности, отличной от человеческой. Допуская принципиальную возможность создания такой социальности, приходится говорить о ней как о параллельной человеческой социальности вселенной, что снимает вопрос о последствиях ИИ для человеческого общества в принципе. Признание же феномена ИИ как части социальной вселенной человека подводит к его анализу, к исследованию последствий его функционирования в логике анализа существования и развития человеческого общества.

В указанном контексте следует обратить внимание на то, что начало разработки ИИ относится к рубежу 50–60-х гг. прошлого столетия, а его относительно активное внедрение уже в качестве технологии – лишь к началу XXI в. Другими словами, по временному отрезку – это типичный случай начала нового технологического уклада, укладывающийся в кондратьевский цикл. При этом данные экономического характера: вклад связанного с ИИ хай-тека в рост экономики, производительности труда, – не позволяют говорить пока о какой-либо новой промышленной революции. Т.е., изменения в социальной структуре не являются результатом развития технологий ИИ, а являются следствием системного кризиса существовавшей общественной модели; изменений, которые прикриты отвлекающим медийным сопровождением инвестиций и внедрения новых технологий в области ИИ.

В то же время, как и при предыдущих сменах технологических укладов, в настоящее время создаются предпосылки для формирования новой общественной модели. Точнее, речь должна идти о возможных вариантах социального устройства на формирующейся технологической основе, осуществимость которых определяется активной позицией социальных субъектов. Именно самоопределение позиции социальных субъектов заставляет внимательно анализировать возможности и риски распространения технологий ИИ в теле общества. И это при том, что трансформации затронут и субъектов выбора, и субъектов анализа.

С намеченной позиции корректная формулировка проблемы ИИ есть проблема изменения субъекта социального действия, корреляция этого изменения с внедрением ИИ и возможных векто-

ров развития общества в результате выбора трансформирующегося социального субъекта.

Социальным фоном внедрения ИИ является общество, описываемое префиксом «пост»: постфордистское, постиндустриальное, постдемократическое, постмодернистское¹. Практически единственным «позитивным» термином, который применяется при описании новой ситуации «общества риска», оказывается термин «информационное общество». Для современного состояния общества характерна атомизация индивида, разрушение ставших привычными для предыдущего периода развития общества социальных общностей и их массовых практик, ситуативность общностей, что нашло выражение в понятии «текущие идентичности».

Таким образом, можно констатировать, что с вызовами создания ИИ человек современного общества столкнется в одиночку. Парадоксальность ситуации в том, что начальная ситуация разработки ИИ и актуальная ситуация его технологизации и внедрения в общество отличаются типом взаимодействия человека с «умной машиной». В начальной точке это взаимодействие является уже привычным взаимодействием отдельного человека и отдельной машины. В актуальной точке – это взаимодействие отдельного человека и системы машин, которая формируется на основе новых технологий коммуникаций, наиболее полно представленных интернетом с его виртуальной реальностью; это взаимодействие с машинами, собранными в одну платформу.

Собственно говоря, развитие новых средств коммуникации и реализовало те предпосылки, отсутствие которых не позволило создать ИИ в середине прошлого века. Эти же средства коммуникации, обострив проблему больших данных, уже несводимых в базы данных, сделали насущно необходимым создание ИИ². Иными словами, это эпистемологическая проблема, проблема способности человека превращать большие массивы информации в знание.

---

¹ Правда, через этот префикс описывается трансформация, охватывающая страны ядра глобализирующегося общества, на периферии которого сохраняются и даже консервируются предыдущие экономические уклады.

² Отметим, что решение проблемы больших данных и есть решение проблемы контроля над современной версией ИИ, т.к. он работает на основе больших данных.

Обращение к эпистемологическому аспекту подводит к требуемому решению: системе знаний может «противостоять», пользоваться ею, наращивать её только распределенный коллективный субъект. В этом в первом приближении и находится ответ на все вызовы, связанные с ИИ.

Теоретически предпосылки для формирования такого субъекта у общества наличествуют – это те же современные коммуникативные системы, сведенные в платформы. Таким образом, платформы для функционирования ИИ оказываются и платформами для сборки субъекта новой социальности. Проблема контроля над ИИ оказывается «выводной проблемой» формирования новой социальности. И её анализ требует более пристального внимания, так как это формирование «второй социальности», которая условно может быть названа е-социальностью.

Появление новой социальности на базе коммуникативных платформ является объективной необходимостью, это ответ на усложнение проблем «первой/естественной социальности», средство контроля над нарастающей комплексностью социальных феноменов (именно поэтому е-социальность создаёт запрос на ИИ как инструмент контроля над комплексностью и решения её задач). В данном случае мы получаем удвоение социальности, что нашло выражение в трёх типах взаимоотношенности «старой» и «новой» социальности. Первый тип отнесенности – е-социальность становится ещё одним элементом взаимодействий в «естественной» социальности. Второй тип – е-социальность опосредует взаимодействия в «естественной» социальности (предполагается, что протекание взаимодействия в каждой из форм социальности имеет свою специфику). Третий тип – е-социальность и естественная социальность сосуществуют «параллельно» друг другу.

Каждый из указанных типов характеризуется спецификой трансформации естественной социальности и, соответственно, особенностями эффектов внедрения ИИ. В первом типе – это трансформация системы социального действия. ИИ оказывает влияние на каждую из четырёх функций этой системы, выделенных Т. Парсономсом. Второй тип связан с большей или меньшей автономизацией одной или нескольких функций этой системы в е-социальности. Соответственно, на ИИ возлагается выполнение

этой функции в е-социальности, за человеком остаеся реализация других функций в «естественной» социальности. В последнем случае речь идет об осуществлении интеракций (или их симулировании) в цифровой виртуальной реальности. Но в данном случае не приходится говорить о параллельной социальной вселенной, т.к. виртуальность характеризуется не только автономностью и собственными закономерностями, но и зависимостью от субстантивной реальности. Именно в виртуальной реальности можно говорить о «квазисубъектности» ИИ.

В каждом случае возникает свой комплекс проблем. Иллюстрацией и примером могут служить проблемы, возникающие в правовой сфере. В первом случае – применение ИИ в медицинской диагностике, когда возникает вопрос о достоверности и надёжности диагноза; окончательная оценка состояния здоровья остаеся за человеком-медиком. Во втором случае – ситуация квазимонопольного сговора, когда ценовые роботы, запрограммированные на ценовую конкуренцию и предлагающие цену на основе сопоставления цен конкурентов, устанавливают одинаковую цену; при наличии объективных признаков сговора нет умысла фирм-конкурентов. В третьем случае – проблема авторских и патентных прав на продукцию ИИ. Отдельный случай, который выделяется на основании формирующейся практики, – взаимодействие человека и машины-кибер-субъекта.

В перечисленных случаях выделяются специфические проблемы для правовой сферы как функциональной социальной подсистемы. Это – юридическое определение ИИ, электронного лица, вменение деликта и т.п. Особо следует указать на проблему возложения правовой ответственности: кто должен её нести – разработчик ИИ (стадия обучения ИИ), или производитель, или пользователь (стадия применения ИИ) [2, 3].

Но в приведённых примерах выявляется и круг проблем, общих для всех социальных подсистем, для социетальной системы в целом. В числе наиболее значимых из них следует выделить:

– способность человека выступать в роли интерпретанта результатов деятельности ИИ, связанная с экспертным знанием и превращения ИИ в «чёрный ящик»;

- трансформация антропности (в том числе телесности) в ходе опосредования человеческих взаимодействий ИИ;
- риски и ошибки ИИ как стремление снизить риск человеческой ошибки (феномен «усталости» ИИ остаётся практически неисследованным по банальной проблеме отсутствия прецедентов);
- редукция к сложности связки «распределенный субъект – ИИ» социальной комплексности, сложность которой призван решить ИИ;
- подчинение социальных отношений (действий, взаимодействий) алгоритмам ИИ и, как следствие, смена научной рациональности рациональностью технологической.

Литература

1. *Механик В.* Чертова дюжина идеального интеллекта. Беседа первая. Интервью с В.К. Финном. // эл. ресурс: <https://stimul.online/articles/science-and-technology/chertova-dyuzhina-idealnogo-intellekta-beseda-pervaya/> (дата последнего обращения 14.10.2019).
2. *Войниканис Е.А., Семёнов Е.В., Тюляев Г.С.* Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Право. – 2018. – № 4. – С. 137–148.
3. *Понокин И.В., Редькин А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

НОМО INDUSTRIAL: НАДЕЖДЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Родичева Ирина Сергеевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук
Новосибирского государственного университета
экономики и управления «НИИХ», Новосибирск
email: iriy.rodicheva@yandex.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена анализу влияния виртуальной реальности на сознание человека, а также философскому рассмотрению подвергается понятие «компьютерный человек», категориальная недоопределенность которого порождает значительные трудности в оперировании им. Существование цифрового пространства предполагает наличие виртуального мира, заполненного соблазнами высоких технологий, обилием услуг и информационных возможностей, стирающих тонкую грань между реальностью и киберпространством. Показывается влияние виртуальной реальности на жизнь и деятельность человека, его ценности, мысли, культуру в реальном мире. В качестве одного из сомнительных достижений техногенной цивилизации осознается привязанность человека к виртуальным объектам и пренебрежение живым общением, опираясь на различные исследования, автор отмечает надежды, риски и перспективы, которые неотъемлемо сопутствуют развитию цифровых технологий. Делается вывод о том, что развитие технологий, виртуализация реальности требует ответа на вопрос о природе данного явления, о способах его бытия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, виртуальная реальность, социокультурный прогресс, VR технологии, деперсонализация, изменение сознания, соцсети, аватар.

HOMO INDUSTRIAL: HOPES, RISKS, PROSPECTS

*Rodicheva I.S.,
Ph.D., associate Professor of Philosophy and Humanities
Novosibirsk State University
Economics and Management "NINH," Novosibirsk*

Abstract

This article is devoted to the analysis of the influence of virtual reality on human consciousness, and the concept of “computer man” is subjected

to philosophical consideration, the categorical underdetermination of which creates significant difficulties in operating it. The existence of a digital space presupposes the existence of a virtual world filled with the temptations of high technologies, an abundance of services and information opportunities that blur the fine line between reality and cyberspace. The influence of virtual reality on the life and activity of a person, his values, thoughts, culture in the real world is shown. As one of the dubious achievements of technological civilization, it is recognized that a person is attached to virtual objects and neglects live communication, based on various studies, the author notes the hopes, risks and prospects that are inherently associated with the development of digital technologies. It is concluded that the development of technologies, virtualization of reality requires an answer to the question about the nature of this phenomenon, about the ways of its being.

Keywords: artificial intelligence, virtual reality, sociocultural progress, VR technology, depersonalization, change of consciousness, social networks, avatar.

С глобальным развитием новых технологий мы не успеваем замечать, насколько быстро искусственный интеллект и виртуальная реальность проникают во все сферы нашей жизни. В современном мире цифровая реальность — это вовсе не вымысел, а неотъемлемая и важная часть нашей жизни, а новые технологии с каждым годом поражают наше воображение все больше.

В контексте нашего исследования примечательны слова философа и футуролога О. Тоффлера, который полагает, что в обществе будущего на качественно новой технологической основе будет осуществлен возврат к доиндустриальной цивилизации [3, с. 277]. Несмотря на некую возможную противоречивость этого предположения, оно выглядит ещё и настораживающе, поскольку, хоть и известно, что технические мутации оказывают разноплановое влияние на социокультурный прогресс, но не доказано, что это влияние должно быть именно таким. Однако мы полагаем, что утверждение Тоффлера доказуемо через анализ рецепции мифологемы компьютера, поскольку именно компьютер представляет собой ядро заявленной «новой технологической основы».

Еще менее спорным видится прогноз Тоффлера, если обратиться к концепции религиозного ренессанса, черты которого со всей очевидностью наблюдаемы в современной культурной ситуа-

ции. (В пользу его эскалации и углубления высказывались Д. Белл, С. Хантингтон [5, с. 33] и другие философы и социологи).

По мнению Д. Белла, «общество все в большей мере становится паутиной сознания, формой воображения, реализуемой в виде социальной конструкции» [9, с.149]. От этого высказывания, описывающего диссипацию рационального в информационном обществе, один шаг до признания мистической компоненты информатики. Ключевым словообразом приведенной цитаты, позволяющим нам сделать этот шаг, является «*паутина сознания*». Едва ли, говоря о «паутине сознания», Д.Белл разумел WorldWideWeb (гипертекст, а скорее метатекст, связанный посредством всемирной информационной сети Internet, «всемирной паутины»). И тем не менее, это утверждение остается созвучным современной культурной ситуации. Стремление человека к виртуальному общению и цифровой жизни, можно понять: в цифровом пространстве человек может быть тем, кем мечтает, показывая себя таким, каким ощущает внутри, чувствуя свою значимость и нужность. Несмотря на то, что коммуникация в соцсетях и общая тенденция к онлайн общению полностью вытесняют реальные встречи и живой диалог, что не может не вызывать тревогу за будущее нашего общества, положительный аспект виртуальной реальности, согласно медицинским исследованиям, всё же присутствует – VR технологии помогают избавляться от фобий и действительно борются с неврозами.

Опираясь на цитату Д. Белла и решившись на некоторое упрощение, мы можем полагать, что флер мистичности, скрывающий отношения между человеком и техникой в индустриальном и постиндустриальном обществе, с появлением компьютера и всемирной информационной сети Internet превратился в полноценную оболочку. Очевидно, что по мере распространения компьютера, он все больше утрачивал и неуклонно продолжает утрачивать утилитарную, вычислительную функцию. Из вычислительной, калькулирующей машины-арифмометра компьютер превратился, во-первых, в усовершенствованную печатную машинку и, во-вторых, что интересней, в «генератор иллюзий» не информационного свойства. Лишь малая толика потребителей использует компьютер в том атавистическом качестве, в котором это было принято 10 лет назад, то есть в качестве незаменимого инструмента технического прогресс-

са. Компании-производители, чья весьма совершенная маркетинговая стратегия позволяет угадывать наиболее насущные, а, стало быть, истинные нужды пользователей, производят все больше продуктов, идеально соответствующих направленности человеческой психики, центрированной вокруг Lustprinzip (нем. принцип удовольствия, термин З.Фрейда [4, с. 382]) на получение удовольствия.

Можно утверждать, что последний виток технической микромутации довершил превращение компьютера в мультимедийное средство художественного или игрового самовыражения, в способ реализации креативных импульсов личности, а благодаря информационной сети Internet – в собеседника, тьютора, гуру, партнера по играм. Современный компьютер стал машиной для получения удовольствия, насколько это позволяют такие нововведения, как компьютерные игры и интерактивное кино. В век высоких технологий, обилия услуг и виртуальных возможностей социальные сети и нескончаемое разнообразие игр полностью завладевают сознанием человека. Зачастую виртуальная реальность поглощает больше свободного времени, чем изначально предполагалось, а жизнь человека плавно перетекает в цифровое пространство и оффлайн плоскость. Психологи утверждают, что при длительном контакте с виртуальным миром у пользователя может происходить деперсонализация и изменение состояния сознания, поскольку человек теряет связь с реальностью и не всегда может отделить реальный мир от иллюзорного. Данный факт подтверждается исследованиями: согласно опросам пользователей, которые провели свой досуг в соцсетях, многие утверждают, что потеряли мотивацию, почувствовав апатию, а некоторые даже говорят о возникновении депрессии, что значительно образом сказывается на здоровье и работоспособности в целом. Идеализированный мир, который представлен в соцсетях, не имеет ничего общего с реальностью, что впоследствии может привести пользователя к когнитивному диссонансу. Виртуальная реальность позволяет скрывать все несовершенства окружающего мира и переносить сознание в состояние гармонии и удовольствия.

Очевидно, что механизмы удовлетворения глубинного Lustprinzip имеют мало общего с рациональным. Особенно неправдоподобными в свете этого нам видятся антиутопические narra-

ции, выдержанные в жанре «предостережения», смысловой осью которых являются описания *гиперрационализованного* типа сознания, который якобы приходит на смену рационализму индустриального общества [8]. На антропологическом срезе такого рода концепции рассматривают некоего «человека-компьютера», относимого к новому антропологическому виду HomoIndustrial (лат. человек индустриальный), информационного кадавра, отчужденного от человеческого, естественного, духовного, и говорят о нем, как о существе абсолютно прагматичном, заштампованном и зависимом от средств телекоммуникации, доступа и потребления информации [6, с. 9].

Продуцируя подобный тезис, который отдельные исследователи поспешно относят к моделям, авторы концепции «компьютерного человека», как правило, упускают из вида тот факт, что рационализация структур психики и поведенческого строя не может быть форсирована. И, более того, не может продолжаться *ad infinitum*, поскольку рационализм не отменяет правого полушария. Кроме того, всякая ментальная заштампованность и информационная перегрузка (синонимичная информационному чревоугодию, которое инкриминируют гипотетическому «компьютерному человеку») ограничивается неким пределом, известным в психиатрии как порог психического расстройства. Таким образом, псевдоэволюция рационализма в гиперрационализм (к которой апеллирует концепция «компьютерного человека») есть движение *ad absurdum*. Этим рассуждениям созвучна точка зрения К.Г.Юнга: «Нет ничего естественнее, как то, что с победой *Deesse de Raison* (фр. Богини Разума) начинается всеобщая невротизация современного человека, т.е. диссоциация личности, аналогичная расколотости современного мира» [7, с. 36].

Подтверждая высказывание К.Г. Юнга на практике, сегодня разработчики могут предложить не только взаимодействие с виртуальной реальностью, но и ощущение своего рода «перевоплощения», то есть «виртуальное тело», которое пользователь воспринимает через цифровое пространство таким образом, что ощущает как свое собственное биологическое. Такой эффект достигается посредством тактильных ощущений, запахов и даже с помощью распределения веса или аэродинамики «аватара» (прото-

типа человека в цифровом пространстве), чтобы достичь максимальной имитации в виртуальной среде. Исследования показали, что люди различным образом реагируют на свои аватары в зависимости от того, какими характеристиками они обладают и какими личностями являются в реальной жизни. Согласно опросу, женщинам в большинстве случаев не нравятся их аватары, если в виртуальном пространстве они имеют мужские руки, в то время как мужчины относятся к этому нейтрально. Другое исследование показало, что игроки демонстрировали повышенную физическую активность в реальности, если на постоянной основе имели худых персонажей [10].

Преломляясь в массовом сознании, компьютер обретает свойства магического предмета и весьма закономерно в виду этого, что профессионалы, постигшие его «мистические измерения», наделяются чертами «новых шаманов». Но поскольку «мистичность» компьютера и программиста, порожденные мифотворческими структурами коллективной ментальности, очевидны большинству носителей этой ментальности, то рано или поздно мистичность вступает в конфликт с прогрессистскими настроениями, в которые охотно впадает современная культура. Иррациональность мифологемы гиперрационального идет вразрез с декларативным рационализмом и старательно камуфлируется повышенными дозами рациональных артикуляций такого рода: сущность компьютера мистична, но в первую очередь он насквозь рационален и интеллигибелен. Программист – это новый шаман, но в первую очередь он отменный аналитик, блестящий инженер и гиперрационалист. Он немного безумен, но это оттого, что его IQ немного выше, чем IQ обывателя. Приблизительно в таком залоге выдержаны попытки выдать мифологему компьютера, которой оперирует общественное сознание и массовая культура, за «реалистический образ компьютера», с которым имеет дело небольшая горстка специалистов.

Все вышеперечисленные попытки придать мифологеме компьютера статус объективной данности в лучшем случае добиваются создания того иллюзорного конгломерата, который Р.Барт назвал «эффектом реальности» [1]. Они влекут за собой, во-первых, вывод о правомочности прогноза, сделанного Тоффлером, касательно возвращения общества к доиндустриальной цивилизации

на новой технологической основе. И, во-вторых, на примере рецепции «компьютера» как безусловной и ключевой составляющей этой «новой технологической основы», ее сущностного ядра, показывают, каким же образом будет осуществляться этот возврат в плоскости коллективной ментальности.

Мы можем смело утверждать, что бинарная оппозиция «программист-шаман» будет разрушена и уже находится в стадии диссипации, а стало быть, религиозный ренессанс, которому отдельные авторы пытаются противопоставить рассуждение о гиперрационализации общества на новом витке технических мутаций, не только возможен, но и закономерен.

Таким образом, сегодня разработчики виртуальных технологий и ученые сталкиваются с множеством вызовов, с которыми предстоит бороться при воплощении высоких технологий в жизнь [2]. Несмотря на то, что существует много подводных камней и рисков, которые несет в себе виртуальная реальность, главной из которых, несомненно, является тонкая грань между реальностью и цифровым пространством, рецепция «компьютера» приближает нас к пониманию сути культурных тенденций, присущих современному обществу, которое пребывает на пике нового околокомпьютерного витка технического прогресса, а также дает некоторые основания для прогнозирования вектора культурных мутаций в недалеком будущем. Сможет ли человек справиться с новыми реалиями социокультурного процесса и как глубоко новые технологии войдут в нашу жизнь, покажет время, но только человек будет принимать решение, становится ли ему сторонним наблюдателем виртуальных технологий, активным пользователем, или он посчитает, что эта игра не стоит свеч.

Литература

1. *Барт Р.* Эффект реальности / Р. Барт, пер. с франц. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. – С. 392–401.

2. *Родичева И.С.* Русская идея – основа для сохранения культурно-духовных традиций России / И.С. Родичева // в сборнике: Сибирское измерение российской философии: школы, направле-

ния, традиции. Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. – 2019. – С. 73–77.

3. *Тоффлер О.* Раса, власть, культура / О. Тоффлер; пер. с англ. // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 277–288.

4. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. / З. Фрейд, пер. с нем. // Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С. 382–425.

5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон, пер. с англ. // Полис. – 1994. – № 1. – С. 15–43.

6. *Эксплорер И.* Гамофилия и эволюция сознания / И. Эксплорер // СК. – 1997. – № 1. – С. 5–10.

7. *Юнг К.Г.* Современность и будущее / К.Г. Юнг; пер. с нем. – Минск: Образование, 1992. – 325 с.

8. *Banos R.M., Botella C., AlcanizM., LianoV.* Immersion and emotion: their impact on the sense of presence / R.M. Banos, C. Botella, M. Alcaniz, V.Liano // Cyberpsychology & Behavior. – New York, USA, 2004–7 (6). – Pp. 734–741.

9. *Bell D.* The Cultural Contradictions of the Capitalism / D. Bell. – New York, USA: Harper and Row, 1976. – 435 p.

10. *Dix A.* Human–computer interaction, foundations and new paradigms / A. Dix // Journal of Visual Languages and Computing. – Cambridge, UK, 2017. – № 42. – Pp. 122–134.

УДК 1:008

ЦИФРА–ХАОС–СЕТЬ

Рыбаков Николай Сергеевич,

*доктор философских наук, профессор Псковского
государственного университета: nik-rybakov@yandex.ru*

г. Псков

Аннотация

В статье рассматриваются особенности бытия общества, которые являются следствием цифровизации. Возникает новая ступень развития информационного общества, представляющая знаково-символическую реальность. В статье анализируется соотношение хаоса и сети примени-

тельно к этой реальности, указываются особенности информационного общества.

Ключевые слова: цифровизация, информационное общество, симуляция, имитация, смешанная реальность, хаос, сеть, становление.

FIGURE–CHAOS–NETWORK

Rybakov N.S.,

Ph.D., professor of Pskov State University, Pskov

Abstract

The article examines the peculiarities of society's existence, which are a consequence of digitalization. A new stage of development of the information society is emerging, representing an iconic-symbolic reality. The article analyzes the ratio of chaos to the network in relation to this reality, indicating the peculiarities of the information society.

Keywords: digitalization, information society, simulation, imitation, mixed reality, chaos, network, formation.

Поисковик в Яндексе на запрос «что такое цифровизация простыми словами» дает свыше 9 млн. результатов. Один из них: «Цифровизация – переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую». Внушительно и невнятно. Вспоминается требование логики: в определении не должно быть круга. А тут: *цифровизация* – переход на *цифровую* форму. Тавтология.

«Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике» тоже ошарашивает: *цифровизация* есть *цифровая* трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы. Тяжеловесно и снова тавтологично. Нарушено требование логики: в определении не должно быть неясных терминов. Для специалиста-то понятно. Но если цифровизация охватывает все сферы общества, то экспликация её смыслов должна выходить за рамки узко технических формулировок.

Определение цифровизации здесь не дается. Выражение «кодирование в дискретные сигнальные импульсы» указывает на технические средства, необходимые для преобразования данных из одной формы в другую, но смысл цифровизации не раскрывается. Технические термины не предназначены для интерпретации смыслов. А потребность в этом становится более актуальной.

Цифровизация есть изменение формы передачи информации. Удивительно: всего-то такая маленькая штуковина, а к каким грандиозным последствиям ведет! Но вспомним Маркса: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [1, с. 133]. Технические изобретения оборачиваются промышленными революциями, а они преобразуют лик общества. Первую промышленную революцию произвела паровая машина, вторую – электричество, третью – полупроводники, сейчас говорят о четвертой, связанной с технологическими прорывами в разных сферах и со скоростью их распространения. Все это порождает массу проблем.

Цифровизация многолика. Она преобразует образ жизни человека, сферу развлечений, образование, экономику [2, 3], коммуникацию. Авторы обсуждают вызовы, угрозы, риски и т.д. [4], пытаются системно, метафизически осмыслить цифровые трансформации.

Цифровизация есть порождение информационного общества, которое базируется на новом типе социальности.

В индустриальном обществе имел место тип социальности, названный Марксом *отношением вещной зависимости*. Посредником в отношениях между людьми становится вещь, которая в процессе производства превращается в чувственно-сверхчувственный товар.

В условиях информационного общества складываются *отношения информационной зависимости*, представляющие новый тип социальной реальности. Первоначально меж ними сохраняется параллель: в индустриальном обществе мерилом достоинства личности является качество и количество потребленных товаров; в информационном обществах мерилом становится количество и качество потребленной информации.

Но между ними обнаруживаются и принципиальные различия. Чувственно-осязаемая вещь замещается невещественной субстанцией, целиком пребывающей в сверхчувственной (смысловой) сфере. Информация имеет материального носителя и может быть выражена с помощью знаков, но она по своей природе невещественна. На первый план выдвигается знаково-символическая составляющая, наступает эпоха интенсивного производства символов, которые и репрезентируют новый тип социальности.

С ним сопряжено отстранение людей от исторических и географических корней и локальной привязки к малой родине. В восприятии мира преобладают аудио- и визуальные гипертексты, начинается тотальная подмена духовной сферы компьютерными технологиями, замешанными на всевозможные гаджеты. Анимированные персонажи становятся ближе и понятней живых людей, реальный мир вытесняется имитациями с неограниченными возможностями.

В этой знаково-символической реальности, бесконечно разнообразной, динамичной и неисчерпаемо глубокой, человек лишается привычной вещественно-осознательной опоры своего существования, картина социальной жизни становится весьма запутанной и иллюзорной. Невещественная информация может быть привязана к произвольному вещественному носителю. И если добавить сюда факт текучей реальности и мировую мобильность, то налицо картина хаотичности состояний реальности информационного общества. Изменения идут сразу по всем направлениям, образуя причудливые комбинации, не поддающиеся какой-либо систематизации. Это дает ризоматическую картину социальных трансформаций.

Трансформация, как иногда пишут, есть изменение скалярное. Это – преобразование «из ниоткуда в никуда». Трансформация – изменение внутри хаоса, которое ничего в его собственном состоянии не организует, лишь показывает, что хаос преобразуется в хаос же. Трансформация есть имманентная импульсивность хаоса, не выводящая его в свое иное, в не-хаос.

Такова первая особенность информационного общества.

Значимость информации с теми смыслами, которые она несет в себе. Носитель информации способен влиять на адекватность/неадекватность обналичивания этих смыслов. Информация может передаваться в одной из двух форм: аналоговой и цифровой. И, не успев утвердиться, информационное общество уже чревато новой модификацией. Модифицируются и отношения информационной зависимости, переходя от аналоговой формы к цифровой. Цифровое представление информации делает ее влияние на сферы общественной жизни более агрессивным и всепроникающим в силу расширяющихся возможностей распространения.

Что есть информация? Обычно ее определяют как меру упорядоченности. Но это не совсем так: мера предполагает существование того, что упорядочивается, потому информация первична по отношению к своей мере. Информация генерируется отношениями порядка и хаоса, которые обнаруживаются во взаимосвязи бытия и небытия, выражаемой категорией становления. Потому информация характеризует особенности становления. В зависимости от того, преобладает ли хаос над порядком или порядок над хаосом, возникает количественное выражение этого соотношения через величину (число). Так что мера упорядоченности не есть информация, она оказывается лишь формой проявления информации.

Аналоговая форма представления информации предполагает сходство между объектом и его изображением, она еще не отрывается от своей основы, хотя и позволяет фиксировать новые стороны развития общества. Цифровая же форма представления информации переводит последнюю в русло чувственно неосязаемой предметности, безгранично расширяя степени свободы самой представленности. Иными словами, в цифровой форме информация может быть выражена без малейшего намека на сходство с презентуемым объектом. Синтез информации и ее цифровой формы означает продуцирование необычной и невиданной действительности, которая утрачивает однозначное чувственно-осязаемое вещественное воплощение.

Эта действительность обнаруживается в форме двойников почти во всех сферах жизни: товары-фальсификаты, подделки-репликаты, фальшивая косметика, обувь, продукты питания. На TV идут программы «Один в один», «Точь-в-точь», их участники рядятся под известных исполнителей: чем круче сходство – тем больше шансов на победу. И никого не смущают слова – симулякр, имитация, двойник, профанация, суррогат, фальсификат. Это – прямое явление бытия информационного общества, где на первый план легитимно выдвигаются превращенные формы.

Новая ступень начинается с эпохи тотальных мистификаций, симуляций и имитаций, стирающей грани между подлинным и неподлинным. Отличить их друг от друга уже практически невозможно из-за сближения критериев разграничения. Ширится торговля эмоциями и впечатлениями, начинается их массовое продуциро-

вание не посредством алкоголя и наркотиков, но через вполне легальную виртуализацию восприятий, погружение в виртуальное пространство – достаточно надеть соответствующие очки. Возникает сращенная (смешанная) (квази) реальность, которая людьми воспринимается как нечто вполне естественное.

Такова вторая особенность информационного общества, сулящая прорыв в невиданное будущее.

Существует определенная связь между цифровизацией и генерированием хаотических, необычных состояний общества. Хаос – вещь деструктивная, и может показаться, что он ведет к гибели общества. Появление отношений информационной зависимости означает, что социальность как таковая эволюционирует, а потому следует прозондировать перспективу.

Если в обществе воцарится полнейший хаос – пусть хотя бы чисто умозрительно, – неизбежен распад социального бытия, ведущий к автономии каждого его состояния. В пределе они достигнут состояния сингулярности. В действительности этого не происходит, деструкция своих пределов никогда не достигнет. Этому препятствует сетевая организация социальной жизни, которая как бы оконтуривает процесс внутренних трансформаций. «Организационно-технологической основой информационного общества являются глобальные информационные сети» [5]. Наличие сетевых структур здесь необходимо и закономерно, требуется анализ их назначения [6].

Для прояснения ситуации обратимся к цело-частным отношениям. Внутренние хаотические состояния социума – состояния частей. Сетевая организация социума есть целое. Как только на передний план выходит множественность, тут же оказывается, что она существует не иначе, как в границах целого. Сеть удерживает разбегающиеся было части. Целое реализуется через общую конфигурацию ризомы, но ризома проявляется через не имеющий структуры и неуправляемый поток изменений.

В философии такой поток обозначается категорией становления. Становление – тотальный процесс, лежащий у истоков абсолютной изменчивости мира, а уравнивающее его ставшее оказывается тотальной стабильностью, фиксирующей пребывание мира в неизменяемом состоянии.

Несмотря на абстрактность сказанного, ни комментировать это, ни развивать в какую-либо теорию мы здесь не будем [см: 7]. Повторим лишь: осязаемым субстратом тотальной успокоенности социум является сеть. Иными словами, хаос и сеть – две стороны оппозиции, в осцилляции которых и разворачивается спектакль социальности.

Становление обладает двумя параметрами, благодаря которым реализуются два способа его бытийного воплощения. Первый – время, выражающее текучесть хаоса. Второй – пространство, выражающее ставшее, для чего и необходима сетевая структура. Сеть есть остановленное (субстантивированное) становление.

Сеть – не только изнанка становления, но и его абсолютная выраженность, где все уже реализовано, потому нет и не может быть никаких изменений. Сеть – уход в успокоенное бытие. Сетевое видение мира применительно к информационному обществу есть неизбежный продукт, уравновешивающий тотальность его хаотических состояний. Хаос и сеть – два сапога пара, впрочем, совсем парными их считать нельзя.

Сеть выражает структурность становления, взятого в аспекте его инобытийного осуществления, хаос же (и столь полюбившая его синергетика) есть внутренний момент становления, ведущий к реализации тех или иных структур, топосов. Хаос выражает начальную фазу динамизма самого становления, сетевая структура – основание и условие хаоса, который никогда не выходит за ее пределы. Потому сеть и хаос лежат в разных плоскостях и переход от одного к другому опосредуется промежуточными инстанциями. Сетевая структура обеспечивает возможность связи всего со всем (имманентность всего всему (Н.О. Лосский)), хаос же выступает одним из факторов, возможно, и механизмов осуществления этой связи.

Именно сетевая структура и хаос конфигурируют целое и особенности его экспликации, стало быть, оказываются ответственными за определенное мировидение в современных условиях с вытекающими отсюда последствиями, которые подлежат тщательному осмыслению.

Такова третья особенность наступающей информационной эпохи, несущая непростые проблемы и заботы роду человеческому.

Литература

1. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. – Т. 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 65–185.
2. *Иванов В. В., Малинецкий Г. Г.* Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива / В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий. – М: Российская академия наук, 2017. – 64 с.
3. *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.
4. Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество. – URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 9.05.2019).
5. *Дятлов С. А.* Принципы информационного общества. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/34a0170934d95e29c32569e5004d6643> (дата обращения: 7.09.2019)
6. *Рыбаков Н. С.* О трансформации мировоззрения и сетевой структуре // Образование и культура России в изменяющемся мире: Материалы междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов / Н.С. Рыбаков. – Новосибирск, 2007. – С. 175–179.
7. *Рыбаков Н.С.* Становление: бытие и небытие // Бытие: Коллективная монография / Н.С. Рыбаков, отв. ред. А.Ф. Кудряшев. – Уфа: УЮИ МВД РФ, 2001. – С. 11–26.

«ОБЛЕГЧЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ»: КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ¹

*Сабурова Людмила Альбертовна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Удмуртского филиала Института философии и права
Уральского отделения РАН, email: sabur@udm.ru
г. Ижевск*

Аннотация

В статье анализируется влияние цифровых технологий на форму и содержание социальных взаимодействий. Высказывается предположение, что цифровые технологии определяют переход к нелинейным коммуникациям, к доминированию горизонтальных связей, формируют «слабейшие» социальные связи, приводят к деперсонализации общения, дисперсии и релятивизации социального капитала. Трансформирующиеся социальные взаимодействия, создают новый тип социальной, который в статье описывается в метафоре «облегченная социальность». Использование этой метафоры обосновывается результатами анализа эмпирических данных об особенностях социальной интеграции в онлайн-сообществах. В частности, результаты анализа особенностей социальной интеграции в группах в формате «социальных сетей» с применением методологического обоснованной теории (groundedtheory) показывают, что такие значимые для анализа интеграции традиционных сообществ признаки, как сплоченность, доверие, социальный авторитет, оказываются мало значимыми для объяснения онлайн-интеграции. Среди факторов интеграции на первый план выходят целевые и ценностные аспекты объединения, социокультурные характеристики акторов, особенности онлайн и офлайн активности. «Слабейшие» связи между цифровизированными социальными акторами позволяют говорить о «облегченной» социальной, поскольку и социальный капитал участников редуцируется до символического, а уровень взаимных обязательств и социальной ответственности существенно снижается по сравнению с реальностью офлайн. Делается вывод о том, что дальнейшие социальные исследования Интернет-коммуникаций нуждаются в обновлении теоретических представлений о социальных взаимодействиях и социальных общностях в условиях цифровизации.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-011-00761

Ключевые слова: социальные коммуникации, онлайн сообщества, слабые связи, социальная интеграция, цифровые технологии, социальность, социальный капитал, лидерство, горизонтальные связи, деперсонализация

“LIGHTENED SOCIALITY”: COMMUNICATIVE FEATURES OF SOCIAL INTEGRATION IN THE DIGITAL WORLD

Lyudmila A. Saburova,

*Senior Researcher in the Udmurt Branch of the
Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ph.D., email: sabur@udm.ru
Izhevsk*

Abstract

The article analyzes the influence of digital technologies on social interactions. It asserts that digital technologies determine the transition to non-linear communications, to the dominance of horizontal links, form the “weakest” social links, and lead to depersonalization of communication, dispersion and relativity of social capital. Transforming social interactions creates a new type of sociality, which can be described by metaphor of “lightened sociality”. This metaphor bases on the results of analysis of data on the features of social integration in online communities. In particular, the results of the analysis of social integration in groups in the format of “social networks” using the methodology “grounded theory” show that such factors as cohesion, trust, social authority that are highly significant for real integration are not so important in explanation of online integration. Among the integration factors, the value aspects of the association, the sociocultural features of actors and online and offline activity come to the fore. The “weakest” links between digitalized social actors allow us to talk about “lightened” sociality, since the social capital of the participants is reduced to symbolic, and the level of mutual obligations and social responsibility is significantly reduced. The conclusion is the necessity of updating theoretical model upon social interactions and social communities in the context of digitalization for further social studies of Internet communications.

Keywords: social communications, online communities, weakest links, social integration, digital technologies, sociality, social capital, leadership, horizontal links, depersonalization

Постоянно растущий интерес исследователей к изучению Интернет-коммуникаций, обусловленный как теоретическими, так

и прикладными причинами, сталкивается с рядом методологических и методических ограничений, связанных со спецификой объекта изучения. Несмотря на то, что, еще со времен выдвижения революционных идей Г.М. Маклюэна относительно решающего влияния технических средств коммуникаций на устройство социального мира [1] мало кто берется оспаривать преобразующую роль цифровых технологий, содержательный аспект этого преобразования, как правило, изучается лишь фрагментарно, и, зачастую – с использованием теоретических моделей, сложившихся в «доцифровую» эпоху. Из теоретических моделей, которые в большей или меньшей степени позволяют приблизиться к пониманию особенностей «Интернет-социальности» и активно используются в большинстве теоретических и эмпирических исследований, можно выделить лишь социально-сетевую теорию М. Кастельса [2], которая, безусловно, не является специфической для описания «цифровой социальности», но в большей степени релевантна задачам изучения горизонтальной социальной интеграции, характерной для Интернет-сообществ.

Большое влияние на методологические принципы изучения Интернет-коммуникаций также оказывает подход, сложившийся в антропологии, настаивающий на принципиальном отличии механизмов Интернет-интеграции от интеграции в «реальном социуме». Например, сторонник концепции «виртуального человека» и «виртуальной культуры» Т. Белсторф настаивает, что практики интернет-среды и практики реального мира не пересекаются и не объясняют друг друга, существуя автономно [3]. Основоположник «дигитальной антропологии» Д.Миллер полагает, что особенность социальных сетей заключается в том, что они задают иные принципы масштабирования социальной коммуникации и создают новые форматы общения людей [4].

Однако многие исследователи изучают процессы социальной интеграции в Интернете, используя такие классические для социологии категории описания и измерения сообществ, как «сплоченность», «социальная структура», «лидерство» и т.д. На данный момент в общественных науках нет единого понимания того, насколько схожи между собой механизмы реальной и виртуальной социальной интеграции. Соответственно, вопрос релевант-

ности классических характеристик изучаемым процессам остается открытым.

Аксиоматическими, тем не менее, могут быть признаны некоторые предпосылки понимания «цифровой социальности» в части интеграции в Интернет-сообществах. В частности, очевидно, что формирование сетевых виртуальных сообществ задает принципиально новые типы и форматы связей, предполагает новые типы влияния, новые типы культурного кодирования. Цифровые технологии предполагают такие форматы коммуникаций, которые видоизменяют не только формальную сторону общения, но и сами основы социальных связей. Основные сдвиги форматов социального взаимодействия могут быть описаны через следующие процессы.

1. Переход к нелинейным коммуникациям. Нелинейность событий процессов в мире, технологически объединенном электронными устройствами, описывал еще Маклюен [1]. Социальные взаимодействия не составляют здесь исключения. Одновременность информационных событий и бесконечно множественные их взаимосвязи, совпадение «входа» и «выхода» в информационном событии делают бессмысленным применение к социальным коммуникациям в Интернете таких понятий, как «история», «начало», «развитие», «причины», «следствия».

2. Переход к доминированию горизонтальных связей. По определению Интернет-пространство предоставляет равный доступ к свободному получению и распространению информации. Горизонтальная интеграция пользователей является не просто возможностью – она имманентна самой структуре сетевых коммуникаций.

3. Возникновение и распространение связей «слабейшего» типа, в развитие классификации Грановертера[5], то есть связей, не только не предполагающих близких, эмоционально насыщенных, устойчивых отношений, каковыми являются «сильные связи», но также не предполагающих устойчивых социальных ожиданий, социальных обязательств и формальных социальных ролей, предполагаемых «слабыми связями». «Слабейшие связи» в чистом виде – обмен информацией, включая обмен реакциями на информацию, которые сами по себе также являются лишь информацией.

4. Деперсонализация социальных коммуникаций, вытекающая из самой сути цифровых коммуникаций. Акторы – участники про-

цессов взаимодействия в своем цифровом воплощении перестают быть конкретными личностями со своей историей, статусами и т.д. В формате, продиктованном конкретной социальной сетью либо иным ресурсом, предполагающим социальное взаимодействие, актер предъявлен текстом – картинкой, символом, словами. Соответственно, многогранное и живое социальное целое, описываемое категорией «личность» (personality), редуцируется до информационного события большего или меньшего объема. Теоретически принцип анонимности, возможность которой предполагается взаимодействием в любых сетях, хотя и не всегда одобряется, является логическим завершением и символом процесса деперсонализации, позволяя индивидам участвовать во взаимодействии в каком угодно «цифровом воплощении».

5. Дисперсия и релятивизация социального авторитета и принципов функционирования социального капитала. В силу минимизации административных регуляторов и конвенциональности норм, отсутствия иерархии, задаваемой формальными статусами, лидерство носит преимущественно харизматический характер и зависит от убедительности, осведомленности или убедительной имитации осведомленности. Для обеспечения лидерства в социальных сетях необходимы и иные ресурсы – время для присутствия в сети, владение технологиями и т.д., но эти ресурсы выступают лишь фоновыми факторами лидерства. Основной ресурс – способность быть интересным с информационной точки зрения, привлекать внимание аудитории. Захват внимания и ценностная близость оказываются гораздо более востребованными элементами социального капитала, чем реальный социальный статус, доверие, обладание политическими или экономическими ресурсами.

Эти особенности цифровых социальных взаимодействий, в свою очередь, позволяют описывать новый тип социальности, характерный для цифровых коммуникаций с помощью метафоры «облегченной социальности». Использование этой метафоры подкрепляется результатами анализа эмпирических данных в исследовании особенностей социальной интеграции в онлайн-обществах.

В данном исследовательском проекте анализ виртуальной интеграции основывается на эмпирическом изучении поведения

Интернет-сообществ. На первом этапе, для формирования теоретической модели объекта, был использован качественный подход. Поскольку задача исследования состояла в нахождении имманентных механизмов Интернет-интеграции, важным принципом являлся отказ от использования теорий, сложившихся в традициях изучения реальных сообществ. Поэтому исследовательские процедуры были максимально приближены к принципам «обоснованной теории» (grounded-theory) [6]. Прямому и непрерывному наблюдению в течение 5 месяцев подвергались коммуникации в 12 сообществах в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте»

В результате последующего за процедурами открытого, осевого и избирательного кодирования анализа было установлено, что среди факторов интеграции на первый план выходят *целевые и ценностные аспекты* объединения, *социокультурные характеристики акторов, особенности онлайн и офлайн активности*. Вопреки ожиданиям, факторы лидерства, доверия, сплоченности группы влияли на интеграционные процессы лишь в единичных случаях, в случаях так называемых «гибридных» групп, в которых онлайн-коммуникации дополнялись достаточно устойчивыми офлайн-связями.

Социальные различия в общении обнаруживаются только в тематике и в лексике, то есть – в особенностях *дискурса как символическом выражении социального капитала*. Анализ дискурсивных практик сообществ показывает, что более интегрированные группы активно эксплуатируют свои особые языковые конструкции (жаргон, термины, в ряде случаев – Интернет-сленг либо сленг, характерный для конкретных субкультур). Онлайн-дискурс скрывает традиционные социальные различия, но вводит новое различие: между «посвященными» и «непосвященными», что, в конечном счете, сохраняя важнейший социальный алгоритм распознавания «своих» и «чужих», сводит этот алгоритм к минимальному набору сигналов.

«Облегченная» социальность, таким образом, проявила себя и в редукции социального капитала до символического, и в редукции социальных связей до «слабейших», и в редукции персональных отношений до ситуативно-реактивных. Безусловно, этот особый тип социальности требует дальнейшего и качествен-

ного, и количественного изучения, в том числе – в направлении анализа взаимных влияний двух типов социальности – цифровой и «реальной».

Литература

1. *McLuhan, Herbert Marshall*. Understanding Media: The Extensions Of Man. 1st Ed.: McGraw Hill, 1964; Reissued by MIT Press, 1994 / Г.М. Маклюэн. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – Пер. с англ.: В.Г. Николаев. – М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 15.11.2008. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528/3562>

2. *Кастельс М.* 2016. Власть коммуникации: учеб. пособие. – Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 564 с.

3. *Boellstorff T.* 2008. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. – Princeton University Press. – 344 p.

4. *Miller D.* 1994. Artefacts and the meaning of things. Companion encyclopedia of anthropology, ed. by T. Ingold. London; New York: Routledge. – P. 396–420.

5. *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. – Т. 10. – № 4. – М., 2009. – С. 31–50.

6. *Strauss A., Corbin J.* 1998. Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory. SAGE Publications, Inc, 312 p.

УДК: 141:3

ПОКОЛЕНИЕ Z: ЦИФРОВОЙ СУПЕРИНТЕЛЛЕКТ ИЛИ ЦИФРОВОЕ СЛАБОУМИЕ?

*Сайкина Гузель Кабировна,
доктор философских наук, доцент,
профессор Казанского (Приволжского)
федерального университета, e-mail: gusels@rambler.ru*

Аннотация

В данной статье автор размышляет о порождаемых цифровым обществом трансформациях человеческой природы и сущности сквозь призму

анализа поколения Z. Цифровая реальность для цифрового человека из запредельной превращается в быт, повседневность существования; это – мир «под рукой». Показано, что планшет и смартфон для цифрового аборигена выступают «органическим» телом. Обосновано, что диагноз так называемого «цифрового слабоумия» может выступать в качестве диагноза нашей эпохи. «Цифровое слабоумие» означает отчуждение от сущностных сил человека, но не в труде, а в его отрицании.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровой человек (Homo Digitalis), цифровое слабоумие, разум, мышление, память, реальность, виртуальность.

GENERATION Z: DIGITAL SUPERINTELLECT OR DIGITAL DEMENTIA?

Saykina G.K.,

Ph.D., professor of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Abstract

In this article, the author reflects on the transformations of the human nature and essence generated by the digital society through the prism of the analysis of the Z generation. Digital reality for a digital person is transformed from the beyond to everyday life; it is a world at hand. It is shown that the tablet and smartphone for digital Native act as an “organic” body. It is proved that the diagnosis of the so-called "digital dementia" can act as a diagnosis of our era. "Digital dementia" means alienation from the essential forces of man, but not in labor, but in his denial.

Keywords: digital society, digital person (Homo Digitalis), digital dementia, mind, thinking, memory, reality, virtuality.

Проблема цифрового общества и человека – не только актуальная теоретическая проблема, но и злободневная практическая проблема, так как затрагивает каждого из нас, вне зависимости от того, являемся ли мы дигитальными аборигенами (digital natives) или дигитальными иммигрантами (digital immigrants). Это связано с тем, что цифровая реальность становится нашим *бытом*.

Цифровизация меняет способы освоения реальности, «общения» с ней – по существу, трансформирует способ бытия человека и способ функционирования общества. Кроме того, виртуальная реальность перестает быть какой-то отдельной, отделенной реаль-

ностью; виртуальность в буквальном смысле *реализуется*, вплоть до того, что *опредмечивается* в базисных структурах общества (а не находится только в надстройке). Исследователи пишут о фактическом слиянии, интеграции цифровой реальности (киберпространства) с физической в «обществе 5.0». Тем самым проблема перерастает в онтологическую проблематику.

Философии важно поэтому определиться и ответить на вопрос: существует ли сегодня цифровое общество или это – все-таки еще перспектива развития, по крайней мере для российского общества? Конечно, никто не отрицает присутствия его элементов, но установилось ли оно *в полной мере*? Иными словами, свершилась ли цифровая революция или все еще происходит? В таком случае, действительно, встает вопрос об онтологии цифрового общества и цифрового человека, о их фундаменте. Исследователям, вероятно, предстоит решить и вопрос о том, что такое цифровое существование человека, возможно ли попадание Homo Digitalis в режим бытийности.

Цифровое общество, безусловно, несет с собой определенные удобства для повседневной жизни. Гаджеты делают жизнь проще, удобнее. Практически все социальные институты сосредоточены сегодня в Интернете: Интернет – это всемирный магазин (быстрый и удобный шопинг), всемирная столовая, всемирная библиотека, всемирный кинотеатр, всемирный банк или касса, всемирное игровое заведение. Все буквально «под рукой». Прежде всего Интернет «снимает» определенный «информационный голод» человека, предоставляя свободу владения информацией. Он становится бессрочной «визой» в любую точку мира. Пространственные границы рушатся и создается ощущение пространственной, временной, социальной, информационной мобильности. Возникает ощущение при-общения к миру в целом. Возможно, скорее, даже его созидание: конституируется мир как таковой. Интернет – это как одна мировая «общага» (извините, за сленг), «глобальная деревня» (М. Маклюэн [1, 2]), коммуна (поэтому можно иронично говорить о «цифровом коммунизме»). Более того, цифровая реальность выступает для дигитальных аборигенов как «дом», жилище, родина (ведь не случайно мы говорим об аборигенах и иммигрантах, значит, мы воспринимаем интернет как какую-то страну, для многих

волшебную). К тому же, посредством Интернета возникает и ощущение при-общения к любым событиям (интернет выступает как один большой мировой спектакль, действие, перформанс, действующим лицом которого выступаю и я сам). Цифровые технологии сокращают дистанции между людьми, создают быструю (мгновенную) коммуникацию. Цифровой человек – все время он-лайн, все время «готов», все время «на связи» (правда, при этом ни с кем по-настоящему не связан).

Вот и выходит, что цифровое общество – это «общество цифрового благоденствия» (не случайно говорят о «цифровом рае»), оно буквально погружает нас в «зону комфорта». Но и запирает в ней... Навсегда? Всемирная паутина захватила нас, как паук свою жертву. Врачи бьют тревогу: возник вид кибернаркомании или киберзависимости. Спасемся ли, выпутаемся ли и надо ли – вот в чем вопрос.

При этом необходимо иметь в виду, что человек, не выходящий из «зоны комфорта» (говоря психологическими терминами), не способен по большому счету к самопреодолению, трансценденции, к внутреннему росту, то есть к собственно человеческому. А потому и возникает вопрос о способности дигитального человека бытийствовать, постигать различия бытия и существования, подлинной экзистенции и прозябания.

Цифровые технологии породили новое поколение – так называемое поколение Z, цифровое поколение, поколение-«гаджет», поколение «Copy & Paste» («копировать и вставить»), поколение «лайкомании» «репостомании» и «гуглитомании». К представителям данного поколения относят людей, родившихся, начиная с конца 90-х-начала 2000-х годов. Это поколение, которое неразлучно с планшетами, смартфонами, словно срослось с ними и составляет с ними одно единое тело. Изъяв, к примеру, у такого школьника или студента смартфон, он сразу же превращается в «инвалида», не умеющего самостоятельно рассуждать и мыслить, говорить и ориентироваться в мире (в пространстве), принимать определенные решения – словом, не способного жить... Планшет или смартфон – это его орган, орган тела и сознания, его «Я», память, воля, компас по жизни (то есть по просторам сети). Вспоминаю, как лет 10 назад, к нам на дачу привезли погостить нашу родственницу,

школьницу-пятиклассницу, чтобы она надышалась чистым воздухом и полюбовалась красотами природы. Но так как ее мобильник «ловил» только на лестнице между первым и вторым этажами, то она буквально «зависла», как птичка, на этой лестнице, и никак согнать ее оттуда и вытащить на улицу мы не могли.

Обычно мы говорим о внешних культурных приставках как о «неорганическом теле» человека, но в данном случае планшет или смартфон – это самая настоящая «органика» цифрового человека, и не просто потому что он органично слит с ним, а прежде всего потому что он обеспечивает ему его жизнедеятельность, выполняет *за человека* важные человеческие функции, удовлетворяет базовые потребности.

Человек поколения Z – это потребитель цифровой реальности, выращен на цифровых технологиях, обучен на цифровых платформах. Надо сказать, что обществу потребления очень удобно развиваться в лоне цифровой реальности, киберпространства, так как цифровое общество завязано на дурной бесконечности потребления.

Цифровые технологии увеличивают доступ к знаниям. Значит, и знаний у человека должно быть больше и разум должен быть более развит... Однако в 2007 году появляется новый феномен: «цифровое слабоумие». При этом необходимо понять всю важность и опасность происходящего: «цифровое слабоумие» (Digital Dementia) – это не метафора для обозначения оборотной стороны цифровизации, а болезнь, психическое расстройство, опытно выведенный медицинский *диагноз*, выставляемый *детям* поколения Z. Причем, речь идет уже не просто об эпидемии, сколько о пандемии цифрового слабоумия, деменции (оно сравнивается с вирусом). Данный диагноз не сводим к синдрому дефицита внимания, так как сопровождается *органическими изменениями мозга*, подобными старческой деменции или последствиям черепно-мозговой травмы (по существу он не означает простого недоразвития мозга, а есть повреждение, разрушение тех его участков, которые отвечают прежде всего за принятие решения, эмпатию, коммуникацию, внимание). Это психическое расстройство сопровождается нарушением внимания, когнитивных способностей, потерей памяти, агрессией и депрессией. Выводить диагнозы – дело врачей, однако современного философа нередко определяют как «клинициста ци-

визуализации». Описывая определенные антропологические причины и следствия диагноза «цифрового слабоумия», мы можем разделить его в качестве диагноза нашей эпохи.

Конечно, речь идет о последствиях безмерного общения с виртуальной реальностью, однако почему же врачи советуют совсем маленьким детям-дошколятам общаться с телевидением и компьютером не каждый день, а два-три раза в неделю, да и то по 15–30 минут (в зависимости от возраста)?! Насколько мизерно это безопасное время! И так ли легко контролировать его меру?!

И здесь мы должны учитывать особенности той цифровой реальности, к которой есть доступ у малышей. В первую очередь необходимо обратить внимание на агрессивность визуализации цифровой реальности. Социализация поколения Z происходила и происходит в пространстве цифрового шума, виртуального мусора, а избирательность внимания при этом не развита. По существу ребенка притягивает быстрая смена картинок, не требующая остановки для мышления, схватывания смысла, что бывает, например, при чтении детям книг. Остановок нет, так как цифровая картинка всецело завладела ребенком. Смыслы, если они есть, даются уже готовыми. Прodelьвали эксперимент над полуторагодовальными детьми, которых ставили сначала перед телевизором, а затем, когда их отрывали от него, естественно, при диком плаче, их просто-напросто ставили перед «экраном» стиральной машины, и они успокаивались. Все это объясняли тем, что ребенок не усваивал смыслы, не постигал новый мир, а был лишь заморожен этой быстрой сменой картинок (даже не образов). Интересно, как ребенок смотрит фотографии в смартфоне: ему важно не содержание, а сам процесс «листания» их пальчиком, причем с такой скоростью, что картинки (фото) просто не успевают отразиться.

Цифровая зависимость порождает однообразие впечатлений. Естественно, если изначально данный канал в социализации преобладает, то он деформирует развитие когнитивных способностей, так как не формирует полноценного *образа* с включением работы всех органов чувств, не дает богатства сенсорных впечатлений (и как следствие – не формирует необходимого многообразия нейронных связей). Нет целостных моделей предметов, их образов, а отсюда – нет, как ни странно, и воображения. Человек не облада-

ет концентрацией внимания, не задерживается ни на чем. Нет фокусировки внимания – нет и Я, нет элементарного само-чувствия.

Освоение мира через планшет, смартфон и даже телевизор не дает предметно-деятельностного познания, участия (и не включено в предметно-преобразовательную деятельность), не охватывают тактильности, участия руки как «вынесенного наружу мозга». Попутно возникает сложный вопрос: формирует ли смартфон или планшет мелкую моторику, ведь они вроде бы требуют ювелирной, «кнопочной» механики пальцев (на что не способны, кстати, зрелые люди с заостренностью суставов или со слишком толстыми пальцами)? Сложно ответить; по крайней мере, можно утверждать, что мелкая моторика мелкой моторике – рознь. По всей видимости, мелкая моторика должна быть инструментом для осознанной целенаправленной, проективной деятельности (а не бесцельной).

У ребенка поколения Z отпадает необходимость в ощупывании предмета руками, конструировании, оперировании с предметной средой (важной составляющей социализации, на которой построена даже целая система педагогики – педагогики Монтессори). Можно сказать, что при гипертрофированном общении с гаджетами человеческая рука может потерять осязательную функцию; а глаза могут превратиться в универсальные *щупальца*. Но ведь тактильность – это сущностная черта человека (а не столько черта его природы), онтология человечности, заключенная в тепле рукопожатия, объятия, ласки (онтология, фундамент, который может держать человека в режиме человеческого и в режиме жизни в предельных ситуациях, когда человек находится на грани жизни и смерти, при потере памяти, разрушении мозга).

По существу преобладает пассивность в восприятии информации: ребенок не схватывает смыслы и не успевает представить, вообразить. При этом при цифровой зависимости может отмечаться нарушение речи, отсутствие внутренней речи, воспроизведение клишированной речи, заимствованной из рекламных роликов. Нередко ребенок воспринимает планшет или смартфон как «замену» родителей, близких людей, как суррогат общения. Причем, в крайних степенях ребенок живо реагирует на экран, но никак не реагирует на живую речь людей, обращенную к нему. Надо сказать, что у представителей поколения Z, у которых, как было отмечено,

преобладает визуальное восприятие, последнее распространяется только лишь на экран. Представители цифрового поколения не заинтересованы в восприятии другого лица, мимики, эмоции, походки, движения (их зрение поглощено смартфоном, а при встречах они общаются посредством него и не видят друг друга). Они не умеют общаться «офлайн». Языковая система представителей поколения Z – это набор смайликов, лайков и репостов. Вот и вся коммуникация. Люди общаются не как души, а как тела.

При всем обилии информации происходит колоссальное сужение опыта, мира: планшет или смартфон становятся единственным окном в мир и вытесняют все иные каналы связи. Можно говорить о новом виде образа «пещеры» познающего цифрового субъекта (отбрасывает ли «небо сущностей» хоть какую-то тень в эту цифровую пещеру?!), о новом идоле познания.

Посредством цифровой реальности цифровое поколение не удлинит свои органы, а заменило их. Иначе говоря, цифровой человек переместил свои сущностные силы на цифру, гаджет, но тем самым изъял их у себя. Каковой же тогда стала их природа? Мышление цифрового человека напоминает режим гиперссылок. Интернет становится приставкой для мозга: но тогда и мышление сосредоточено там, а не здесь. Память человека становится определенным «рудиментом»; мой компьютер (мозг и память) должен быть пустым (зачем «захламлять» его ненужными «файлами»?!), а все мое знание сосредоточено вовне (в памяти компьютера, в интернете). Однако А. Августин понимал, что память – инструмент мышления, что для мышления необходимо перебирать знания, находящиеся в памяти, по существу делать их «рабочими». С другой стороны, и запомнить можно тогда, когда промыслил. Поэтому цифровой человек выступает лишь как радар, воспринимающий информацию, но не перерабатывающий ее, не обдумывающий. Это апофеоз потребительского «мышления», если оно все же является мышлением. Обогащается ли такой человек?

По существу формируется новый тип отчуждения человека от своих сущностных сил. К. Маркс при анализе отчуждения рабочего отмечал, что рабочий относится к труду как к внешней силе, не принадлежащей его сущности, делающей его несчастным, и поэтому он только вне труда утверждает себя, чувствует себя собой

[см. 3, с. 563]. При цифровом отчуждении отношение цифрового человека к интернету – скорее, как к внутренней силе, умножающей его сущность, делающей его счастливым, ведь только в нем человек чувствует самим собой. Причем, это отчуждение – вне труда (и даже в его отрицании), но при этом присутствует такое же изнурение, истощение себя, физическое и психическое. Важно, что блуждание по сетям Интернета создает ощущение постоянной занятости и даже где-то умного овладения временем, так как ни одна минута не пропадает зря (ни поездка в общественном транспорте, ни сидение в пробках и т.д.). При цифровом отчуждении опредмечивание и распредмечивание кажимостны (на самом деле опредмечивания как такового вообще нет, а распредмечивание не вводит в человеческую метафизику). Стоит задуматься, насколько приумножится отчуждение, если труд при цифровом капитализме будет цифровым?!

Таким образом, вследствие того, что интернет – это родная «стихия», «органическое тело» человека, ощущение отчуждения для самого цифрового человека не происходит. Интернет оборачивается не коммуной, а миром гедонистических одиночек, разобщенных нарциссов, любующихся селфи...

Литература

1. *МакЛюэн Г.М.* Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / Маршалл Маклюэн; пер. И.О. Тюриной. – М.: Акад. Проект: Фонд «Мир», 2005. – 495 с.

2. *МакЛюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 462 [2] с.

3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.

А. СМИТ И «КОНЕЦ КАПИТАЛИЗМА»

Смирнов Роман Камилевич,

*кандидат философских наук, доцент
Казанского филиала ФГБОУ ВО "ВГУВТ",
e-mail: roman-kazan2008@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды А. Смита на проблему конца капитализма. Обращение к теме и ее актуальность обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, А. Смит одним из первых обозначил данную проблему. Во-вторых, в свете роста нестабильности мировой экономики «конец капитализма» становится все более актуальной проблемой. В-третьих, английский философ и экономист не оставил системного изложения взглядов на данный вопрос. В работе предпринята попытка системного анализа идейного наследия А. Смита, посвященного теме конца капитализма. Дана характеристика понятия «конец капитализма». Выделены подходы к пониманию темы конца капитализма в творчестве А. Смита. Делается вывод о том, что А. Смит действительно предвидел ключевое противоречие капитализма, без решения которого существование и развитие становится маловероятным.

Ключевые слова: конец капитализма, развитие, противоречие, труд, капитал, норма прибыли, эксплуатация, пролетариат, прекариат, прибавочная стоимость.

A. SMITH AND THE "END OF CAPITALISM"

Smirnov R.K.,

*Ph.D., associate Professor of the Kazan branch
of the FGBOU VO "VGUVT"*

Abstract

The article considers the views of A. Smith on the subject of the end of capitalism. The reference to the topic and its relevance are due to a number of circumstances. First, A. Smith was one of the first to outline the problem. Secondly, in the light of the growing instability of the world economy, the finiteness of capitalism is becoming an increasingly urgent problem. Thirdly, the English philosopher and economist did not leave a systematic exposition of views on this issue. In this work, an attempt is made to systematically analyze

the ideological heritage of A. Smith, dedicated to the end of capitalism. The characteristic of the concept "the end of capitalism" is given. Approaches to understanding the theme of the end of capitalism in the works of A. Smith are singled out. It is concluded, that A. Smith actually foresaw the key contradiction of capitalism, without the solution of which its existence and development becomes unlikely.

Keywords: the end of capitalism, development, contradiction, labor, capital, the rate of profit, exploitation, the proletariat, precariat, surplus value.

Цель нашей работы – представить в обобщенном виде и дать анализ взглядов А. Смита на актуальный ныне вопрос (особенно в свете нарастания сбоев в работе мировой экономики) конца капитализма. В основе исследования лежит следующий корпус работ как отечественных, так и зарубежных авторов: А. Смит [5,6], В. Ленин [3], К. Маркс [4], Р. Кийосаки [2], К. Шваб [8], Г. Стэндинг [7], Д. Гэчмен [1].

Под понятием «конец капитализма» мы в работе будем понимать фундаментальное противоречие или систему противоречий, без преодоления которых существование капитализма как общественно-экономической системы будет более невозможным.

Как правило, в литературе указывается следующий отрывок из А. Смита, характеризующий конец капитализма: «Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности обмена, или, другими словами, размерами рынка» [5, с. 20]. Говоря иначе, существование и развитие капитализма прямо пропорционально размеру рынка. Поэтому, когда рынок более не сможет расширяться, остановится процесс разделения труда и наступит конец капитализма. С данным тезисом нельзя не согласиться, однако раскрывает ли он фундаментальное противоречие, присущее капитализму? Думается, что нет, так как констатация ограниченности капитализма размером рынка говорит лишь о конечности капитализма как любого явления в этом мире, подобно тому, как ограничен срок жизни человека или солнечной системы. Следовательно, это общее суждение, которое не несет в себе никакого конкретного содержания по поводу угроз, мешающих развитию и существованию капитализма как экономической системы.

Другим, менее цитируемым тезисом А. Смита, является высказанное им суждение о противоречии между основными участниками производственного процесса: теми, кто производит и теми, кто получает прибыль на вложенный капитал, или, говоря иначе, – между трудом и капиталом. Содержание данного противоречия, по А. Смигу, образуют тесно взаимосвязанные между собой экономический и человеческий факторы.

Первый из них связан с разностью интересов капиталиста, получающего прибыль на вложенный капитал, и рабочего, продающего капиталисту за зарплату свой труд. Капиталист всегда заинтересован в том, чтобы за вычетом всех издержек, в том числе и заработной платы рабочим, получить как можно больший процент прибыли на вложенный капитал. Чтобы сделать это в условиях конкуренции (подстегивающей рост производительности труда посредством внедрения новаций и снижающей норму прибыли), необходимо постоянно обирать рабочих. Речь здесь идет не только о будничном присвоении собственниками капитала прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочих, но и изъятии у них в свою пользу наибольшего процента дохода, получаемого с момента внедрения в производственный процесс новшеств, и до того, как эти новшества станут нормой этого процесса, что приведет к падению нормы прибыли.

Второй – это человеческий фактор. Он подстегивает и усугубляет экономическое противоречие между трудом и капиталом. Так, стремление к прибыли определяется не только нуждами экономического развития, но и такими проявлениями личности человека, как эгоизм, тщеславие, алчность и т.д. Заметим, эти качества личности присущи всем людям, вне зависимости от их социально-экономического положения. Отсюда, следуя голосу данных страстей, собственники капитала и рабочие пренебрегают чисто экономическими интересами дела ради достижения собственных корыстных интересов. В результате обостряются классовые противоречия, растет социально-экономическое неравенство между людьми, учащаются сбои в работе экономики.

Совокупность отмеченных факторов ведет к постоянному обесцениванию труда рабочих вследствие падения нормы прибыли в условиях совершенствования производственного процесса, что

ставит под угрозу востребованность их жизни в условиях капитализма. Данное обстоятельство крайне важно для нас, так как ставит под вопрос само существование капитализма. Действительно, капитализм не может существовать и развиваться без прогресса, обеспечивающего рост производства и реализацию продукции. Однако в условиях распределения прибыли, получаемой от новаций в пользу собственников капитала, цена прогресса (по мере его развития) – обесценивание труда и все большей части общества. Неслучайно в связи с этим А. Смит применяет к рабочим понятие раса, что исключает их из числа полноценных получателей выгод капиталистического производства [5, с. 63]. Следовательно, в противоречии между трудом и капиталом А. Смит увидел нечто большее, чем источник классовой борьбы (на чем позднее сделает акцент К. Маркс), он увидел опасность для существования капитализма, которая состоит в уничтожении им общества, а значит, и самого себя. Сам А. Смит лишь подводит к этому выводу, но не артикулирует его. Думается, это связано с тем, что данное положение вступает в противоречие с его учением о капитализме как системе экономических отношений, работающей на благо социума, альтернативы которому А. Смит не видел.

Деланный нами вывод с опорой на А. Смита о неразрешимом противоречии между развитием производительных сил и уничтожением общества в рамках капиталистической экономики полностью подтверждается практикой. Так, по мере концентрации капитала и развития технического прогресса все большее количество людей вынуждено выживать, лишаясь устойчивых источников существования. В частности, как отмечает Гай Стендинг, на рубеже XX–XXI веков возникает и ширится новый класс прекариат [7]. Он характеризуется неопределенной занятостью людей и отсутствием социальных гарантий их труда. В этот новый класс вливаются не только люди с низким уровнем квалификации, но и квалифицированные кадры, в труде которых, в силу развития технического прогресса (переход к обществу 4.0.), все меньше заинтересован капитал.

Однако, как же тогда быть с фактами, противоречащими тезису о самоуничтожающем характере капитализма. Во-первых, это высокие стандарты жизни и рост ее продолжительности в раз-

витых европейских странах, что полностью опровергает опасения А. Смита об опасности вымирания рабочих. Во-вторых, общий рост численности населения земного шара, перевалившего в XXI столетии за семь миллиардов человек, что заставляет серьезно усомниться в людоедской сути капитализма.

Данные и им подобные положения не опровергают мысль А. Смита о конечности капитализма и вот почему:

– Технический прогресс и неравномерность развития капитализма в мире позволили, с одной стороны, увеличить продолжительность жизни, а с другой – сохранить традиционные установки на семьи с большим количеством детей в развивающихся экономиках, особенно стран Азии. Именно в этом регионе наблюдается наибольший прирост населения планеты, тогда как коренное население стран Европы перестало расти, а сегодня оно стареет и сокращается. Основной причиной этого является высокая стоимость труда европейца в сравнении с трудом мигрантов из тех же развивающихся стран или живущих в них рабочих.

– Высокий уровень жизни в Западных странах обеспечивается за счет сверхприбылей, получаемых от эксплуатации или попросту ограбления экономик менее развитых стран, что прекрасно показал В. И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия развития капитализма» [3].

Таким образом, возражения против конечности капитализма только на первый взгляд кажутся убедительными, в действительности они лишь говорят о том, что источник, сдерживающий саморазрушительный характер капиталистической экономики, заключается в пока еще незавершенном ее развитии. То есть, благодаря неравномерному присутствию капитализма в мире, капиталистическая экономика позволяет перераспределять прибыль и трудовые ресурсы, что обеспечивает видимость безальтернативной эффективности ее работы. Но по мере развития таких явлений, как выравнивание степени присутствия ценностных установок общества рынка в различных экономиках мира; роста населения, живущего за счет заработной платы, сокращение разрыва в стоимости рабочей силы в различных регионах мира, подобное распределение будет осуществлять все сложнее. Это будет означать неминуемый конец капитализма. Предвестники этого мы можем наблюдать уже

сегодня, когда, с одной стороны, происходит постепенный отказ от политики социальной поддержки своих граждан в развитых экономиках мира, а с другой, – в развивающихся странах – происходит рост стоимости рабочей силы (например, в Китае), делающей ее экономически все менее выгодной.

Заканчивая, нельзя не отметить, что А. Смит в своих работах: «Богатство народов» и «Теория нравственных чувств» пытался найти выход, способный предотвратить уничтожение капиталистического общества по мере его развития [5, 6]. Найденное им решение условно можно обозначить как концепцию нравственного преобразования капитализма. Ее суть состоит в сохранении динамичного баланса между эгоистичными интересами рабочих и капиталистов в производственном процессе, где данные стороны не могут обойтись друг без друга. По мысли А. Смита, такой баланс позволит сдерживать саморазрушающий характер капитализма. Мы, не вдаваясь в подробный анализ жизнеспособности данной концепции на практике (это тема отдельного исследования), считаем, что предложенное А. Смитом решение половинчатое и поэтому не удовлетворительно. Действительно, идея нравственного преобразования человеческого фактора в противоречии между трудом и капиталом не устраняет действие экономического фактора, определяющего суть капитализма. Отсюда, в любой момент достигнутый баланс интересов собственников капитала и рабочих может быть нарушен, ведь на это будет работать логика капиталистического производства, ориентированная на максимизацию прибыли.

Все сказанное выше позволяет нам заключить, что А. Смит в противоречии между трудом и капиталом увидел реальную угрозу для существования капитализма. Она состоит не в классовой борьбе, не в ограниченности рынков сбыта, а в невозможности развития капитализма без уничтожения им общества. В силу невозможности решения этой проблемы в рамках капиталистической системы, вопрос поиска альтернативы капитализму является важной и актуальной задачей, оставленной А. Смитом для своих потомков. Особое значение эта задача приобретает сегодня в условиях перехода к технотронному социуму (4 и 5.0 типам обществ), все менее нуждающемуся в людях, живущих за счет предложения своего труда.

Литература

1. *Гэчмен, Д.* «Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души–тела в философии Адама Смита» // *Этическая мысль.* – Вып. 14. – М., 2014. – С. 111–147.

2. *Кийосаки Р.* Богатый папа, бедный папа / Р. Кийосаки, пер. с англ. О. Белошеев. – Минск: Попурри, 2018. – 352 с.

3. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия развития капитализма // Полное собрание сочинений В.И. Ленина, изд. 5. – Т. 27. – С. 299–426.

4. *Маркс К. Энгельс Ф.* Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955–1974. – Т. 26. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t26-1.pdf>.

5. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 т.: пер. с англ. / А. Смит, вступ. ст. А.В. Щербакова. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 864 с.

6. *Смит А.* Теория нравственных чувств / А. Смит, вступ. ст. Б.В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А.Ф. Грязнова. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

7. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

8. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – «Эксмо», 2016. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/Промышленность/К.%20Шваб_Четвертая%20промышленная%20революция_2016.pdf.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ» С ПОМОЩЬЮ PYTHON¹

Смирнов Сергей Витальевич,

к.ф.-м.н., доцент кафедры

«Информационные системы»,

Ижевский государственный технический университет

имени Калашникова

Кавеева Аделя Динаровна,

аспирант кафедры общей

и этнической социологии,

Казанский федеральный университет

Аннотация

В статье рассматривается методика инструментального исследования данных в социальных сетях. На примере использования языка программирования Python к данным из ВКонтакте показано, как гуманитарные исследователи могут использовать инструменты компьютерных наук в исследованиях. Одними из ключевых особенностей digital humanities – цифровых гуманитарных наук является обращение к большим, открытым данным и визуализация. Все эти средства находят отражение в таком направлении, как social network analysis (SNA, анализ социальных сетей). Инструменты SNA позволяют по-новому взглянуть на классические для социологии проблемы интеграции и сплоченности. Метод SNA позволяет не только анализировать специфику распределения социального капитала между участниками сети, но также направлен и на выявление уровней сетевых эффектов, на сравнение топологии сетей между собой, на установление факторов расширения сети.

Ключевые слова: социальные сети; ВКонтакте, онлайн-сообщества; интеграция; сплоченность; digital humanities; визуализация; анализ социальных сетей; Gephi; Python.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №19-011-00761.

“VKONTAKTE” USERS: SOCIAL NETWORK ANALYSIS IN PYTHON

Smirnov S.V.,

*PhD (Physics and Mathematics), Kalashnikov Izhevsk State
Technical University, Izhevsk*

Kaveeva A.D.,

PhD student in Sociology, Kazan Federal University, Kazan

Abstract

The article deals with the methodology of instrumental data analysis in social networks. The authors use Python programming language and users data from "VKontakte" online social network as an example to show how humanitarian researchers can use computer science tools in studies. One of the key features of digital humanities is using big data, open data, and visualization. All these tools are used in social network analysis (SNA). SNA tools allow to take a fresh look at the issues of integration and cohesion as classic problems in sociology. The SNA method allows to analyze the specifics of the distribution of social capital among network participants, to identify the levels of network effects, to compare the topology of networks among themselves, to establish network expansion factors.

Keywords: social networks; VKontakte; online communities; integration; cohesion; digital humanities; visualization; social network analysis; Gephi; Python.

Введение. Ключевыми особенностями Digital humanities является обращение к большим данным, открытым данным и визуализация. Все эти средства находят отражение в таком направлении, как social network analysis (SNA) – анализе социальных сетей. В последние годы данный подход все чаще используется для исследования самых разнообразных сетей, включая пользователей интернета и, в частности, пользователей онлайн социальных сетей (например, ВКонтакте). Инструменты SNA позволяют по-новому посмотреть на классический для социальных наук вопрос об интеграции людей, сплоченности, мобилизации. Поэтому всё чаще для социальных и гуманитарных исследований используются языки программирования, позволяющие анализировать и визуализи-

ровать большие сети. Необходимой компетенцией гуманитарного исследователя становится умение использовать эти инструменты. При этом следует понимать, что какие-то характеристики могут быть измерены сетевыми метриками, а какие-то требуют качественных методов анализа.

Технологическое развитие социальных сетей дошло до уровня возможности извлечения информации о пользователях из баз данных сервиса при помощи технологии API. Этот инструмент предоставляет разработчикам возможность автоматизировать процесс последовательного или параллельного извлечения информации о пользователях социальной сети с последующим анализом методами SNA.

Для анализа и моделирования социальных сетей используют понятийный аппарат и метрики теории графов. Любая сеть может быть представлена как граф, где участники сети являются «вершинами» или «узлами», а существующие между ними связи – «ребрами». Цель анализа таких сетей – выявить их связность, гомогенность, определить факторы их формирования.

Метод SNA позволяет не только анализировать специфику распределения социального капитала между участниками сети, но также направлен и на выявление уровней сетевых эффектов, на сравнение топологии сетей между собой, на установление факторов расширения сети. Хотя классические исследования социальных сетей появились задолго до распространения сети Интернет, SNA приобрел особую актуальность именно в связи с необходимостью понимания механизмов онлайн-взаимодействий, которые в силу сетевой природы особенно хорошо поддаются такому анализу [см.: 1].

Цель статьи – продемонстрировать пример, как данные из ВКонтакте могут быть выгружены и проанализированы средствами языка программирования Python.

Формирование модели социальной сети ВКонтакте. Под сетью можно понимать модель связанных между собой элементов (пользователей сервиса). В сети можно выделить следующие типы связи:

– коммуникационная активность: переписки, одобрения, комментарии, цитирования;

- родственные связи;
- подписки и взаимные подписки (дружба).

Социальные сети позволяют формировать социальные сообщества. Сервисы, как правило, предоставляют два типа сообществ:

- 1) друзья и подписчики;
- 2) группы.

Так, например, в сети ВКонтакте каждый зарегистрированный пользователь получает свой уникальный номер `uid`. Нумерация идет последовательно в сторону возрастания, и «старые» аккаунты имеют меньшие номера, чем «свежие». Этот номер формирует адрес страницы пользователя по формуле:

<адрес сайта>/id<uid>,

где *<адрес сайта>* – это `vk.com` или `vkontakte.ru`, а *<uid>* – `uid` пользователя. Например:

https://vk.com/id11050424.

Кроме стандартного адреса страницы пользователя, может существовать его синоним по формуле:

<адрес сайта>/<domain>,

где *<domain>* – уникальный домен (короткий адрес) пользователя, который можно задать в настройках. Например:

https://vk.com/smiservit.

Если пользователь указал в настройках свой домен, то страница пользователя будет доступна для просмотра по обоим типам адресов.

Зайдя на страницу пользователя, можно подать заявку на дружбу. Пользователь, подавший заявку на дружбу, но не получивший одобрения, становится «подписчиком» и может им оставаться сколько угодно долго. Таким образом, можно рассматривать подписчиков какого-либо пользователя или представителя организации (паблик-аккаунта) как первый тип сообщества.

Вторым типом сообществ являются группы. Любой пользователь сети может создать практически неограниченное число групп с разными целями. В группы могут вступать пользователи и таким образом формировать сообщества. В отличие от сообщества подписчиков группы имеют более развитый функционал:

- есть стена сообщества с настраиваемыми правами по публикации новостей;

– есть возможность модерации пользователей; назначения модераторов и редакторов;

– есть возможность создания фотоальбомов и обсуждений;

– для публикации страниц групп используется wiki-разметка.

В зависимости от исследовательских целей «узлами» могут быть не только пользователи, но группы пользователей.

Методы сбора информации и некоторые свойства сетей.

Социальная сеть ВКонтакте обладает достаточно развитым API-интерфейсом, основанном на стандарте JSON [см.:2]. Формат JSON (JavaScript Object Notation) является текстовым файлом для обмена структурированной информацией.

Формат JSON использует две структуры данных:

– Коллекция пар ключ/значение. В разных языках эта концепция реализована как объект, запись, структура, словарь, хэш, именованный список или ассоциативный массив.

```
{"name": "Василий", "age": 18}
```

– Упорядоченный список значений. В большинстве языков это реализовано как массив, вектор, список или последовательность.

```
[1, 2, "три", 5.2, 12]
```

Это универсальные структуры данных. Практически все современные языки программирования, так или иначе, поддерживают эти структуры. Логично предположить, что формат данных, независимый от языка программирования, должен быть основан на этих структурах.

Для проверки валидности данных используется JSON Schema. Схема создана для описания JSON-данных, но и сама она при этом является JSON-объектом. С помощью ключевых слов в схеме создаются правила валидации структуры объекта и типов его полей.

У каждого пользователя ВКонтакте есть id (некоторое число), имя (строка) и фамилия (строка). В API эти данные представлены в виде объекта с набором соответствующих полей. В JSON объект выглядит вот так:

```
{"id":11050424,  
  "first_name":"Сергей",  
  "last_name":"Смирнов"}
```

JSON-схема, описывающая этот объект:

```
{"type": "object",
```

```

"properties": {
  "id": {
    "type": "integer",
    "description": "User ID"
  },
  "first_name": {
    "type": "string",
    "description": "First name"
  },
  "last_name": {
    "type": "string",
    "description": "Last name"
  }
},
{
  "type": "string",
  "description": "First name"
},
"required": ["id", "first_name", "last_name"],
"additionalProperties": false
}

```

Ключевое слово `required` задает перечень обязательных полей. Если хотя бы одно из перечисленных полей будет отсутствовать, объект не пройдет валидацию по такой схеме.

Ключевое слово `additionalProperties` задает возможность наличия дополнительных полей у объекта. В приведенном примере дополнительные поля запрещены, и при их наличии объект не пройдет валидацию по предложенной схеме.

Для обращения к методам API ВКонтакте, следует выполнить POST или GET запрос такого вида: [3]

```

https://api.vk.com/method/METHOD_NAME?PARAMETERS&
access_token=ACCESS_TOKEN&v=V

```

Он состоит из нескольких частей:

`METHOD_NAME` (обязательно) – название метода API, к которому Вы хотите обратиться. Полный список методов доступен в документации. Обратите внимание: имя метода чувствительно к регистру.

PARAMETERS (опционально) – входные параметры соответствующего метода API, последовательность пар name=value, разделенных амперсандом &. Список параметров указан на странице с описанием метода.

ACCESS_TOKEN (обязательно) – ключ доступа.

V (обязательно) – используемая версия API. Использование этого параметра применяет некоторые изменения в формате ответа различных методов. На текущий момент актуальная версия API – 5.95. Этот параметр следует передавать со всеми запросами.

Параметры могут передаваться как методом GET, так и POST. При передаче больших объемов данных (больше 2 килобайт) следует использовать метод POST.

Ответы на запросы передаются в формате JSON и могут быть разобраны в программе практически на любом языке программирования. Наиболее популярными языками по работе с API являются PHP, JavaScript, Python, R, C++.

Python – высокоуровневый язык программирования общего назначения, разработка которого началась в конце 80-х годов прошлого столетия. Язык является достаточно удобным, что в первую очередь проявляется в повышении производительности разработчика и читаемости кода. В настоящее время данный язык активно продвигается компанией Яндекс как язык обработки данных.

Для подключения к API ВКонтакте можно воспользоваться Python-модулем vk_api. Данный модуль не является официальной библиотекой разработчиков исследуемой социальной сети, но активно поддерживается и учитывает обновления API.

В качестве примера рассмотрим вариант запроса:

```
vk.friends.get(user_id=11050422, fields=('city', 'domain'))
```

Данная команда вернет следующий набор данных:

```
{'count': 1155, 'items':
```

```
  [{'id': 111, 'first_name': 'Андрей', 'last_name': 'Покриков', 'is_closed': False, 'can_access_closed': True, 'domain': 'andkrykov', 'city': {'id': 2, 'title': 'Санкт-Петербург'}}, {'online': 0},
```

```
  {...} //набор данных о пользователях
```

```
  {'id': 182634, 'first_name': 'Ольга', 'last_name': 'Морозова', 'is_closed': False, 'can_access_closed': True, 'domain': 'id182634', 'city': {'id': 56, 'title': 'Ижевск'}}, {'online': 0}]
```


Для компактности представления в примере приведены только данные о первом и последнем пользователе. Информация об остальных пользователях обозначена блоком

{...} //набор данных о пользователях.

Хранение информации в базе данных. Собранные в результате запросов данные необходимо сохранять на компьютере. Это позволит сократить количество обращений к серверу социальной сети.

Реляционные базы данных позволяют осуществлять быстрый поиск в хранимых данных [см.: 4] Среди всевозможных систем управления базами данных можно выделить СУБД SQLite. Основным ее достоинством является отсутствие необходимости установки дополнительного программного обеспечения, то есть для работы SQLite в операционной системе не запускается сервер. Библиотека используется для различных языков программирования, включая Python. Полный список поддерживаемых языков размещен на странице проекта. Хранение информации в реляционных базах данных основано на таблицах. Код для создания таблицы на языке Python может выглядеть так:

```
import sqlite3
# Подключение к БД
conn = sqlite3.connect("vkontakte.db")
cursor = conn.cursor()
# Создание таблицы
cursor.execute("""CREATE TABLE users
(id integer, first_name text, last_name text,
domain text, sex integer)
""")
```

Работать с базой данных SQLite можно не только из кода программы, но и при помощи утилит. База данных SQLite является одним файлом. Поэтому резервное копирование и перенос базы данных не вызывает сложностей.

Собранные в базу данных записи можно анализировать, например, для восстановления пропущенных или скрытых пользователями данных [см.: 5]. Граф, сохраненный в базе данных, может быть визуализирован при помощи бесплатного пакета Gephi.

Заключение. Сегодня анализ социальных сетей приобретает особую актуальность в связи с распространением онлайн социаль-

ных сетей и позволяет анализировать и визуализировать структуры онлайн-взаимодействий в самых различных сообществах.

На примере API сети «ВКонтакте» были показаны методы извлечения данных пользователей при помощи языка Python. Полученные данные сохранены в реляционную базу данных и визуализированы при помощи пакета Gephi. Хранение данных в виде локальной копии позволяет не нагружать сервис и избежать ограничения по частоте обращений к API при использовании SNA.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №19-011-00761.

Литература

1. *Кавеева А.Д., Гурин К.Е.* Social network analysis в исследованиях онлайн-сообществ «ВКонтакте» // Современные исследовательские практики в социологии: сборник материалов конференции молодых ученых (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / Под общ. ред. В. В. Семенович; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. – С. 32–42.

2. *Смирнов С.В.* Инструментальное исследование дружеских связей в социальных сетях на наличие гендерных зависимостей // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2018. – № 4 (35). – С. 202–207.

3. Документация по API ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/dev/manuals> (дата обращения: 28.09.2019).

4. *Карвин Б.* Программирование баз данных SQL. Типичные ошибки и их устранение. – М.: Рид Групп, 2011. – 336 с.

5. *Кавеева А.Д., Гурин К.Е.* Локальные сети дружбы «ВКонтакте»: восстановление пропущенных данных о городе проживания пользователей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 78–90.

...ПЛЮС ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Солодухо Натан Моисеевич,

*доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева-КАИ, e-mail: natsolod@bk.ru*

Аннотация

Дается авторская характеристика цифровизации и ее масштаба. Рассматриваются проблемные вопросы процесса цифровизации в образовании.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, компьютеризация, роботизация, система образования.

... PLUS DIGITIZATION OF THE WHOLE COUNTRY

Solodukho N.M.

*Ph.D., professor of Kazan, head of the Department of Philosophy,
Kazan National Research Technical University named
after A.N. Tupolev – KAI, Kazan*

Annotation

The author's characteristic of digitalization and its scale is given. The problematic issues of the digitalization process in education are considered.

Keywords: digitalization, information technology, computerization, robotization, education system.

Сегодня самое модное слово руководящего состава – «цифровизация». Идея всеобщей цифровизации, господства ее величества Цифры, переход на «цифровую экономику» по своим масштабам ассоциируется с Планом электрификации страны, провозглашенным В.И. Лениным во время Гражданской войны, 22 декабря 1920 года, на заседании VIII Всероссийского съезда Советов.

Государственный деятель, учёный-энергетик Г.М. Кржижановский писал: «Я живо помню делегатов съезда – солдат, рабочих и крестьян – и на трибуне – Владимира Ильича, который, поднимая перед собой план ГОЭЛРО, говорил: «На мой взгляд, это

наша вторая программа партии... Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [1].

Далее придется привести немалую цитату из Г.М. Кржижановского, говорящую о сути этого, действительно, грандиозного плана восстановления и развития страны:

«Вот основные его принципы: электрификация всей страны как основа для создания самых передовых производительных сил; планомерное перевооружение всех отраслей народного хозяйства, культуры и быта на основе их электрификации; производство электроэнергии на центральных, районных электростанциях; широкое использование для производства электроэнергии местных низкосортных видов топлива; строительство гидроэлектростанций с учётом комплексного решения водохозяйственных задач (энергетика, транспорт, орошение и т.д.); создание энергетических систем, постепенно вырастающих в единую электроэнергетическую систему страны; равномерное и рациональное размещение электроэнергетического хозяйства и производительных сил в стране с учётом подъёма отсталых районов и т. д.» [1].

Программа ГОЭЛРО была выполнена и перевыполнена. Правда, говоря о реализации этого плана, надо вспомнить и остряков, и их анекдот по поводу полной фразы «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», если к ней применить правило математики, то получится: «Советская власть – это Коммунизм минус электрификация всей страны». Поводом для подобных шуток был тот факт, что ожидаемый коммунизм не построили ни за обещанные Н.С. Хрущевым двадцать лет в 60-е – 70-е гг., ни за последующее десятилетие, которое закончилось распадом СССР...

Ну, а сегодня к чему мы можем приплюсовать цифровизацию, если «наша» нынешняя цель – не построение Коммунизма, а укрепление Капитализма, и если у нас нынче не Советская власть, то какая? Можно вспомнить, что Аристотель олигархию называл «властью богатых». Вот и получается возможный актуальный курс развития капитализма в несколько экзотической формулировке: «Капитализм – это есть олигархическая власть плюс цифровизация всей страны».

Наверняка, другие авторы сборника покажут все полагающиеся достоинства цифровизации, охватившей фактически весь мир, а не только Россию. И весь тот позитив ... не случайно здесь и проводится параллель процесса цифровизации с масштабным планом ГОЭЛРО. Однако автор статьи предлагает взглянуть на цифровизацию с проблемной стороны, открывающей и масштабы ее негатива.

Что есть цифровизация и что в ней нового? На сегодняшний день нет единой трактовки этого явления [2]. Если исходить из того, что «цифровая экономика» должна уметь считать, пользоваться математическим аппаратом, то надо вспомнить математизированную экономическую теорию нашего соотечественника Леонида Канторовича, получившего Нобелевскую премию, когда еще был в силе Советский Союз. А положение о том, что в «Государстве» необходимо владеть математикой, вытекало из начертанного на воротах Академии Платона в Афинах: «Да не войдет сюда никто, не знающий геометрии». Крепкие традиции греческих мудрецов коренились в учении Пифагора о том, что мир подчиняется гармонии цифр, а сущность вещей заключена в их геометрической организации. Так что идея всеислия математической цифры не очень новая.

И все же, какова суть цифровизации сегодняшнего дня? – Интернет, компьютеризация, информационные технологии, робототехника, – с перспективой развития именно этих направлений и связывается понятие цифровизации. Между тем, заметим, и сегодня не следует «технарям» задира́ть нос перед философией, говоря, что, дескать, философия не имеет отношения к науке и технике. Как известно, сначала вся вычислительная техника, а ныне и компьютерная технология в своей основе опиралась и опирается на булеву алгебру, то есть на теорию математической логики английского математика и логика XIX века Джорджа Буля [3]. Напомним, что основы математической логики заложил в XVII веке Готфрид Лейбниц, дорабатывая формальную логику Аристотеля. А булева алгебра – законченная система математической логики – базируется на логическом законе философии – законе исключенного третьего (не надо забывать, что логика – один из древних разделов философии). По правилам этой логики работают компьютеры

и все гаджеты. Говоря кратко, если бы не философская логика – не было бы и современной компьютерной технологии.

Но вернемся к реализации идеи цифровизации в нашей стране. Понятно, что цифровизация предполагает внедрение цифровой техники во все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим нас, прежде всего, волнует вопрос, как цифровизация, воплощенная в современную технологию, скажется на человеке как таковом и на процессе его обучения.

Помню, в детстве видел в журнале «Техника молодежи» рисунок человека общества технологического будущего: непомерно большая голова на тонкой шее, чахлая тело, худенькие ручки и ножки. Неужели этот образ – как раз и есть то, к чему приведет в обозримом будущем цифровизация-информатизация, цифровизация-компьютеризация, цифровизация-роботизация? А ведь опасность реальная. И не только потому, что уже объявлено о 15 миллионах безработных к 2030 году по причине ненадобности целого ряда профессий, вытесняемых информационными технологиями и робототехникой [4]. Голодный безработный как раз станет похож на того самого человечка.

Есть и другая опасность цифровизации в системе образования. Замена живого общения ученика с учителем, студента с преподавателем суррогатами коммуникации посредством всяческих фото и видео– презентаций, лекций на экране компьютера, онлайн– программ обучения и т.п. Ведь именно эти формы уже сегодня агрессивно внедряются в учебный процесс. Пока не поздно, давайте перечитывать английского физхимика с богатым практическим опытом, из среды постпозитивистов – Майкла Полани, его концепцию «личностного знания». Это он предупреждал: если рвется живая связь мастера и ученика – умирает научная школа.

Как ни крути, но любая онлайн-форма обучения – это дистанционная форма. И это практически форма заочного обучения. Так что? Превратим всех дипломированных выпускников в заочников? Я обычно говорю в таких случаях: ну, недостатки заочника-инженера железо как-то перетерпит – оно не ощущает боли (хотя ...?). А вот как пациент переживет самодельного врача-заочника? Наверное, не переживет.

Есть и еще одна закономерная тенденция online-образования – последовательная роботизация выпускника. И заключена она в новой методологии обучения – «опрокидывании» методов создания технической информационной системы, технического робота на методику обучения человека. Техническое устройство разрабатывается на базе «алгоритмов», задаваемых создателями устройств. Так называемый «искусственный интеллект» еще должен записываться только в кавычках, потому как он не есть в действительности уже созданный интеллект, мышление, сознание. Это пока только подобие, внешнее сходство, выражаемое словами «как бы ...». Ни одна современная машина не генерирует *идеальные* образы, обуславливающие целенаправленную деятельность сознания живого человека.

Так вот: к сожалению, не осознавая этого, методики обучения технических роботов переносятся на методологию обучения школьников и студентов, тем самым превращая их в алгоритмизированных роботов. И база этой методики – тиражирование *тестового* обучения, без должного проникновения в сущность предмета изучения. В конечном итоге цифровизация в образовании уже сейчас оборачивается вытеснением содержания и качества за счет формализации и количественной оценки получаемых знаний. А в технических и технологических вузах, где изгоняются из новых учебных планов такие дисциплины, как логика и культурология, психология и педагогика, социология и политология, постепенно выдавливается и философия, – там, похоже, идет преднамеренное формирование левополушарных специалистов, алгоритмизированных инженеров-роботов, с заторможенными способностями к творческой правополушарной деятельности.

О судьбе философии хочется сказать особо. О ее бессилии и скорой гибели зря наговаривали философы-постмодернисты. Их время уже проходит и прошло, в культуре наступает период пост-постмодерна с возвращением к классическим образцам знания и обучения. А вот алгоритмическая методология, принесенная на волне очередной технократической компании, продолжает захлестывать глубинное качественно-содержательное знание и не только в области общественнознания – вот в чем настоящая причина опасений.

Между тем, тот, кто думает, что философия изжила себя, что она умирает и умрет, – тот сильно ошибается. Философия никогда не умрет! Она бессмертна. Свою вечную жизнь философия обеспечила, создавая универсальный фундамент всем частным наукам (естественным, техническим, социально-гуманитарным, экономическим), благодаря более чем двести тысячелетнему взаимодействию с различными научными знаниями. В научном фундаменте всегда будет существовать сеть таких всеобщих, общенаучных философских понятий, которые выражают суть пространства, времени, движения, взаимодействия, материи, вещества, атома, причины, следствия, необходимости, случайности, возможности, действительности, реальности, явления, сущности, свойства, закона, качества, количества, формы, содержания, процесса, состояния, структуры, знания, рационального, эмпирического, теории, анализа, синтеза, абстрагирования, формализации, идеализации и многих других. Это укоренившиеся онтологические, гносеологические, методологические философские категории и связанные с ними принципы, а также правила и законы логического построения знания. Попробуйте их вычеркнуть из фундамента науки.

Пусть не думает читатель, что автор статьи – этакий ретроград-гуманитарий, который воспринимает научно-технический прогресс в черном цвете. Напротив, все это пишет человек с базовым физико-техническим образованием, кое-что понимающий и в естественных науках, и в технике, но сохраняющий потребность в гуманитарном знании и гуманном отношении к человеку. Ведь это очевидно, что содержательное качество предпочтительнее формализованного количества, когда речь идет о системе образования человека.

Литература

1. *Кржижановский Г.М.* Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны /Г.М. Кржижановский //Смена. – 1949. – № 540. URL: <http://smena-online.ru/stories/kommunizm-eto-est-sovetskaya-vlast-plyus-elektrifikatsiya-vsei-strany> (дата обращения 25.09. 2019).

2. *Сивараман Раджив*. Что такое «цифровизация» предприятия? /Ua.Automation.com – Факты, события, новости мира автоматизации от 12.10.19. URL: <http://ua.automation.com/content/chto-takoe-cifrovizacija-predprijatija> (дата обращения 12.10.2019).

3. Булева алгебра (алгебра логики)// FUNCTION(X). URL: https://function-x.ru/buleva_algebra.html (дата обращения 25.09.2019).

4. В российских колледжах исчезнут почти 100 профессий /LENTA.RU Россия от 11 августа 2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/11/nomoretkach/> (дата обращения 25.09.2019).

УДК: 123

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Тайсина Эмилия Анваровна,

доктор философских наук, профессор

Казанского государственного энергетического университета,

e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Халитов Тимур Ниазович,

кандидат философских наук, доцент

Казанской государственной консерватории

г. Казань

Аннотация

Цифровые технологии, которые позволяют идентифицировать и вместе с тем дополнять и расцвечивать реальные объекты, совершенствуются невероятными темпами. Рынок устройств виртуальной реальности развивается быстрее, чем ожидалось, и спектр применения этих технологий весьма широк. Шлем виртуальной реальности Samsung Gear VR, поступивший в продажу первоначально в США, уже исчез с витрин Amazon и Best Buy. Реальность «дополненная», или аугментированная, является горячей темой не только в хайтеке. О специальных устройствах, софте, хэдсетах, форматах для AR заговорили и философы: возможности и угрозы Общества 5.0. нуждается в философском осмыслении.

Ключевые слова: цифровые технологии, аугментированная реальность, виртуальная реальность, взаимодействие в реальном времени.

LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Emilia Tajsin

*PhD, DSc in Philosophy Professor, Department of Philosophy
Kazan State University of Power Engineering
Kazan, Russia*

Emily_Tajsin@inbox.ru

Timur Halitov,

*PhD, Associate Professor
Dept. of Philosophy and Humanities
Kazan State Conservatoire
Kazan, Russia*

Abstract

Digital technologies that allow us to identify and at the same time complement and paint real objects are improving at an incredible pace. The market for virtual reality devices is growing faster than expected, and the range of application of these technologies is very wide. The Samsung Gear VR, a virtual reality helmet that went on sale initially in the US, has already disappeared from Amazon and Best Buy. Reality “augmented”, or supplemented, is a hot topic not only in high-tech. Philosophers also speak about special devices, software, headsets, formats for AR: opportunities and threats of Society 5.0. needs philosophical reflection.

Keywords: digital technologies, augmented reality, virtual reality, real time interaction.

В XXI веке человечество возвращается к визуальному ряду как древнему и, следовательно, имманентному способу хранения и передачи информационных сообщений. Визуальное восприятие, фиксация и передача информации являются первичными по отношению к устному общению. Письменное проявление, хранение и передача знаний есть сравнительно недавнее достижение цивилизации. Письменный текст в свете быстрого развития цифровых технологий является переходной стадией человеческого общения. Таким образом, постчеловек – это не что иное, как возвращение к примитивному (облегченному) способу общения на качественно новом уровне, который с нынешними темпами развития компьютерных технологий стал не только возможным, но и все более биологически адекватным. Постчеловек – это человек.

Если 20 лет назад долгое сидение за монитором катастрофически вредило здоровью (зрению, осанке и т.д.), то, напротив, современные технологии все больше оптимизируются. Они приближаются к естественному человеческому восприятию, адаптируются, становятся антропоморфными. Аугментированная и замещающая реальность больше не заменяет «реальную», объективную реальность, но часто становится последовательным дополнением к объективной реальности, поскольку современные гаджеты активируют практически все органы чувств, кроме ароматизации – да и это восприятие уже стало доступно в кинотеатрах Общества 5.0.

Пожалуй, сегодня уже нет нужды упоминать, что аугментированная реальность давно заняла прочное место в фантастической литературе – и не только в ней. Например, три великих латиноамериканца, изменившие сознание европейцев во второй половине XX века – Габриэль Гарсиа Маркес, Хорхе Луис Борхес и Хулио Кортáсар – широко пользовались приемами и методами применения синтеза и взаимодействия реальных явлений и персонажей с поразительными воображаемыми обстоятельствами и объектами. Не напрасно это литературное течение лучше всего характеризует термин «магический реализм». И в изобразительном искусстве, и в так называемой «альтернативной истории», а позже в телевидении и кинофильмах всего мира смешиваются реалистическое и созданное мультипликацией и компьютерной графикой. Появилась даже «умная одежда» с нательными компьютерами, которые позволяют поддерживать контакт с дополненной реальностью. Излишне говорить, какое значение имеют соответствующие технологии для медицины (лапароскопия), мобильных устройств, GPS-навигаторов, компьютерных игровых консолей и военной техники – от индикации на шлеме пилота до прорыва в области искусственного интеллекта. Ныне можно создавать и более развернутые, интерактивные программы, находящие применение в здравоохранении, охране общественной безопасности, разведке и добыче полезных ископаемых, даже в индустрии туризма. Все эти явления, безусловно, заслуживают внимания философии.

В 90-х годах XX века новый термин «аугментированная (дополненная) реальность» был введен для описания синтеза сенсорного восприятия человеком объективного мира и визуализируе-

мых объектов киберреальности. Термин (предположительно) ввел ученый, работавший на корпорацию «Боинг», Томас Коделл. Он описывал полупрозрачные цифровые дисплейные панели, применявшиеся при сборке самолетов, позволявшие рабочим видеть чертежи и читать инструкции. Несколько позже Рональд Азума дал первое общепринятое определение: это 3-D взаимодействие в реальном времени, совмещающее виртуальное и подлинное [1]. Суть этого взаимодействия состоит в совмещении фрагментов, воспринимаемых как подлинные, и мнимых объектов – результатов научного или художественного творчества. Эта дизайнерская работа, поначалу принадлежавшая всецело технологии как инженерной онтологии, вскоре стала объектом философского интереса. Такой переход от инженерной мысли и математики к вопросам логики, а далее – лингвистики и теории познания ранее продемонстрировала нам биография Витгенштейна. Во время пребывания в Манчестере (1906 г.) Витгенштейн был занят расчетом пропеллера. Инженерно-технические его устремления сменились возникшим интересом к логическим основам математики; далее этот путь привел одного из самых известных мыслителей XX века к «Логико-философскому трактату», ставшему библией создателей неопозитивизма.

Спустя 30 лет дополненная реальность стала частью многомиллиардной компьютерной индустрии, и на современном этапе развития компьютерных технологий она становится все более популярной формой и методом познания. Объекты [субъективного] восприятия дополняют реальные физические объекты за счет визуальных изображений и текстов, передаваемых через специальные программные приложения, совместимые с различными мобильными устройствами. Технично-технологическую сторону развития данного феномена рассматривают многие ученые [2]. Показателен прогресс стран юго-восточной Азии: в Китае все более широкое распространение получают не только 3-D, но и 4-D, и 5-D медиаканалы вещания, кино и телевидение; а в Японии в последнее время заявлено, что по инициативе газеты “Tokyo Shimbun” появились мобильные устройства, приспособленные для адаптации информационного поля для детского восприятия [3].

Остановимся только на одном теоретическом вопросе: сравнении понятий «аугментированная» и «виртуальная» реальность и стоящих за ними явлений.

Прежде всего, и явления, и обозначающие их понятия представляются разными, хотя и взаимосвязанными; и дело тут не столько в очевидных отличиях в степени близости к объективной действительности, но и в затянувшейся (и не пришедшей к общепринятым выводам) дискуссии о сущности виртуального.

Выскажем свое мнение. Дополненная реальность не является законченной симуляцией; цифровые элементы накладываются или нахлестываются на физические объекты и окружающую обстановку. В этом смысле аугментация не так сильно отвлекает от действительности, и это является менее опасным воздействием. Что касается виртуальности и виртуалистики, мало кто из исследователей считается с изначальным этимологическим значением исходного термина “vir”. На латыни это значит «муж», «мужчина». Virtue – определяющее качество настоящего мужчины, то есть доблесть отваги, в основном проявленной в бою. Путем расширения объема термина virtue закономерно уменьшилось содержание: был утрачен дефинитивный признак мужественности, и это стало постепенно означать «доблесть вообще», а не только храбрость истинного мужа; «добродетель» как нравственное совершенство, и даже «милость». Так, в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера, в средневековом английском языке XIV века, уже наполовину заполненном романской лексикой, интересующий нас термин означал «благоволение» (апреля, несущего возрождение жизни): “Whan that Aprille with his shoures soote, the droghte of March hath perced to the roote, and bathed every veyne in swich licour of which *virtú* engendred is the flour...” На современный английский этот текст был переведен следующим образом, с применением словосочетания quickening force, ускоряющая сила рождения: “When the sweet showers of April have pierced the drought of March, and pierced it to the root, and every vein is bathed in that moisture whose *quickenig force* will engender the flower...” (Transl. by David Wright)¹. Попут-

---

¹ Русский перевод: «Когда Апрель обильными дождями разрыхлил землю, взрыгую ростками, и, мартовскую жажду утоля, от корня до зеленого стебля, набухли жилки той весенней силой, что в каждой роще почки распустила...» (Пер. И.А. Кашкина, О.Б. Румера).

но говоря, наше рассуждение подтверждается строчкой из следующей строфы Пролога (*So priketh hem Natúre in hir corages*), где латинского происхождения слово *courage*, ныне означающее «смелость, храбрость, отвага», кураж, у Чосера используется опять-таки как природная «сила», поддерживающая жизненную радость, оживление.

Дальнейший распад полисемии дал нам современный смысл терминов «виртуальность», «виртуальное»: ненастоящее, «не-вполне-объективно-реальное», субъективно-идеальное. Оно может вызывать противоположные оценки: от восхищения свободой творчества до опасения перед «безбрежным субъективизмом».

Известный специалист в области виртуалистики М.А. Пронин (ИФ РАН), ученик и соратник Н.А. Носова, так описывает возможности регулирования технологий виртуальной, дополненной и замещающей реальностей в России – в формате «философии как экспертизы» (термин Б.Г. Юдина).

С одной стороны, сегодня проблемы безопасности технологий заслоняются маркетингологической жаждой их промоушн, быстрого продвижения. Технологии развиваются в «ситуации цейтнота» на свое этическое осмысление (термин О.В. Поповой). Однако в нашей стране понемногу набирает силу встречная тенденция: «гуманитарной настороженности». В прошлом году было проведено два «круглых стола», посвященных «свету и тени», то есть возможностям и угрозам форсированного распространения указанных технологий, которые, как и любые другие, несут с собой неизвестные и до конца не осознаваемые опасности. «Понимание, что технологии, заведомо обманывающие сознание человека, должны быть поставлены под должный контроль со стороны профессионалов, общества и государства, нашло поддержку ученых и специалистов... Однако мы вынуждены констатировать, что российский контекст применения массовых приложений TVR пока соответствует начальной стадии – стадии неквалифицированного интереса к отрицательным последствиям их использования», – пишут М.А. Пронин и О.А. Раев. [4, с. 111].

Эти авторы советуют более плотно и тщательно исследовать возможные проблемы внедрения указанных технологий, популяризировать их результаты через СМИ и, самое главное, иници-

ровать критическое отношение ученых и специалистов, занимающихся этими технологиями, к возможным последствиям от их применения.

На рубеже XX–XXI веков в общественном мнении преобладали антиутопические взгляды на возможные последствия тотальной компьютеризации. Устрашающие образы человека, выпавшего из общества и полностью погрузившегося в вымышленную вселенную кибернетических иллюзий, подростков, потерявших связь с родственниками и друзьями, и вообще актуализация темы эскапизма как бегства от трудностей и ударов реального мира в сказочный мир фата-моргана были в центре социальных и философских дискуссий. Медиа, например, публиковали отчеты о детях, очарованных художественной стилистикой фильма Дж. Кэмэрона «Аватар» настолько, что, подпавав обаянию (в сущности простой и схематичной) истории о взаимоотношениях колонизаторов и местного населения, героических действий главного героя, эти подростки ожесточенно отказывались жить реальной жизнью. И это касается не только данной талантливой киноленты. Социально-экономические условия, сомнительные перспективы для молодежи адекватного применения своих талантов и способностей, особенности духовной жизни в современных обстоятельствах не вселяют больших надежд на лучшее будущее. Самое большое, на что мы сегодня способны, – это осторожный оптимизм.

Все же можно отметить, что в первые десятилетия XXI века стало все более очевидным, что предлагаемая обществу компьютеризация не должна и не сможет разрушать человечество, лишая его первоначальной социальной функции; напротив, она способна послужить толчком для качественно иной формы общения, основанной на технологиях ближайшего будущего¹.

---

¹ Тезисы данной статьи были опубликованы в Материалах Всемирного Философского конгресса Международного Общества Универсального диалога (ISUD) в г. Лима, июль 2018 г., на английском языке.

Литература

1. R. Azuma, *A Survey of Augmented Reality Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, pp. 355–385, August 1997.

2. Яковлев Б.С., Пустов С.И. Классификация и перспективные направления использования технологии дополненной реальности // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2013. – Вып. 3. – С. 484–492.

3. Газета “Tokyo Shimbun” адаптирует тексты для детей // ARNext.ru. – URL: <http://arnext.ru/news/gazeta-tokyo-shimbun-2548/>

4. Пронин М.А., Раев О.Н. Регулирование технологий виртуальной реальности: к первому российскому кодексу этического поведения // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 5. – С. 109–124. – URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/876>

УДК 111

О ПРЕВРАЩЁННЫХ И ОТЧУЖДЁННЫХ ФОРМАХ СУЩЕГО

Фатенков Алексей Николаевич,

*доктор философских наук, профессор Национального
исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru*

Аннотация

Текст посвящён рассмотрению превращённых и отчуждённых форм сущего. Обе они отличны от формы подлинной, наличествующей актуально или в потенции. Превращённая форма окончательно не преодолевается, но существует только как преодолеваемая. Переставая быть отрицаемой человеком, она становится отчуждённой формой. Превращённая форма умаляет подлинность, но не заслоняет её целиком. Отчуждённая форма, напротив, способна заслонить, нейтрализовать подлинность.

Ключевые слова: сущее, превращённая форма, отчуждённая форма, дискретность, континуальность, тотальность, тоталитарность, виртуальная реальность.

ON CONVERTED AND ALIENATED FORMS OF BEING

Fatenkov A.N.,

*DSc in Philosophy, Professor, Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod*

Abstract

The text is devoted to the study of converted and alienated forms of being. Both of them are different from the original form, which is present actually or is in potency. The converted form is not finally overcome, but exists only as an overcoming one. By ceasing to be denied by a man, it becomes the alienated form. The converted form belittles the authenticity, but does not obscure it entirely. The alienated form, on the contrary, is able to obscure, neutralize the authenticity.

Keywords: being, converted form, alienated form, discreteness, continuity, totality, totalitariness, virtual reality.

Держа в уме проблему онтологического статуса виртуальной реальности, вернее, крепко сомневаясь в самой возможности приписать виртуальным процессам и состояниям собственно бытийный статус, имеет смысл обратиться к известному философскому сюжету, в котором главными действующими категориями выступают «превращённая форма» сущего и его «отчуждённая форма». Приступая, остаётся только уточнить: сущее как таковое, любой его вид и фрагмент, всякое конкретно сущее, в том числе виртуальное, сразу и без исключения попадает, с точки зрения и в лексику автора, в *онтический* план воспринимаемой и мыслимой человеком реальности. Иной, аксиологически нагруженный уже, *онтологический* план служит для обнаружения бытийно (подлинно) сущего, собственно бытия, которое не дано заранее и к обретению которого (как своего уникального совершенного состояния) сущее может стремиться или не стремиться, и порой способно достигать его в своём стремлении или случайно. При всём уважении к Мартину Хайдеггеру и его экзистенциальной онтологии положение о том, что бытие не есть сущее, – насколько сам немецкий философ его держится – отклоняется как дуалистическое, отвлечённо метафизическое, неоправданно упрощающее человеческую ситуацию в мире. Быть пастухом бытия, отгородившись от небытийного сущего, это скорее из области утопии.

Реальность суровее. Жизнь наполнена расхождениями между сущим и должным, подлинным и неподлинным. Она полна превращёнными и отчуждёнными формами. Первые показывают невозможность пребывания человека в одной лишь подлинности (анекдотичная зарисовка ситуации: живёшь – правильно, но зря). Вторые демонстрируют реальные возможности неподлинности (ложь во спасение, обаяние зла, неординарность уродства). Симптоматичны спорадические попытки теоретически увязать неснимаемую отчуждённость с сущностью человеческой деятельности (практики) и с её эпифеноменами, овнешнением и экстериоризацией. Впрочем, для нас сейчас важнее отметить, что некоторые из форм отчуждённости всё-таки можно устранить (с выгодой для подлинности, разумеется), что они справедливо признаются живаемыми. С превращёнными формами иначе: они исключаются из сущего только и вместе с исключением подлинности, иначе устранить их нельзя, – и вместе с тем они существуют только как вызывающие к устранению. Стильную иллюстрацию тезиса обнаруживаем в тексте М.А. Лифшица: «Как в обаянии Сатаны более ярко, хотя и в превратной форме, выражается положительное содержание жизни, чем в пресной божественной справедливости, так и в аппетите хищника более определённо выступает “всеобщее”, чем в идилическом благополучии стада антилоп. Но это не устраняет разницу между этой бойней природы и полнотой развития жизни...» [1, с. 239–240].

Мир задирист по отношению к человеку, то и дело подначивает его, и не всегда по-доброму. Но даже злорадствующий по твоему адресу он неплох. Куда хуже оказаться безразличным ему. Это и есть состояние беспросветного, непреодолимого отчуждения, фиксирующее тщетность любых твоих усилий не отпасть от бытия.

Превращённые и отчуждённые формы не стыкуются в родовидовой вертикали. Во многих значимых смыслах они разнородны. Отчуждённые формы, точнее, небеспочвенные намерения их ликвидировать, снять индуцируют прогрессистскую жизненную стратегию. Превращённые формы, вернее, неизбежные возвращения к ним отправляют прогресс в разряд отчуждённых движений. Всякое превращённое, перестающее быть отрицаемым, становится отчуждённым. Причём – скверно нигилистичным в своей динамике:

разрушающим не столько себя, сколько произведшие его инстанции вместе с их конформистами-отступниками, кто отказался от негации превращённого. На горизонте маячит тотальный, чистый нигилизм. Заметим попутно: именно в унылой перспективе замены превращённого отчуждённым негация сама по себе, подтверждающая себя (а не аннигилирующая, не знаменитое отрицание отрицания) имеет исключительно положительную ценность.

Немало важных характеристик превращённой формы сущего обнаруживаем – прямо или косвенно (без толики сокрытости здесь не обойтись) – в известной работе М.К. Мамардашвили [см.: 2]. Превращённая форма и *непрерывно* видима (в отличие, возможно, от оформленной или неформлируемой действительности), и *лишь* видима (не вполне действительна), и видима *так*, что не поверхностно видима; она есть внутренняя форма видимости, не могущая быть непричастной действительности. Превращённая форма не обязательно иррациональна (в той или иной степени рациональна) и не сугубо эмпирико-субъективна (в определённом смысле объективна). Она присуща не только ментальности наблюдателя, но и внementальной реальности. Присуща и «сознанию», и «бытию», заставляя нас рассматривать их моментами-сторонами континуума – и тождественными, и не тождественными друг другу. Высказывания о превращённых формах-объектах ни прямо истинные (они вообще не прямые, а косвенные, метафорические, вплоть до абсурдности), ни прямо ложные (они истинностно продуктивны в своём иносказании).

Впрочем, как справедливо отмечает Дьёрдь (Георг) Лукач, всякая нетривиальная мысль облекается иносказанием: «...даже Сократ вынужден говорить в метафорах о своём мире без очертаний... и даже термин “безобразность” немецких мистиков есть метафора» [3, с. 50]. Ведь всё связано если и не со всем, то с некоторым иным, отсылая к нему, если и не всякий раз, то от случая к случаю. В этой ранней своей работе, обоснованно причисляемой к экзистенциалистской традиции [см.: 4], философ озабочен различением жизни и её форм. Он продуктивно разграничивает *как таковую* жизнь (*das Leben*) и *просто* жизнь (*das Leben*): «...обе имеют равную действительность, но они никогда не могут быть действительными одновременно»; просто жизнь может быть из-

жита – как таковая жизнь никогда и ни за что [см.: 3, с. 49, 215]. Выделенный определённый артикль делает *das Leben* концептуальным аналогом и конкретизированным синонимом *Dasein*. Плюс к тому, предельная определённая и принципиальная неизживаемость «жизни как таковой» атрибутивно свидетельствуют о теоретической попытке преодолеть классическую дихотомию реализма и номинализма. Где налицо нечто непреходящее, неизбывное, там нет места номиналистической дробности-шаткости. Где наличествует нетиражируемый эксклюзив, там сдаёт свои полномочия реализм отвлечённых сущностей и сопутствующая ему, как правило, трансцендентность. Никким образом нельзя сказать, что *das Leben* есть превращённая форма *das Leben*, но и последняя – не пустая абстракция, даже при минимуме оформленности, в ранге «анархии светотени».

По Д. Лукачу, всё неаморфное, образное – от мира сего. В потустороннем мире, стало быть, возможно и иное. Как допустима там (а почему бы нет?) и чистая форма, отвлечённая от всякого содержания. В посюсторонней реальности подобной структуры не найти. Для последовательного экзистенциального реалиста это аксиома. Для венгерского философа, скорее, проблема – ибо «форма есть высший судья жизни» [3, с. 237]. Отсюда его неподдельный исходный интерес к *искусству*. Оно, однако, даже в кажущейся чистоте своих форм, в искусстве для искусства, отягощено, как выясняется, родимыми пятнами буржуазности. Надежды интеллектуала переключаются теперь на *историю*, которая – как будет разъяснено в работах марксистского периода – способна, дескать, преодолеть буржуазность и вывести нас к совершенным формам общественного бытия. Опасность превращения истории в отвлечённость, в динамичный земной аналог трансцендентности почему-то в должной мере во внимание не принимается. Хотя призадуматься сразу было над чем. Если Шекспир «глубочайшим образом аисторический драматург» [3, с. 236] – действительно, его выразительные натурные характеры практически вне времени и точно вне закона, – то так ли уж замечательна историческая сцена? Кто прохаживается по ней? По большей части – массы, деловые люди и восторженно-меланхолические чеховские барышни, пародирующие земную страсть. Не впечатляет...

Несмотря на соблазны имманентной трансцендентности, Лукач старается отвергнуть номиналистическую индивидуацию и эпифеноменальную ей систему слабых, коррелятивных связей между элементами сущего. Он по праву утверждает: «Взаимопринадлежность поддерживается в жизнеспособном состоянии лишь континуальностью...» [3, с. 166]. Тут, конечно, любопытно было бы взглянуть на оригинальный немецкий текст: буквально ли о *Kontinuität* идёт речь или используется всё же иная лексема? Но об этом чуть ниже. А пока констатируем: да, только в континуальном, не дробном сущем превращённые формы могут быть корректно идентифицированы как превращённые; а отчуждённые, соответственно, как отчуждённые. И ещё: расчётливость, корысть в человеческих отношениях начинает брать верх, когда рвётся ткань континуальности [см.: 3, с. 168]. Пожалуй. Или, что правдоподобнее, когда – в спекулятивных нуждах – сущее мыслится и культивируется с дырами и пустотами.

Но не от одной дискретности, всамделишной или выдуманной, ждать подвоха. И антиподы её не все хороши. В концептуальных ориентирах экзистенциального реализма кардинально различаются *континуальность* и *тотальность*. В континуальности нет лакун, не обязательна в ней и завершённость; при этом (как минимум) допустима рельефность, композиция внутренних границ. Тотальность асимптотически приближена к завершённости, статичной или динамичной, и к отсутствию внутренней структуры – не исключено, вследствие сплошной хаотизации, не отменяющей прорехи сущего, а лишь маскирующей их. Тотальность есть превращённая форма континуальности. Без экзистенциальной стойкости и сопротивления тотальность чередой состояний деградирует в сторону неразличения бытия и небытия (в постмодернистской пародии – к ситуации неразличения оригинала и копии) и далее – к культу ничто: от нигилистической неопределённости – к чистому нигилизму, от относительной отчуждённости – к абсолютной.

Утилитарно, политически тотальность проецируется в тоталитарность. Симптоматично, что в хрестоматийных описаниях тоталитарных движений и государств речь идёт, соответственно, об организации атомизированных, изолированных индивидов и «бесформенности» институций, проявляющейся в умножении служб

и дублировании функций [см.: 5], – иными словами, о феноменах дисконтинуальных. Метафизические симпатии к тотальности естественным образом, вполне логично перерастают в поддержку тоталитарной перестройки общества. Разумеется, связь эта зачастую глубокая и изысканная. И Люсьен Гольдман во многом прав, когда берёт под защиту Д. Лукача и М. Хайдеггера. Французский исследователь доказывает: оба философа связали себя с жёсткими политическими режимами, исходя из своих метафизических предпочтений, выказываемых *тотальному бытию*; «поэтому их ангажированность нельзя свести к рабской приверженности программе, требованиям и приказам политических вождей»; более того, оба обоснованно полагали, что «лучше понимают природу политических фактов, чем сами политические вожди»; наконец, оба достойно повели себя после падения гитлеризма и сталинизма, оказавшись «среди тех редких интеллектуалов, которые сохраняли и защищали свои прежние позиции, утверждая, что именно они понимали функцию этих диктатур лучше, чем большинство их сторонников...» [см.: 4, с. 91–93]. И, стоит добавить, чем большинство их противников.

Не подлежит сомнению, что идейная твёрдость несравнимо выше идеологической конъюнктуры. Отказ от публичного покаяния – мужской поступок; раскаяние напоказ – омерзительно. Сжигаемый перед телекамерой некогда вождельный партбилет в одном – позорном – ряду с провокационным поджогом Рейхстага и обскурантистскими кострами из книг. Зададимся, однако, вопросом: ответственна ли тотальность, приверженность ей, за тоталитаризм? И никуда не деться – ответственна! Объективистские отговорки и возражения здесь слабы. Онтологическая идея вербально оформляется и терминируется конкретным философом, пусть он и считает себя медиумом вселенского разума или всемирной истории. И если, как пишет Гольдман, Хайдеггер ловчее справляется с дуализмом субъекта и объекта, мысля *Sein* (в смычке с *Dasein*) там, где Лукач мыслит *Totalität*, то ставка экзистенциального реалиста на *континуальность* взамен *тотальности*, интуитивное доминирование первой над второй позволит философскому уму освободиться от чар тоталитарности, не впадая в антитоталитарное верхоглядство.

Касательно виртуальной реальности, в завершение кратко о ней, самое любопытное, думается, понять, превращённой и отчуждённой формой чего по преимуществу она является. Ответ автора: *виртуальная реальность*, отличная от содержания человеческого воображения, *есть неуместное воплощение несбыточности*. Бытийно (подлинно) сущее включает в себя несбыточность чего-то, не умаляя при этом в ценностном плане ни себя, ни что-то из того, чему не суждено сбыться.

Литература

1. *Лифшиц Мих.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 368 с.
2. *Мамардашвили М.* Превращённые формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс-Культура, 1992. – С. 269–282.
3. *Лукач Г. фон.* Душа и формы. Эссе / Пер. с нем. С.Н. Земляного. – М.: Логос-Альтера, ЭссеНото, 2006. – 264 с.
4. *Гольдман Л.* Лукач и Хайдеггер / Пер. с франц. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 293, [3] с.
5. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой и др. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

УДК 304.9

НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ НОВЫХ МЕДИА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЯВЛЕНИЯ

Федорова Жанна Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент

Казанского государственного энергетического университета,

г. Казань, e-mail: fedorova_zhanna_v@mail.ru

Аннотация.

Статья посвящена проблеме новых форм социальности, характеризующих современную информационную цивилизацию. Отмечается, что трансформация социальных связей связана с формированием нового типа медиа. Обосновывается положение о том, что современные медиа,

пришедшие на смену традиционным СМИ, изменяют сущность социального порядка и систему его ценностных ориентаций.

На примере визуальных форм коммуникации, в частности видеоблогинга, анализируются каналы становления новой социальности, отмечается специфика влияния видеоблогинга на характер общественной жизни. Подчеркивается, что социальная реальность подвергается деформации благодаря тяготению современного человека к визуальным (внешним) формам восприятия бытия.

Обеднение социальной реальности и лишение ее структур понятийного контекста обуславливает появление новых социальных конфигураций и форм со-общности, организующих особый статус субъекта данной социальной практики.

Ключевые слова: социальность, видеоблогинг, визуализация, коммуникация, медиасфера.

NEW SOCIALITY OF NEW MEDIA: PROBLEM FIELD OF THE PHENOMENON

Fedorova Zh.V.,

*Candidate of Philology, associate professor
of Kazan state power university, Kazan*

Abstract

The article is devoted to the problem of new forms of sociality that characterize modern information civilization. It is noted that the transformation of social ties is associated with the formation of a new type of media. It substantiates the position that modern media, which replaced the traditional media, are changing the essence of the social order and the system of its value orientations.

On the example of visual forms of communication, in particular video blogging, the channels of the formation of a new sociality are analyzed, the specifics of the influence of video blogging on the nature of public life are noted. It is emphasized that social reality undergoes deformation due to the attraction of modern man to the visual (external) forms of perception of being.

The impoverishment of social reality and the deprivation of its structures of a conceptual context leads to the appearance of new social configurations and forms of community that organize the special status of the subject of this social practice.

Keywords: sociality, video blogging, visualization, communication, media sphere.

Актуальность исследования обусловлена сосредоточенностью философии постмодерна на идее «смерти социального» рядом философских школ и направлений (Дж. Ватимо, Ф. Гваттари, Ж. Делезом, М. Фуко, Ж. Бодрийяром, Б. Латуром) как выражении «<...> конечности конкретно-исторических форм социального, в частности – кризиса современной, институциональной формы социальности» [1, с. 4], что говорит о переосмыслении и понятия общества в целом, и собственно характера социального [см.: 2]. Констатируем влияние информационной революции и сопутствующих ей паттернов. Трансформация социальных связей, действий, институтов и процессов актуализирует осмысление роли новых медиа и digital-коммуникации в ткани социальных отношений и ее влияния на характер социальности.

Отметим, что исследование носит междисциплинарный характер, так как концепт «медиа» входит в предметную область ряда наук, причем не обязательно социально-гуманитарного профиля. Интерес к медиа как к новой реальности, новой форме социальности, более того – новой форме бытия, свойственен различным областям научного знания. Характерен он и философии как особой модели познания мира, вырабатывающей систему наиболее общих характеристик, предельно-обобщающих понятий и фундаментальных принципов реальности.

В обосновании сущности информационной революции будем исходить из идей М. Кастельса, мыслившего ее как диалектический «скачок», обладающий потенциалом тотального преобразования реальности [3]. Информационная революция, по словам М. Кастельса, представляет собой «слоем» материального и духовного сегментов жизни общества: «Мы переживаем, – пишет он, – один из редких в истории моментов. Момент этот характеризуется трансформацией нашей «материальной культуры» <...> через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [4, с.49]. Информационная революция есть экспликация социального бытия: высокий уровень развития цифровых, сетевых, информационных, теле- и коммуникационных технологий, их повсеместное использование – это ее маркеры. Они предопределили новое состояние социальных отношений и процессов.

Системообразующей детерминантой социальной реальности становится информация. Как пишет М. Кастельс, «горизонтальные цифровые коммуникационные сети превратились в стеновой хребет нашей жизни, воплотившись в новой социальной структуре» [5, с. 10] – сетевом обществе. Порождением информационной революции и последующего за ней сетевого общества, обозначивших наступление цифровой эпохи, является и digital-человек.

Цифровая эпоха и «оцифровывание» человека меняют социокультурный ландшафт: новые медиа все более виртуализируют реальность, превращают ее мир «кнопочной культуры» [6, с. 43–44].

Одной из парадигм такой реальности является видеоблогинг. Основная площадка для его развития – видеохостинг youtube.com, а так же социальные сети (ВКонтакте, Instagram). Первый дает возможность вести блоги, которые длятся достаточное количество времени, вторые позволяют размещать небольшие ролики. В целом видеоблогинг можно охарактеризовать как публичную сетевую медиаплощадку в виде сборника видеоклипов, расположенных в обратном хронологическом порядке и объединенных личностью автора (видеоблогера). Видеоблог может быть личным дневником, лентой новостей, площадкой для комментирования текущих событий, сборником познавательных, развлекательных и даже обучающих материалов. Типологию блогов по содержанию исследовали разные авторы¹, так, например, Е.С. Сипко выделяет обучающее видео, видеобзоры товаров, многосерийные видеоролики, музыкальные видеоблоги [7, с. 24–27].

В современном медиапространстве существуют видеоблогеры с огромной – миллионной – аудиторией. Секрет популярности видеоблога – креативная подача информации, новизна контента, качественный юмор, неординарность позиции и личности автора. Посты просматривают / прослушивают десятки миллионов чело-

---

¹ См., например: Кузнецова Д.Д. Принципы работы с видеоблогами сг-системами при обучении переводу // Вестник Международного института рынка. – 2016. – № 1. – С. 165–172; Вахед Э.А. Современные технологии Интернета в расширении сознания о культуре туризма через сайт youtube // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. – 2016. – № 1. – С. 60–62; Белова Л.И. Российские спортивные видеоблоги и их типология // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – Т.11. – С.981–985.

век, образующих новый тип социальности – опосредованной виртуальной связи. Такая аудитория практически немислима для современной книжной, словесной культуры; такой авторитет – для писателя. Видеоблогеры становятся подлинными лидерами мнений, так как их голоса в буквальном значении – это голоса «простых людей».

Значит ли это, что скоро люди перестанут читать, а книги станут артефактом? Лишь красивой метафорой останется обозначение писательского труда как «букв на кончиках пальцев»? Можно ли уже констатировать «кончину» традиционного чтения, как это делает ряд авторов?¹ В конечном счете, подобные риторические вопросы сводятся к противостоянию концептов «буква – звук-изображение». И к ответу на вопрос: что нужно человеку цифровой эпохи для осмысления реальности как самости и себя как ее части – набор букв (текст) или видео– и звуковой ряд?

Трансформация социальной среды неизбежна – для обретения со-общности современному индивиду нет необходимости перемещаться в пространстве и времени, например, физически посещая определенные мероприятия, достаточно лишь обладать механизмом (гаджетом) и навыком для технического воспроизводства различных видов и форм общностей (чаты, комментарии, группы и т.п).

Видеоблогинг с его тяготением к визуальным аспектам может обеднить социальную реальность, лишая ее понятийного контекста. Однако если некоторое время назад пользователи выкладывали изображение без комментариев, так как была актуальна только картинка как внешнее и как форма: «важно не то, что есть на самом деле, а то, как оно выглядит: <...> конкурируют не тексты, не мысли, а картинки – телеролики, визуальная реклама» [8], то сейчас все чаще пишутся не только предложения или абзацы, но даже мини-рассказы и эссе, требующие участия и со-участия как

---

¹ См., например: Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ. Дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – 329 с.: Смеюха В.В. Возможности развития образовательных процессов: от чтения книг к общению в социальных медиа // Высшее образование XXI века. Материалы Международной научной конференции. – М.: Московский гуманитарный университет, 2015. – С. 101–106.

со-причастности. Видеоблогинг, таким образом, уже не сводится лишь к визуальности, в нем достаточно текстовой продукции. Экстраполяция словесной (понятийной) культуры переводит дихотомию «знак – звук-изображение» в тождественность, единую сущность бытия. Нельзя поэтому согласиться с тем, что медиапотребление становится очень коротким, а потребление больших текстов снижается. Ибо, как заметила Т. Гурова, в любом случае «ты должен собрать максимально полное описание того, о чем ты пишешь. Если ты не делаешь оценки – ты скучен, если ты делаешь оценку без полной информации, то ты навязчив», более того, «если вы что-то написали на бумаге, то вы за это должны отвечать. Если же написали в Интернете, то вы всегда можете исправить ситуацию. Это, естественно, порождает более легкомысленное отношение к тому, что происходит» [9]. Так, актуализируется идея и социальной ответственности медиа.

В мире современного информационного пространства идеи и смыслы создают идентичность, в свою очередь структурирующую социум.

Под идентичностью понимается процесс отождествления индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями его социальной среды, необходимость согласования «Я» и «Мы». Новые медиа культивируют релятивную идентичность, человек лишается своего субъектного начала: границы между «производителями» и «потребителями» информации нарушаются, индивид одновременно является автором, агентом и реципиентом.

Статус субъекта информационного общества дает возможность «соперничать» с информационными агрегаторами, агентствами и медиахолдингами, особенно в ситуации информационного вакуума или нереализованной потребности в информации о тех или иных событиях. Наблюдаем также «изменение функции аудиторрии, которая может самостоятельно создавать медийный контент» [10, с. 22] и порождать социальную практику, где субъект, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет способы жизнедеятельности самого себя.

Литература

1. *Терещенко Н.А.* Социальная философия после «смерти социального» / Н.А. Терещенко. – Казань: КФУ, 2011. – 370 с.
2. *Федотова В.Г.* Социальное в социологии и социальной философии сегодня / В.Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 22–38.
3. *Федорова Ж.В.* Информационная революция как трансформация бытия (проблемное поле явления) / Ж.В. Федорова // Революция и традиция. V Садыковские Чтения. Материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 16–18 ноября 2017 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 158–163.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. *Кастельс М.* Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: Изд-во Высш. школы экономики, 2017. – 591 с.
6. *Тарасенко В.В.* Человек кликающий: фрактальные метаморфозы / В.В. Тарасенко // Информационное общество. – 1999. – № 1. – С. 43–46.
7. *Сипко Е.С.* Популярность влогов в информационном пространстве России / Е.С. Сипко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Том 2 (68). – № 4. – 2016. – С. 22–28.
8. <https://www.business-gazeta.ru/news/397122> (дата обращения: 28.09.2019).
9. <https://www.media.kpfu.ru/news/master-klass> (дата обращения: 28.09.2019).
10. *Сипко Е.С.* Популярность влогов в информационном пространстве России / Е.С. Сипко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Том 2 (68). – № 4. – 2016. – С. 22–28.

УДК: 070

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

Цзэн Жун,

*доктор философии, профессор Гуандунского университета
международных исследований, постдокторант партийной школы
ЦК КПК (Китайская Народная Республика)
e-mail: zengrong@cass.org.cn*

Аннотация

В статье исследуется роль печатных средств массовой информации в распространении западной дипломатической мысли в Китае. Эти идеи пришли в Китай через Японию в начале XX века. По мнению автора, в прежних исследованиях этой проблемы акцент делался на анализе внутренней логики развития этого процесса, не уделялось должного внимания роли и значению печатных средств массовой информации, внесших большой вклад в развитие дипломатической мысли. Автор отмечает, что на формирование современной китайской дипломатии повлияли сложные внутренние и внешние исторические условия начала XX века. Однако важной предпосылкой возникновения современной китайской дипломатии явилось развитие национальной дипломатической мысли, во многом организованной работой китайских печатных средств массовой информации.

Ключевые слова: современные газеты, национальная дипломатия, средства информации.

MODERN NEWSPAPER MEDIA AND THE INTRODUCTION OF WESTERN NATIONAL DIPLOMATIC THOUGHT²

Zeng Rong,

*Ph.D., Yunshan scholar at Guangdong University
of Foreign Studies, postdoctoral researcher at Party School
of the CPC Central Committee, e-mail: zengrong@cass.org.cn*

Abstract

With the help of the newspaper media, modern Western national diplomatic thought passed through Japan to China. Compared with the previous research

---

¹ Статья написана при поддержке национального фонда общественных наук Китая (проект №) This paper is supported by the National Social Science Fund of China (Project Number: 19BJ032).

² This paper is supported by the National Social Science Fund of China (Project Number: 19BJ032).

methods of intrinsic developmental logic and academic inheritance, in this paper, the idea of Western national diplomacy is combined with the media of newspapers and periodicals, in order to grasp the historical context of the formation and development of Western national diplomatic thought, to explore the history process of Japanese national diplomatic thought in China with the introduction of the newspaper media, and to reveal the historical setting for the concept of Chinese national diplomacy in the origins of the press reviews. The introduction of Western national diplomatic thought from the perspective of the modern newspaper media, which showed the formation and construction of the newspaper media communication network, reflected the position and function of the press and media being in the process of transformation from the traditional to the modern era.

Keywords: Modern Newspapers; National Diplomacy; Media; Introduction

In the history of Western learning being introduced into China through the earliest mass media, it is evident that the role and influence of newspaper media became increasingly prominent. Especially with the rise of folk newspapers and periodicals in the late Qing Dynasty, a disseminating network of newspapers and periodicals has been gradually formed. In the introduction of the modern newspaper media, Western national diplomatic thoughts passed through Japan to China. Indeed, the late Qing Dynasty was undergoing a major transformation period of knowledge and establishment. Within this background, Western nationalistic diplomatic thoughts were imported into China as well through the propagation of newspapers, which had profound impact on the deep-seated China.

Introduction

Firstly, as we can see from Wikipedia, ‘the definition of diplomacy is the art and practice of conducting negotiations between representatives of states’. This usually refers to international diplomacy, the conduct of international relations through the intercession of professional diplomats with regard to issues of peace-making, trade, war, economics, culture, environment, and human rights. International treaties are usually negotiated by diplomats prior to endorsement by national politicians. In an informal or social sense, diplomacy is the employment of tact to gain strategic advantage or to find mutually acceptable solutions for a common challenge, with one set of tools being the phrasing of

statements in a non-confrontational or polite manner. It is obvious that the scholarly discipline of diplomacy, dealing with the study of old diplomatic documents, derives its name from the same source, but its modern meaning is quite distinct from the activity of diplomacy.

Eytan Gilboa published the article *Diplomacy In The Media Age: Three Models Of Uses And Effects* on Oct 19, 2007, which offered three conceptual models to promote systematic research into the uses of the media as a major instrument of foreign policy and international negotiations—namely, public diplomacy, where state and non-state actors use the media and other channels of communication to influence public opinion in foreign societies; media diplomacy, where officials use the media to communicate with players and to promote conflict resolution; and media-broker diplomacy, where journalists temporarily assume the role of diplomats and serve as mediators in international negotiations. The first two models, while previously defined, undergo serious revision in this study. The third model is new. This article demonstrates the analytical usefulness of the models through applications of various examples and case studies of significant contemporary diplomatic processes [1].

Secondly, we learn from Wikipedia that ‘the definition of mass media is a diversified collection of media technologies that reach a large audience via mass communication’. The technologies through which this communication takes place include a variety of outlets, such as broadcast media, digital media, outdoor media, print media, etc. Print media transmits information via physical objects, such as books, comics, magazines, newspapers, and pamphlets. Mass media encompasses much more than just the news, and it can and is used for the advocacy of social concerns which includes propaganda, public relations, and political communication, as well as for public service announcements or emergency alerts, which may be used as a political device to communicate propaganda to the public. As we can learn from the article of the agenda-setting function of mass media, is that in choosing and displaying news, editors, newsroom staff, and broadcasters play an important part in shaping political reality. Their readers learn not only about a given issue, but also how much importance to attach to that issue from the amount of information in a news story and its viewpoint. In reflecting what candidates are saying during a campaign,

the mass media may well determine the important issue that the media may set the “agenda” of the campaign [2].

In the past, research on the history of modern mass media has focused on the development of internal logic and academic inheritance, and has paid less attention to the historical conditions of the formation of the newspaper media network, the value orientation of comments by intellectuals and elites in newspapers and the evolution of ideological connotation and denotation [3]. However, by combining the concepts of Western national diplomacy with the newspaper media, we can grasp the historical context of the formation and spread of the concepts of Western national diplomacy, explore the historical input process of Japanese national diplomacy into China with the help of newspaper media, and reveal the historical background of the concept of Chinese national diplomacy derived from the review of newspaper media.

Formation and Transmission of Western National Diplomatic Thought

In Western literature, the earliest use of term ‘diplomatic’ appears towards the end of seventeenth century. In 1693, Leibniz's book, *Codex Juris Gentium Diplomaticus*, used the word *Diplomaticus*. In 1726, Dumont’s book, *Corps Universel Diplomatique du Droitdes Genus*, used the word *Diplomatique* [4]. The use of these words, *diplomaticus* and *diplomatique* was, in fact, the beginning of the application of diplomatic terms, but at that time the meaning did not include external negotiations, but referred to type of file that was used for official diplomatic documents [5]. Although, in the early seventeenth century, Western countries formed the concept of diplomacy, the actual emergence of the concept of national diplomacy evolved over a long historical period.

In the nineteenth century, the expression ‘national diplomacy’ was found in Europe and the United States. However, from analysis of the document *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States in 1896*, we found that national diplomacy was not a concept of diplomacy between the people, but between nations [6, p. 43]. In fact, with the historical evolution of vocabulary, European and American scholars generally spread the concept of national diplomacy through the following process:

In 1915, British political scientist, Arthur Ponsonby, proposed the expression ‘Democratic Control of Foreign Policy’ in the book *Democracy and Diplomacy: A Plea for Popular Control of Foreign Policy* [7]. In the same year, the famous American political commentator, Walter Lippmann proposed the expression of Democratic Diplomacy in his book, *Stakes of Diplomacy* [8]. In 1916, American political scholar, Lindsay Rogers, proposed the expressions ‘Popular Control of Foreign Policy’ and ‘Parliamentary Control of Foreign Affairs’ in his paper, *Popular Control of Foreign Policy: A Review of Current Literatures* [9, pp. 507–515].

In 1921, Dr. Xiaoshi Jiji, a Japanese Doctor of Jurisprudence, translated Arthur Ponsonby's book (mentioned above), and renamed it *Democracy and Diplomacy* [10]. In the same year, the British historian, James Bryce made a speech in the United States, in which he described the term National Diplomacy as ‘Popular Control of Foreign Policy’ and ‘Democratic Control of Foreign Policy’. His speech was published by the Macmillan Company in 1922 [11]. In 1923, Zhong Jianhong translated this speech, and published the book *International Relations Theory* with the Commercial Press [12].

In addition, the famous Japanese international jurist, Xinfu Chunping, was studying international law and diplomatic history from Youhe Changxiong in 1905. With the publication of the book, *The Foreign Political Oversight and Diplomatic Organization*, he proposed the expressions of ‘National Diplomacy’ and ‘People's Diplomacy’ [13]. Subsequently, people using the expression ‘National Diplomacy’, possibly had some connection with this book. In 1949, James Marshall, who served in United States Commission for UNESCO, proposed the expression ‘Citizen Diplomacy’, which was clearly different from the previous expression of ‘National Diplomacy’ [14, p. 83-90].

With the understanding of the connotation of western national diplomacy, Youhe Changxiong published the book *Modern Diplomatic History* in 1898, which discussed the transformation of the modern history of Japan from Monarchist Diplomacy to National Diplomacy, with perspective on the history of international relations and diplomacy. He then founded the journal, *Diplomacy Times*, and published the articles *Secret Diplomacy Theory*, *National Diplomacy* and *Diplomatic Bureaucracy* in the *Diplomatic Times*. In these articles,

Youhe Changxiong systematically expounded the concept of National Diplomacy in Japan, and with newspaper media propaganda, the concept of national diplomacy was spread effectively. According to his research, the Japanese concept of national diplomacy refers to the national spirit, but not by a majority of political diplomacy [15]. In 1903, Onotsuka Kiraji's book, *Outline of Political Science*, was published by the Tokyo Bowen Press [16]. According to research Onotsuka Kiraji's research, national foreign policy must be centered on the people. This was mainly manifested in two aspects: firstly, the driving force of foreign policy was the people; secondly, the focus of foreign policy was the people. Onotsuka Kiraji's viewpoints were soon reprinted by the newspaper media, and this gradually formed a media network of spreading and introducing the concept of Western national diplomacy.

Newspaper Media and the Introduction of Japanese Diplomatic Thought

From current literature, the emergence of the expression 'National Diplomacy' in China originated from the spreading and introduction of Japanese diplomatic perceptions. Before, and after the twentieth century, Youhe Changxiong, Onokazuka Hirayasu, Fukuzawa Yukichi, and Tiantian Shouyi systematically expounded the concept of National Diplomacy, which aroused the attention of Liang Qichao and Chinese students studying in Japan. After accepting this theory of national diplomacy, which was full of internal and external problems, they introduced it into China which was full of internal and external problems with the help of the newspaper media.

In 1854, Japan was forced to open its doors to the outside world. Subsequently, dramatic changes took place in Japan, and the need for Japanese participation in politics and diplomacy increased. In order to enhance the Japanese understanding of countries around the world, as well as to improve the ability of national participation in diplomacy, Youhe Changxiong founded the journal *Diplomatic Times* in 1898 [17, pp. 52-63]. Youhe Changxiong was known as the ancestor of Japan's diplomatic history, and the *Diplomatic Times* immediately had a great impact on the Japanese community and became the center of the Japanese diplomatic forum, which then caused widespread concern in the international community [18, pp. 21-28].

In March 1898, Youhe Changxiong published the article *On Secret Diplomacy in the Diplomatic Times*, which advocated that Japan was in an era of transition from bureaucratic diplomacy to national diplomacy, and debated that national diplomacy referred to the national spirit as the driving force of diplomacy, rather than following the political majority at that time [19, pp. 36-37]. Thus, Japan's concept of national diplomacy was formally put forward.

On February 10, 1900, *Ch'i-ji-pao* published the article *Qing Dynasty and the World's Security*, which was written by Tiantian Shouyi, a Japanese Doctor of Jurisprudence. Although he did not mention the concept of national diplomacy, he gave a brief introduction of the background and meaning of European national diplomacy [20, pp. 5-12]. On March 11, the article, *An Overview of World Diplomacy in the Nineteenth Century*, was published by Youhe Changxiong in *Ch'i-ji-pao*, in which Youhe Changxiong took the concept of nationalism as the viewpoint to examine the international diplomatic situation, and stressed the importance of a nationalist ideology for the diplomacy of European countries in the 19th century. Youhe Changxiong said that although Napoleon advocated nationalism in 1848, it could not be effectively implemented. In comparison, Bismarck carried forward nationalistic ideas. He called on the people of the country to uphold nationalism in the Vienna Association, and sought German unification. Nationalistic feelings in European countries were so important that people there considered the 19th century as the era of nationalism [21].

Ten days after the publication of the above article, another article which was translated from the *Diplomatic Times* claimed that all countries in the world were trying to avoid war and pursued peace. They believed that 'when diplomacy fails, the interests of the nation are the most important thing' [22, pp. 12-19]. It is evident that the article expounded the important connection between Western nationalism and diplomacy.

On December 6, 1900, the journal called the *Translation Book* was founded in Tokyo. As one of the earliest journals founded by students studying in Japan, the *Translation Book* was praised as the start of periodicals founded by international students, which aimed to introduce European and American ideology and culture to the Chinese people

for the purpose of reprinting the famous works of law and politics in Europe and the United States [23, p. 55].

On August 28, 1901, the translation of Youhe Changxiong's book, *Recent Diplomatic History*, was published in the Translation Book, which introduced Youhe Changxiong's unique insights of the relationship of modern Western nationalism and diplomacy, and advocated that so-called nationalism was not determined by the virtue of diplomatic skills, not limited by sovereignty, but by national qualifications [24, pp. 21-32]. In the face of the complicated and changeable international situation, it was reasonable for modern Western countries to emphasize nationalism in their foreign relations, which reflected the complex historical background of the emergence of national diplomacy.

After nearly a year and a half, the journal of Zhejiang Tide was founded in Tokyo by the Association of Zhejiang Province on February 17, 1903. The editors were Sun Yizhong, Wang Jiaju, Jiang Zhiyou, Jiang Fangzhen, Ma Junwu, and others [23, p. 269]. On May 16, an article in Zhejiang Tide claimed the influence of public opinion on diplomacy in Europe and America, which advocated that either economic issues or colonial policy, or imperialism in modern European and American countries, must obtain the support of the people, so it could be defined as the overall diplomacy of the nation. Especially with the increase in in the development of modern media, the influence of public opinion on diplomacy in Europe and America continued to increase. Therefore, it was necessary to consider public opinion before formulating a foreign policy. At the same time, the newspaper had become an important body of public opinion, so they became known as the newspaper diplomats in Europe and America [25, pp. 23-27]. Obviously, the diplomatic drive and reasoning together with the overall national diplomacy mentioned in the article was an important factor of the national diplomatic concept.

From the above-mentioned investigation, we can draw the following conclusions: With the introduction and distribution of the newspaper media in the late nineteenth century and the early twentieth century, the Chinese people's understanding of Western civilization's diplomatic concepts and the whole of Western society has been greatly influenced by Japan. In fact, by analyzing existing literature, we find that the emergence of the concept of national diplomacy in China was indeed with the help of the newspaper media.

Newspaper Comment and the Emergence of China's National Diplomacy

As mentioned above, in March 1898, Youhe Changxiong published the article On Secret Diplomacy in the Diplomatic Times, which formally put forward the concept of Japanese national diplomacy. It is interesting to note that the article caught the attention of China's journal, the Diplomatic Daily. On September 6, 1903, a review with the title of "Diplomacy Can Not Be Secret" published on *Diplomatic Daily*, which advocated that national diplomacy was finding national interests, and based on national comprehensive strength. So, what is the purpose of national diplomacy? To improve the quality of the people. What is the capacity? The people are united as one. In this sense, the people and diplomacy are inseparable [26].

This is the first time in domestic literature that the record of national diplomacy is seen. It is noteworthy that this review in the Diplomatic Daily was translated from Youhe Changxiong's article, which proved once again that the emergence of the Chinese concept of national diplomacy had been influenced by Japan. Shortly after the official publication of the review, it attracted the attention of the Chinese and the Foreign Daily, the Lujiang Daily and other major newspapers, all of which reproduced this article separately. As a result of the translation and introduction, the concept of national diplomacy was seen in newspapers and periodicals all over China. With the worsening of the situation in China, the Chinese people's understanding of national diplomacy deepened further.

Seven days later, the Journal of Politics and Law was founded by the students of Jiangsu and Zhejiang provinces who were studying in Japan. A review titled "The Future of China's Diplomacy" was published, which highlighted national diplomacy in Europe and the United States, and emphasized that national diplomacy should use the national spirit as a driving force to maintain national rights, and that was the situation worldwide. At the same time, it discussed the important relationship between the newspaper's public opinion and the concept of national diplomacy, advocating that public opinion could support diplomacy. This review also advocated the popularization of national diplomatic understanding and the cultivation of diplomatic ability, and promoted that we should start with national participation in diplomacy in order to

save the country. Therefore, it is imperative to cultivate diplomats and to understand the important issues of diplomacy, and in doing so, we can achieve true national diplomacy [27].

Subsequently, another review was published in the journal, *Politics and Law*, which examined, in detail, the basic meaning of Western national diplomatic thought, emphasizing the importance of cultivating ordinary citizens' understanding of participation in diplomacy, and believed that the meaning of national diplomacy lies in diplomatic policies which are backed by nationals; the success or failure of diplomacy depended on the strength of public opinion, and the government was only a diplomatic agent, but also in the control of public opinion, which was the practice in Europe. In the early years of the Meiji Dynasty in Japan, Fukuzawa Yukichi and others strongly advocated the popularization of national diplomacy, and promoted that the greater the knowledge of national diplomacy, the greater the impact of public opinion on the government. The government would then profoundly recognize the important role of national diplomacy, and would, therefore, gain the support of the people as the power of diplomacy.

After the presentation of the concept of national diplomacy in the *Diplomatic Daily*, an article was published with the title, *A New State View in International Law*, which introduced the historical background of the formation of national diplomacy in Europe, and advocated that European countries overcame sovereign diplomacy in the eighteenth century. What the monarchies of these countries did was a private matter – the cession of land to foreign countries, was seen as a monarch's private gifts, and the people could not interfere. In the nineteenth century, the people of European countries began to slowly and carefully advocate for national diplomacy, believing that the state was not the private matter of the monarchy. If the monarchy was detrimental to national requirements, all the citizens would rise against this, and the treaty concluded between the monarch and others would also be cancelled [28].

On March 9, 1904, a review with the title, *Introduction to Foreign Policy*, was published in the *Northern Government News*, which was a newspaper sponsored by Yuan Shikai. The review mainly introduced the Japanese political scholar, Ogino Matsuka Hiroshi's book, *Political*

Science, which advocated that the state's foreign action should be driven by all the people, not just one or two diplomats to decide on its success or failure. It stated that safeguarding national interests is the ultimate goal of diplomacy, so the right of diplomatic supervision is with the people, and diplomats should also be skilled at using public opinion for diplomatic support. At the same time, the review emphasized that the so-called nationals were all people, not one or two people [29, pp. 17-23]. It should be noted that the Northern Government News was the earliest and most influential local government newspaper in the late Qing Dynasty. The above-mentioned remarks indicate that the concept of national diplomacy had attracted the attention of some local officials of the Qing government.

After the closure of the National Daily newspaper, the journal, called Mainland, was founded by Ji Yuancheng, who returned to Shanghai from Tokyo, with the purpose of enhancing the people's national consciousness. According to the book, Revolutionary History, which was published by Fen Ziyou, after the closure of the press of the National Daily, Ji Yuan Cheng and others in Shanghai issued the journal, Mainland in 1902, and hired Qin Lishan, Yang Tingdong, Lei Fen, to serve as authors, and to vigorously promoted the idea of reform. So, in effect, the journal continued the mission of the National Daily.

Quite coincidentally, on October 8, 1905, an article entitled Introduction to Foreign Policy was published in the Mainland, which gave a more detailed exposition on the meaning of Western national diplomacy, and advocated that the country's foreign policy must be national-centered, and include two aspects: firstly, the driving force of diplomacy is the people; secondly, the focus of diplomacy is the people. For this purpose, they felt that public opinion and foreign policy should be made consistently, and that the government should take public opinion as a backup, and only in doing so could diplomatic success be achieved. On the other hand, the purpose of diplomacy was to safeguard the people's interests. It is worth mentioning that the above content is the same as Ogino Matsuka Hiroshi's viewpoint in the book, Political Outline. According to the order of publication times, we can conclude that the article published in the Mainland was translated from the book, Political Outline, which the author did not explain.

In addition, following the first mention of the concept of national diplomacy, several articles published in the Diplomatic Daily discussed the basic content of Western national diplomacy. On December 11, 1905, a review titled “The Relationship Between National and Diplomacy” suggested that the state was composed of the people, that state diplomacy was the people's diplomacy, but that the people could not participate in diplomacy individually, so they elected diplomats as agents, and diplomats should represent the interests of the people to implement national policy [30, pp. 18-24]. On November 11, 1906, the review with the title, On the National Knowledge of Foreign Diplomacy, was published in the Diplomacy Daily, which discussed the public and private laws of European and American diplomacy. But the Chinese people did not know anything about this, and were passive in regard to diplomacy, so there was a need to popularize diplomatic understanding with the Chinese people [31, pp. 27-33]. On December 9, 1907, a review with the title, Diplomacy Should Be National was published in the Diplomacy Daily which asked the questions “What is the main body of diplomacy?” The answer was all the people. “What is the purpose of diplomacy?” The answer was to protect the interests of the people [32, pp. 18-25].

In October 1907, for the purpose of promoting the constitutional ideas of the people, and cultivating national constitutional consciousness, Jiang Zhiyou founded the journal, Political Theory in Tokyo. On November 15th, he published a review entitled The Diplomacy of the People, which gave a detailed description of the history of the reasoning of Western national diplomacy, and suggested that the diplomacy of Western countries was driven by the people. China had already announced its constitutionalism, so Chinese diplomacy should represent not only the government's interests, but also the people's. He further suggested that the formulation of foreign policy should be based on national opinion, and the action of diplomacy should also be based on the people's support. It should be noted that, in the last part of the article, he admitted that his viewpoints came from the book, Political Science, which was published by Ozuka Hiroshi [33, pp. 21-26].

It is necessary to add that, in June 1909, when Youhe Changxiong published the article, Foreign Diplomacy and Bureaucratic Diplomacy in the Diplomatic Times, he proposed the government's obligation

to represent national diplomacy [34, pp. 70-82]. Shortly after the publication of the article, it was reprinted by the Diplomatic Daily, and the number of articles on national diplomacy in Chinese newspapers and periodicals increased rapidly [35. Pp. 32-41].

In short, from the above study, we are able to establish that the concept of national diplomacy transformed from Japan to China, and that newspapers and periodicals played important media roles. Japanese scholars made a systematic exposition of national diplomacy, and Chinese students in Japan and Liang Qichao and others translated and introduced it to the Chinese people, so that the concept of national diplomacy was promoted in Chinese newspapers and periodicals in the early twentieth century. With the situation of internal and external troubles at that time in China, the introduction of the concept of national diplomacy by the press will undoubtedly have had an important influence on the thinking and actions of the Chinese people's participation in diplomacy.

Conclusion

The main function of the press is to spread ideas and educate the public, especially in the periods of change in information and systems in modern China. Therefore, the function of communication and education by the newspaper media became more apparent. In this context, the concept of Western national diplomacy spread from Japan to China which was facing internal and external difficulties. The study of the historical process of the introduction of modern national diplomacy by modern media can be described in the following two characteristics:

On the one hand, with the help of the newspaper media, modern Western national diplomatic thought passed through Japan to China, by means of a newspaper media communication network. The entry of modern national diplomatic thought into China was in the context of the wave of world colonialism. Since the nineteenth century, the rapid development of the free national movement in modern Western countries has been centered on nationalism, and the overseas colonial expansion of the imperialist countries produced the concept of diplomacy, which was based on the principle of mutual interest. In this context, the concept of national diplomacy formed in the modern Western countries.

In Japan, the Meiji government constantly learned from and absorbed the ideology and culture of Europe and the United States in the process of modernization. Youhe Changxiong reinterpreted the

concept of national diplomacy, and constructed the theory of national diplomacy systematically. Youhe Changxiong's theory of national diplomacy was published in the Diplomatic Times, and immediately attracted the attention of Chinese students in Japan, and Liang Qichao and others. At that time, a large number of newspapers and journals constantly translated or reprinted the views of Western national diplomatic thought, through journals such as the Diplomatic Daily, Politics and Law, Mainland, Zhejiang Tide etc., thus forming a tight and complex newspaper media network.

On the other hand, in the face of internal and external troubles, the emergence of national diplomacy in China was within a special historical environment, which provided an important condition for the formation of the newspaper media network. An important prerequisite for the emergence of modern Chinese national diplomacy is the continuous formation of national thought and the rise of national participation in the diplomatic movement in times of crisis. At that time, people began to rethink national consciousness which had not appeared before in traditional Chinese society. With the outbreak of the Anti-Russian Movement in 1901, under the encouragement of Liang Qichao and others, the people gradually realized the national concept and the right consciousness when they took part in the exclusionary movement. During this period, while the Chinese people were increasingly involved in the development of diplomatic consciousness, the concept of Western diplomacy was also accepted by the Chinese people. Both of these factors had an important impact on the concept of diplomacy for the modern Chinese people, and played an important role in the formation of the newspaper media network, and ultimately contributed to the emergence of Chinese national diplomacy.

It is to be noted that, in the context of the transformation of modern Chinese information and systems, the Western concept of national diplomacy was introduced to the Chinese people. It guided and mobilized the Chinese people to participate in diplomacy through the influence of the press social media and public opinion, and had an important impact on governmental diplomacy, and even modern Chinese history, and thus the concept of national diplomacy reconstructed under the changing situation in China.

References

1. *Eytan Gilboa*. (2007) Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects. *Diplomacy & Statecraft*: 12:2, pp 1–28.
2. *Maxwelle*. (1972) The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 36:2, pages 176–187.
3. In 1963, from the perspective of universal knowledge of international law and diplomatic knowledge, the Japanese scholar Kondo Chunxiong's paper elaborated the role and significance of the League of Nations in promoting national diplomacy before and after World War II. (*Kondo Chunxiong, On national diplomacy*, National Evening, No. 42 (July, 1963):18–23.) In 2008, Zhou Bin's paper discussed the emergence of the concept of modern Chinese national diplomacy, argued that is not only the realistic needs of the Chinese people for seeking independence and self, but also influenced by Japan. (*Zhou Bin, The formation and meaning of the term national diplomacy at the end of the Qing Dynasty and the beginning of the Republic of China*, Anhui history, No. 5 (May, 2008:21–26.)
4. *Satow, Ernest Mason. A guide to diplomatic practice*. London: Longmans, Green and Co. 1957, P. 2–3.
5. *Yang Zhenxian, Principles of Diplomacy*, Shanghai: The Commercial Press, P. 1.
6. Message of the President, December 7, 1896, Paper Relating to the Foreign Relations of the United States, 1896, P. 43.
7. *Arthur Ponsonby, M. P., Democracy and Diplomacy: A Plea for Popular Control of Foreign Policy*, London Methuen & Co., 1915. P. Xiii, 198.
8. *Walter Lippmann, Stakes of Diplomacy*, New York: Henry Holt and Company, 1915. P Vii, 235.
9. *Lindsay Rogers. Popular Control of Foreign Policy: A Review of Current Literatures*, The Sewanee Review vol. 24, no. 4 (Oct 1916): 507–517.
10. *Xiao Shi Ji Ji, Democracy and Diplomacy*, Tokyo: Tokyo Guangwen Press, 1921.
11. *James Bryce, International Relations: Eight Lectures Delivered in the United States in August, 1921*, New York: Macmillan Company, 1922.

12. *Zhong Jianhong*, International Relations Theory, Shanghai: The Commercial Press, 1923.
13. *Xinfu Chunping*. The Foreign Political Oversight and Diplomatic Organization, Tokyo: Japan review press 1926.
14. *James Marshall*. International Affairs: Citizen Diplomacy, The American Political Science Review, Vol. 43, No. 1 (Feb, 1949):83-90.
15. *Youhe Changxiong*, Modern Diplomatic History, Tokyo: Tokyo School Publishing Department, 1898.
16. *Onotsuka Kiraji*. Outline of Political Science, Tokyo: Tokyo Bowen Press, 1903.
17. *Ito Nobuyuki*. The Japanese in the first half of the twentieth century and the journal of Diplomatic Times, Songshan University Proceedings, vol. 20, No. 1 (April 2008): 52–63.
18. *Nobuyuki Junping*. Seven year anniversary of the death of Dr. He Changxiong, Diplomatic Journal of International Law, Vol. 20, No. 6(1921):21–28.
19. *He Changxiong*. On Foreign Secret, *Diplomatic Times*, No. 2(March 1898):36–37.
20. *Tim Tian Shouy.*, The security of the country and the world, *Ch'i-ji-pao*, Vol 35(Feb 10, 1900):5–12.
21. *He Changxiong*. The 19th century diplomatic list, *Ch'i-ji-pao*, Vol. 39 (March 21, 1900):7–16. The article was later reprinted by China's Journal, *The Diplomatic Daily and Economic Series*.
22. On Civilization War, *Ch'i-ji-pao*, Vol. 38 (March 11, 1900):12–19.
23. *Ding Shouhe*. The Revolution of the 1911 period (Episode 1), Beijing: People's Publishing House, 1982, P. 55.
24. *He Changxiong*. Recent diplomatic history, Translation Compilation, Vol. 8 (August 28, 1901):21–32.
25. On the forces of Europe and the United States and its organization, *Zhejiang Tide*, No. 4, (May 16, 1903):23–27.
26. Diplomacy Can Not Be Secret, *Diplomatic Daily*, No. 55 (September 6, 1903):13–19.
27. *Long Chuan*. The future of China's diplomacy, *Journal of Politics and Law*, (September 13, 1903):25–31.
28. The new national concept of international law, *Zhejiang Tide*, No. 9 (November 8, 1903):16–25.

29. Introduction to Foreign Policy, Northern Government News, (March 9, 1904):17–23.

30. The Relationship between National and Diplomacy, Diplomatic Daily, No. 130 (December 11, 1905):18–24. The article was later reprinted by China's Journal Oriental magazines and Shen Daily.

31. On the National Knowledge of Foreign Diplomacy, Diplomatic Daily, No. 160 (November 11, 1906):27–33. The article was later reprinted by China's Journal of Oriental magazines.

32. Diplomacy Should Be National, Diplomatic Daily, No. 196 (December 9, 1907):18–25.

33. *Jiang Zhiyou*. the Era of National Diplomacy, Political, No. 2 (November 15, 1907):21–26.

34. *He Changxiong*. National diplomacy and bureaucratic diplomacy, Diplomatic Times, No. 139 (June, 1909):70–82.

35. On the distinction between national diplomacy and bureaucratic diplomacy Diplomatic Daily, No. 253 (September 9, 1909):32–41.

УДК 165.32, 167.7

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Шалагина Гульнара Эдуардовна,

*к.ф.н., доцент, доцент кафедры
философии и истории науки КНИТУ,
e-mail: galanova@rambler.ru*

Шалагин Сергей Викторович,

*д.т.н., доцент, профессор кафедры
компьютерных систем КНИТУ-КАИ,
e-mail: sshalagin@mail.ru*

Аннотация

Рассмотрены социально-философские аспекты информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), связанные как с социальной реальностью информационного общества, так и с особенностями постнеклассической научной парадигмы (гуманитаризацией естествознания). Дан обзор двух подходов к технике: «пессимистического» и «оптимистического». Рассмотрено влияние экономических условий неолиберального

капитализма на практику технического творчества, с одной стороны, и на общественную мораль, с другой. Рассмотрены перспективы развития ИКТ, связанные с экологическими вызовами постсовременности.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, гуманитаризация естествознания и технических наук, постнеклассическая наука, постмодерн, информационное общество, инновационизм, транзиторная этика, счастье, инфохимия.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE MIRROR OF SOCIAL PHILOSOPHY

Shalagina G.E.,

Ph.D., Associate Professor of

Kazan national research technological university, Kazan

e-mail: galanova@rambler.ru

Shalagin S.V.,

Doctor of Technical Science, docent, professor

of Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev,

e-mail: sshalagin@mail.ru

Abstract

The socio-philosophical aspects of information and communication technologies (ICT) related to both the social reality of the information society and the features of the post-non-classical scientific paradigm (the humanitarization of natural science) are considered. A review of two approaches to technology (“pessimistic” and “optimistic”) is given. The influence of the economic conditions of neoliberal capitalism on the practice of technical creativity, on the one hand, and on morality, on the other, is examined. The prospects of ICT development related to the environmental challenges of postmodernity are considered.

Keywords: information and communication technologies, humanitarization of natural and technical sciences, post-non-classical science, postmodern, information society, innovationism, transitive ethics, happiness, infochemistry.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) сегодня исследуются и в информатике, и в социогуманитарных науках (примеры приводились в печати [1; с. 155, 160–162]). Среди причин междисциплинарного интереса к ИКТ первая – социальная реальность информационного общества. Сегодня результаты

компьютерного моделирования и проектирования быстро внедряются в практику и влияют на повседневные паттерны поведения и мышления. Технологии формируют нового человека, вплоть до телесности, рассмотренной с позиций трансгуманизма. Вторая причина междисциплинарного подхода к ИКТ – возрастание в постнеклассической науке роли технических и информационных наук и в то же время привнесение в естествознание методов гуманистики.

Это явление исследуется в отечественной традиции в терминах гуманитаризации естественных и технических наук [2, с. 53], а несколько в ином контексте упоминается и в зарубежных источниках [3, с. 99–101]. Гуманитаризация естествознания осуществляется посредством технических/технологических наук, которые традиционно рассматриваются как прикладной аспект естествознания. Однако именно указанные науки в большей степени «выдвинуты» в социум, являясь проводником гуманитарной составляющей в «жесткое ядро» наук о природе.

Технические науки, будучи близкими к естествознанию, имеют особый статус наук о материальной природе. Предмет естествознания (природа) каузирует объективистскую, материалистическую методологию, в то время как науки социальные (об обществе), гуманитарные (о продуктах духовного производства, культуре) и технические/технологические (о созданных человеком устройствах и методах их применения) разворачивают нас к ментальной, идеологической компоненте реальности. Если в случае смещения технического исследователя на методологические позиции естествознания происходит *натурализация* результатов компьютерного моделирования и проектирования, то это уводит и рядового пользователя программного обеспечения, и технического исследователя от понимания истинной природы сложных технических объектов. В современной цивилизации при главенстве антропоного фактора природа утрачивает статус «объективной реальности», являясь «окружающей средой», суммой природы и человеческого вмешательства в нее. Социально-философское изучение ИКТ предполагает осмысление места и роли информатики в постмодерной культуре, исследование новейших технических разработок с точки

зрения их влияния на статус и природу человека в грядущей инфосоциальной реальности 5.0.

В осмыслении значения ИКТ для будущей судьбы человека при всем многообразии подходов выделим две противоположные позиции. Первая, «пессимистическая», принадлежит В.А. Кутырёву, феноменологическому консерватору, философу археоавангарда, критику трансгуманизма. Вторая, «оптимистическая» принадлежит М.Н. Эпштейну, автору идеи трансформативной гуманистики и проективного мышления.

По В.А. Кутырёву, «современная наука, «физика», сближаясь с информатикой, превращается в «техносайенс» [4, с. 7]. Если пустить на самотек этот процесс, когнитизация и технологизация подавит смысловое начало в человеческом сознании [4, с. 41], поэтому нужно уравновесить техницистское робототехническое мировоззрение здоровым консерватизмом.

Согласно М. Эпштейну, гуманитарии постмодерна находятся в уникальной ресурсной ситуации, которая сближает гуманитарные и технические науки. Если в предшествующие эпохи существовали теоретические дисциплины, «созерцающие», «рассматривающие» свой предмет, то в XXI веке, в силу меньшего временного зазора между предметом и воздействием на него человека, формируется ситуация, когда теория предсказывает и творит свой предмет, а не задним числом его осмысливает [5]. Эта ситуация приводит к формированию техногуманистики и является предпосылкой проектирования онтотехники (креативных онтологических сред).

Социально-философское рассмотрение ИКТ предполагает социально-экономический контекст. Например, причины когнитивных проблем компьютерного моделирования и проектирования зачастую носят не технический, а социально-экономический характер [6]. В автоматизированном проектировании как технических, так и естественнонаучных объектов в конце XX – начале XXI вв. усилился «оптимизационный подход» [6, с. 369], возросшая актуальность которого связана с усилением модернистской идеологии: от создателей объектов проектирования (ОП) требуют, чтобы новое поколение ОП было дешевле по себестоимости и в большей степени удовлетворяло требованиям современной структуры спроса.

В неолиберальном капитализме главная цель инноваций – увеличение объема оборота денежных средств. Сменяемость поколений технических устройств зачастую продиктована внешней экономической, а не внутренней научно-технической задачей, тем более не витальными или экзистенциальными потребностями человека. Устаревание технических устройств подчас создается для увеличения спроса на продукцию, ведь чтобы иметь статус «инновационного» производства, предприятие должно не реже раза в течение трех лет изменять технические параметры своей продукции [6, с. 370]. Латентность когнитивных проблем проектирования зачастую является следствием устойчивой потребности в получении результата при жестких временных ограничениях [6, с. 374].

Возникает вопрос: насколько заданный темп изменений технического оснащения антропомерен, соответствует темпу осмысленной и счастливой человеческой жизни? Счастливая жизнь в постмодерном транзиторном мире предполагает стабильность и неизменность значимых социальных показателей, предполагает разидентифицирующие стратегии субъектогенеза и консерватизм в противовес достигающим стратегиям модерна [7, с. 200]. При измерении человеческой жизни сроками инноваций, когда скорость трансформации базиса увеличивается в угоду инновационизму, происходит искусственная динамизация морально-нравственной сферы, возникает моральная транзиторность (транзиторная этика) – система норм нравственного поведения человека и социальной группы, предполагающая в качестве базовой моральной ценности постоянную готовность к переменам. Экономический инновационизм и моральная транзиторность способствуют «ускорению» социального времени. Моральная транзиторность социально манифестируется в форме постмодернистского морально-нравственного релятивизма, традиционное понимание которого предполагает возвратное движение «между» единицами смысла. Однако в призме социально-экономического контекста обнаруживается линейный вектор морально-нравственного релятивизма.

Техника сегодня может оказаться средством отвлечения человека от витальных и экзистенциальных целей. Конечно, последующее использование ИКТ уже не является сферой ответственности инженера, это – ответственность экономиста, политика, правоохрани-

менителя. Однако в условиях особой роли в постнеклассической науке технических и информационных наук, вторжения ИКТ в повседневность в форме гаджетов, «Интернета вещей» и «Интернета всего» и внедрения повсеместно обязательной информационной компетентности, деятельность инженера должна сопровождаться рефлексией ответственности за последствия своей деятельности. Внедренный сегодня в практику продукт ИКТ может стать витальной и/или экзистенциальной ловушкой для человека как для пользователя, так и для проектировщика инновационной продукции.

Перспективы ИКТ, связанные с экологическими вызовами цивилизации, также предполагают социально-философский подход, например, в инфохимии.

Химия, как все естествознание, испытывает сегодня методологическое влияние информатики. Традиционно в химии информационный подход предоставлял новые возможности вычислительной технике для обработки результатов экспериментов. Затем была осмыслена роль информатики в принципиально новой методологической системе отсчета. Так, по А.П. Свитину, инфохимия – это раздел информологии как целостной информационной теории реальности, это «информологическая химия», основанная на приложении принципов информологии к химическим объектам [8].

Для инфохимии возникает значимый в экологическом смысле вопрос: могут ли химические системы в определенных сферах заменять собой электричество, электронику и электротехнику при решении задач обработки и передачи информации? Ведь нечто подобное происходит в природе на уровне межклеточного взаимодействия и процессов, происходящих в ЦНС. Исследования в указанном направлении признавались интересным, но тупиковым направлением работы до тех пор, пока не появилась технология 3D принтера. С этого момента произошел «поворот к вещам», к «новой материальности», актуальность приобрел поиск «праматерии» или «прото вещества», на основе которого будут создаваться бесценные «чернила» для печати всего, вплоть до органов человека. В данном аспекте инфохимия предстает как учение о способах хранения и передачи информации, закодированной химическими средствами, и открывает перспективы использования принципов

ально новой «химической техники». Например, мемристоры – перспектива ближайшего будущего [9].

Создание экологичных технологий связано с развитием в ближайшем будущем нанокomпьютеров для решения различных задач в медицине, экологии, общественной безопасности и др. При создании нанокomпьютеров перспектива видится в использовании химических объектов для хранения и передачи информации в экологических системах (в отсутствие крупных источников электропитания), в медицине («химическая техника» совместима с органическими телами), в особых индивидуальных случаях. Эта работа значима с точки зрения экологической безопасности.

Таким образом, социально-философское изучение ИКТ предполагает понимание техники как материальной культуры, иллюстрирует тенденцию гуманитаризации естествознания и технических наук, а также задает гуманистические перспективы развития ИКТ.

Литература

1. Шалагина Г.Э. Информационно-коммуникационные технологии как предмет социогуманитарных исследований / Г.Э. Шалагина, С.В. Шалагин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 2. – С. 168–177.

2. Садыков М.Б. Казанский университет на пороге третьего тысячелетия: Проблемы гуманитаризации образования / М.Б. Садыков, Ф.Ф. Серебряков, М.Д. Щелкунов. – Казань: Унипресс, 1998. – 113 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

4. Кутырёв В.А. Время Mortido / В.А. Кутырёв. – Спб.: Алетейя, 2012. – 336 с.

5. Эпштейн М.Н. Техника – религия – гуманистика. Два мышления о духовном смысле научно-технического прогресса / М.Н. Эпштейн // Вопросы философии. – 2009. – № 12. – С. 19–29.

6. Шалагин С.В. Когнитивные проблемы проектирования на основе компьютерных моделей: технический и социо-гуманитар-

ный аспекты / С.В. Шалагин, Г.Э. Шалагина // *Онтология проектирования*. – 2016. – Т. 6. – № 3 (21). – С. 368–376.

7. Шалагина Г.Э. Понятие счастья в условиях инновационизма и моральной транзиторности / Г.Э. Шалагина // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 11 (85). – С. 198–201.

8. *Свитин А.П.* Философские основания и принципы становления информационной химии. [Рукопись]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08 / А.П. Свитин – Красноярск, 2005. – 35 с.

9. *Нечай О.* Мемристор: «недостающий элемент» // *Компьютерра*. 03.02.2011. – URL: <http://old.computerra.ru/vision/591537>, дата обращения 11.09.2019.

УДК 008: 159.923.2

ЭТЮД ОБ ИЛЛЮЗИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИКА

Яковлева Елена Людвиговна,
доктор философских наук, доцент,
профессор Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова, e-mail: mifoigra@mail.ru
г. Казань

Аннотация

В статье рассматривается новая форма идентичности – электронное кочевничество. Его формирование обусловлено развитием техногенной цивилизации и проникновением в жизнь ее технических достижений, изменивших мировидение и деятельность людей. Облегчая жизнь кочевника, виртуальная среда создает и определенные проблемы, что свидетельствует о ее противоречивости. Электронный кочевник одновременно мобилен и неподвижен, активен и пассивен, включен в виртуальность и выключен из реальности. Он живет в потоках симулятивной информации, теряя способность ее критического осмысления. Кочевник творит, ничего не создавая. Он коммуницирует, оставаясь в одиночестве, что делает его постепенно отчужденным от жизни. Заказываемые им вещи и развлечения свидетельствуют о без(д)умном потреблении. Тем не менее, иллюзорность виртуального мира завораживает его, заслоняя реаль-

ность. Кочевник становится инфантильным, не понимая сути многих проблем и не желая ничего менять в своей жизни.

Ключевые слова: виртуальная среда, техночеловек, электронный кочевник, бегство от реальности, эффект присутствия, иллюзия, информация, смерть автора, креативный меонизм, абиотический синдром, потребитель.

ETUDE ABOUT ELECTRONIC ROOM ILLUSIONS

*Iakovleva E.L.,
Ph.D., professor of
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov,
Kazan*

Abstract

The article discusses a new form of identity – e-nomadism. Its formation is due to the development of technogenic civilization and the penetration into the life of its technical achievements, which have changed the outlook and activities of people. Facilitating the life of a nomad, the virtual environment creates certain problems, which indicates its inconsistency. The electronic nomad is both mobile and stationary, active and passive, turned on in virtuality and turned off from reality. He lives in streams of simulative information, losing the ability of its critical thinking. Nomad creates, creating nothing. He communicates, remaining alone, which makes him gradually alienated from life. Ordered them things and entertainment indicate thoughtless consumption. Nevertheless, the illusiveness of the virtual world fascinates him, obscuring reality. The nomad becomes infantile, not understanding the essence of many problems and not wanting to change anything in his life.

Keywords: virtual environment, techno-man, electronic nomad, escape from reality, presence effect, illusion, information, author's death, creative meonism, abiotic syndrome, consumer.

Современный мир оказывается нечеловекосоразмерным. В нем «появились величины и пространства, в которых мы не живем», но они «влияют на нашу цивилизацию» [1]. Технические достижения активно внедряются в жизнь людей, подчиняя их. Виртуальная среда, превосходя силу воображения, захватывает своими колоссальными возможностями, перемещая модус жизни индивида из реальности в виртуальность. Утопическое приобретает контуры действительности, приводя к смешению виртуального и реального. Человек активно осваивает новые (виртуальные) пространства,

практически бытийствуя в них. Перечисленное приводит к формированию нового типа личности – постчеловека/техночеловека. У него появляется электронный модус идентичности, позволяющий назвать самого индивида *электронным кочевником*. Данный тип идентичности требует философского осмысления его сути.

Как *человек технологизирующийся* (В.А. Кутырев) электронный кочевник полностью зависим от высоких технологий и новых медиа. С их помощью он кочует по виртуальным мирам, получая необходимую информацию и встраивая ее в свою жизнь. Наличие электронных устройств, круглосуточный доступ к сети, пребывание *on-line* и *палец на кнопке* оказываются главными показателями его жизни. Девиз кочевника: *я на связи, значит я существую*. Благодаря электронным устройствам кочевник беспрепятственно преодолевает любые расстояния, быстро реагируя на изменения ситуаций. Всемирная паутина позволяет «нарушать» законы природы и практически мгновенно перемещаться из одной виртуальной локации в другую по нажатию кнопки» [2, с. 187]. Кочевник живет в ритмах *бешеной неподвижности*. Подобная мобильность и отсутствие преград приводят кочевника в восторг. Но эмоции вызывает *пустота* Ничто как некий Абсолют, «не обусловленный природой, материей и обществом» [3, с. 30]. Виртуальная среда, вбирая в себя постоянно совершенствующиеся технические инновации, оказывается благодаря постоянно перераспределяемым кодам и смене элементов технологий довольно гибким, эффективным и зрелищным пространством, скрывающим свою искусственность. Виртуальная среда уводит кочевника «от своего жизненного мира к Иному» [4, с. 32], растворяя его субъектность в цифровой матрице и способствуя утрате чувства реальности. Происходит стирание действительности «в пользу более реального, чем реальность: гиперреального» [3, с. 12]. Так, современные образы, представленные в виртуальной среде, оказываются в каждой своей детали высококлассной имитацией реальности: «цифровые изображения уже сейчас гораздо реалистичнее фотографических» – «они слишком реалистичны» [2, с. 250]. Необходимо отметить, что виртуальный мир самодостаточен в своей иллюзорной реальности, а «возможности конструирования вымышленной реальности снова умножились» в нем [2, с. 195]. С. Жижек справедливо назы-

вает виртуальные миры *фантастической конструкцией*, которая сегодня превосходно маскирует *невыносимую/реальную/непостижимую* сущность бытия.

В виртуальном мире существует собственная логика, подчиняющая себе кочевника. Так, виртуальное пространство дает возможность управления ресурсами, осуществляя дистанционно обучение/работу/развлечения. Благодаря виртуальному миру можно планировать передвижения, работая с изображениями, создающими видимость событийствования. Новые медиа в своих визуальных имитациях создают *эффект присутствия*: «следуя по гиперссылкам, пользователь "телепортируется" с одного сервера на другой, из одного физического места в другое» [2, с. 211]. Данный процесс впечатляет, захватывая и делая кочевника очевидцем событий мироздания. При этом кочевнику неважно среда «сгенерирована посредством компьютерных технологий, записана на камеру или... комбинация обоих подходов» [2, с. 212], главное – обнаружение себя в ситуации и получаемые эмоции. Именно виртуальная среда помогает осуществить *бегство от реальности* с ее проблемами и создать *иллюзию присутствия в вымышленном пространстве* (Л. Манович). Но необходимо признать: присутствие в виртуальности есть *антиприсутствие*. Это очередная иллюзия участия в бытии, соприсутствия в нем, доставляющая удовольствие пользователю.

Виртуальная среда обрушивает на кочевника потоки информации, большей частью пустой/симулятивной. Приучаясь ее быстро просматривать (современная сосредоточенность на эпизоде длится не более 8–10 секунд), он разучивается ее осмыслить, анализировать и усваивать, что приводит к ослаблению способности суждения, рассеянному вниманию сбоям в функционировании памяти. Определенный автоматизм, вырабатываемый при работе на компьютере, механически и интеллектуально зомбирует кочевника. Жизнь начинает протекать «без о-сознания»: «бессмысловое (без(д)умное) мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим», что позволяет его назвать «парадигмальным отношением к миру» [4, с. 51]. Опасность подобной ситуации связана с тем, что электронный кочевник, обладающий обедненной «аффективной сферой и эмоциональной тупостью»,

«действующий без сознания и функционирующий без мыс(ш)ления» [4, с. 97,103], превращается в управляемую марионетку. Ему можно преподнести и внушить любую информацию: кочевник воспримет ее без критического анализа и осмысления.

Творчество в виртуальной среде оказывается необременительным, превращаясь в развлечение. «Объекты новых медиа почти никогда не создаются с нуля – они составляются из уже готовых частей», «последовательностью выборов из пунктов меню» [2, с. 167]. Любое задание в виртуальной среде конструируется из заготовок, что говорит о скрытой техноиндустрии творчества. В.А. Кутырев процесс создания *Нечто* посредством новых медиа называет *креативным леонизмом*, связанным сконструированием бесконечного множества на основе алгоритмов программного обеспечения, что рождает иллюзию творчества. Данный процесс наглядно иллюстрирует *смерть автора*. Но личность, не замечая иллюзии творчества, воображает себя творцом, создающим новое и значимое, что поднимает его самооценку.

Виртуальная среда создает довольно интенсивное поле разнообразных коммуникаций: в ней можно знакомиться с людьми по интересам, налаживать контакты, получать и отправлять информацию. Пользователь, преодолевая любые расстояния, может общаться и «получать сообщения из разных мест», «телеприсутствовать в удаленных локациях в рамках одного электронного экрана» [2, с. 222]. Но данная коммуникация изводит кочевника. В ней отсутствует контакт с реальным телом человека, его глазами и эмоциями, что оставляет ощущение неполноценности диалога, несмотря на режим реального взаимодействия. Электронный кочевник, осуществляя коммуникацию, оказывается одиноким и отчужденным. Объясняется данная ситуация тем, что общение в виртуальной среде построено на «пересечении функциональных отношений» [4, с. 179], где техника выполняет языковую функцию, а диалог происходит в *безязыково-бессловесно-бессознательном* формате (В.А. Кутырев), безмолвно и бесконтактно. Данный вид коммуникации, ослабляя интерес к жизни и людям, приводит к развитию *абиотического синдрома*. Он проявляется в потере смысла, «дефиците жизни, угнетении инстинктов и желания жить, в депрессии» [4, с. 199]. Электронный кочевник испытывает разочарование от

взаимодействия в виртуальной среде, но при этом постепенно разучивается коммуницировать и в действительности.

Кочевник посредством виртуальной среды приобщается к консьюмеристским установкам общества, становясь *активным потребителем*. Данному обстоятельству способствует и проникающая в виртуальные миры современная экономика, в которой главенствует формула: «потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны» [4, с. 77]. Виртуальный мир посредством информации рекламного характера формирует *потребность в потребности*. Вследствие внедрения манипулятивных стратегий, пассивности кочевника и ослабления его способности суждения начинает развиваться *воля к потреблению*, у которой не обнаруживается никаких границ. Электронный кочевник даже «не подозревал, что какие-то услуги или товары ему нужны, пока их не изобрели в инновационно-коммерческих центрах, и реклама не убедила его в их совершенной необходимости» [4, с. 78]. Увеличение у кочевника потребностей расставляет новые приоритеты: в жизни начинают господствовать вещи, а все *человеческое, слишком человеческое* обесценивается. Более того, виртуальная среда оказывается прозрачной формой контроля: «мягкой, но довольно эффективной» [2, с. 173]. Любой поиск и предпочтения кочевника сохраняются в базе данных, предлагая впоследствии услуги/товары в зависимости от вкуса.

Иллюзии, рождаемые виртуальной средой, оказываются желанными и приятными для кочевника. Они реально воплощают техноутопию, которая увлекает массовое сознание в *техно-нано-виртуально-космическую даль* (В.А. Кутырев). Но в результате пребывания в *пустоте Ничто* кочевник теряет пространственно-временные координаты, жизненные ориентиры, «раздувается в пустоту», где «тело теряет свою норму и свою сцену» [3, с. 15]. Приобретение весомости в результате *разрастания взамен роста* (Ж. Бодрийяр) возвеличивает кочевника в собственных глазах, способствуя появлению очередной иллюзии – значимости Я.

Виртуальная среда, ворвавшаяся в жизнь людей, облегчает их жизнь, но при этом создает и определенные проблемы. Их осмысление в полном объеме – дело будущего. Но и сегодня необходимо задуматься над многими из них. Технические достижения современ-

ности создают великолепные иллюзии присутствия/коммуникации/ творчества, уводя кочевника от реальности. Сегодня обнажается ситуация, когда *не техника подгоняется под человека, а человека под ее возрастающие возможности* (В.А. Кутырев). Вследствие этого личность превращается в зависимое существо, теряющееся во многих ситуациях реальности и не способное без электронных устройств что-либо решать/предпринимать/действовать.

Литература

1. *Подосокорский Н.* Нейробиолог Татьяна Черниговская: «Люди со знаниями "как у всех" станут лишними» // Lifejournal. – URL: <https://philologist.livejournal.com/10010937.html> (дата обращения 25.07.2018).

2. *Манович Л.* Язык новых медиа. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.

3. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.

4. *Кутырев В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.

УДК: 7.05

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ДИЗАЙНА КАК НОВОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСКУССТВОВЗНАНИИ

*Яцюк Ольга Григорьевна,
доктор искусствоведения, профессор
Национального института дизайна,
заведующая кафедрой Мультимедиа в дизайне.
E-mail: olga.grig.prof@gmail.com
г. Москва*

Аннотация

Роботизация производства, активное внедрение цифровых технологий во все виды деятельности, быстрое заполнение жизненного пространства цифровыми гаджетами, а также растущие объем и разнообразие мультимедийного контента ставят перед дизайнерами XXI века новые междисциплинарные задачи. Искусствоведческое исследование этого

явления поможет оптимизировать современные проблемы дизайна и ответить на новые вызовы.

Ключевые слова: Digital Humanities, визуальная культура, цифровой дизайн, параметризм.

DIGITAL DESIGN CULTURE AS A NEW FIELD OF ART RESEARCH

Yatsyuk O. G.,

*Doctor of Arts, Professor
of the National Institute of Design,
head of the Multimedia Department of Design.
E-mail: olga.grig.prof@gmail.com
г. Moscow*

Abstract

Robotization of production, active introduction of digital technologies in all types of activities, popularization of digital devices, as well as the growing volume and variety of multimedia content pose new interdisciplinary challenges to designers of the XXI century. The study of this phenomenon will help to optimize the tasks of modern design and respond to new challenges.

Keywords: Digital Humanities, visual culture, digital design, parametricism.

Визуальная культура вообще и искусство в частности на протяжении истории человечества неразрывно связаны с техническими достижениями. Некоторые классические примеры: смена архитектурных стилей Античности (от греческого периода к римскому) как результат развития технологии арочных конструкций; искусство книги, получившее мощный импульс после изобретения в XV веке книгопечатных машин; импрессионизм, возникший в конце XIX века на волне открытий оптики и теории цвета. Список можно расширить и продолжить.

Общим для этих процессов является то, что под влиянием развития техники изменялись не только средства искусства, менялся взгляд художников на мир (хотя зачастую они сознательно дистанцировались от технического прогресса). Так, импрессионисты, не пытаясь теоретически обосновать особенности новой живописи, настаивали на интуитивности и эмоциональности своего творчества.

Эмоциональность изображения, действительно, повысилась за счет того, что трансформировался визуальный контент полотен. Не только техника мазка и природные пейзажи в меняющемся освещении, запечатленные на холсте приемом «*alla prima*» (без предварительных набросков), но и портреты, сцены с людьми стали иными: статичные позы сменились движением, групповые композиции начали напоминать стоп-кадр. Хотя, до мгновенного стоп-кадра фотография тогда еще «не доросла»: позируя перед объективом, приходилось длительное время сидеть или стоять в неподвижной позе. Однако до передачи текучести и изменчивости жизни с помощью движущейся картинки оставалось совсем немного: кино появилось практически в те же годы.

Начиная с конца XIX века, технический прогресс развивался лавинообразно. Трудно представить, что еще при жизни братьев Люмьер, в 1941 году (младший брат, изобретатель аппарата «Синематограф» Луи Жан, умер в 1948 году, а старший, Огюст Луи Мари Николя, – в 1954) компанией IBM было создано устройство «Марк 1» – первый программируемый компьютер.

Усиливающаяся в XX–XXI столетиях интеграция естественно-научного знания и творческих сфер повлияла на жизненное пространство в целом. Это особенно заметно в контексте развития дизайна.

Дизайн как самостоятельный вид деятельности возник в ответ на вызовы технического прогресса, который и стал фундаментом и катализатором эволюции художественного проектирования. Изначально главной его задачей было устранение противоречий между промышленным производством и искусством, эстетическое освоение предметно-пространственной среды. В течение столетия дизайн стремительно вторгся в производство, в быт людей, в сферу коммуникаций; по сути, он стал стержнем массовой визуальной культуры современности.

Дизайн двадцать первого тысячелетия – наиболее активно развивающаяся сфера Digital Humanities. Если в докомпьютерную эпоху он был ориентирован на создание объектов материального мира (технических приборов, бытовых вещей, печатной продукции, архитектурных сооружений), то в последнее время спектр его

приложения расширился, а центр тяжести резко сместился в область виртуального.

В этой статье мы не будем говорить о web-сайтах и компьютерных играх. Это очевидное поле цифрового дизайна. Нам интересно рассмотреть, как повлияла цифровизация на изначально «некомпьютерные» виды проектной деятельности: архитектурный, средовой, промышленный, графический дизайн.

1. Архитектура и дизайн во всем мире позиционируются как общий, единый вид деятельности. В России они разделены, но разделение это искусственное, вызванное, скорее, конъюнктурными причинами. По сути, архитекторы решают широкий круг задач, включающий дизайнерское оформление интерьерного и экстерьерного пространства.

Яркий пример – работы Захи Хадид. Она проектировала не только здания, но и яхты, лыжные трамплины, обувь, дизайнерскую посуду, шахматы, ювелирные украшения [1]. Главное ее достижение – удивительное формообразование.

Для стиля ее проектов Патриком Шумахером был введен термин – параметризм [2]. Теперь так зачастую называют архитектурный стиль цифровой эпохи. Надежное функционирование строений, придуманных, спроектированных и возведенных специалистами бюро Захи Хадид, возможны только благодаря компьютерным технологиям. Вычисление устойчивости конструкций и форм, просчитанное на компьютере техническое обоснование использования определенных материалов и технологий, 3D-моделирование позволили спроектировать объекты (архитектурные сооружения) с принципиально новыми визуальными и конструктивными характеристиками. Фактически, цифровые технологии изменили процесс формообразования. Иными словами, в современной архитектуре компьютер стал использоваться не только как расчетный инструмент, но и как катализатор творческих идей и решений.

2. Дизайн средового пространства развивается сегодня очень активно. «Самый динамичный элемент городской системы – это человек, а объемно-планировочная структура города – статичный и консервативный элемент. Дизайн же является той тканью, которая постоянно и непрерывно приводит структуру города в соответствие с запросами человека», говорил С.О. Хан-Магомедов [3].

Помимо малых архитектурных форм (парковая и уличная мебель, детские площадки, торговые киоски, остановочные комплексы, городская скульптура и пр.) среду города формируют динамично изменяемые объекты: системы освещения, информационные стенды и биллборды, электронные указатели, обеспечивающие удобную ориентацию в городе. По сути, это средства коммуникации, позволяющие человеку легко адаптироваться в перенасыщенной городской среде и снимающие эмоциональное напряжение. Цифровые технологии – незаменимый на сегодняшний день инструмент, обеспечивающий сенсорно-интерактивное взаимодействие человека и города. Мультимедийный контент городской среды должен обеспечивать экологическую стабильность, эмоциональную и социальную релаксацию. Тщательно продуманная и правильно дозированная ненавязчивая информация (историческая, культурная, социальная, игровая), транслируемая аудиовизуальными средствами на табло, экранах, поверхностях домов, создает трансформируемую цифровую среду, в которой комфортно находиться. Примером может служить оформление московского метро: тематические поезда, экраны в вагонах, электронные табло и пр. Отдельного рассмотрения заслуживает праздничное оформление городского пространства и паблик-арт (для этого вопроса необходимо самостоятельное исследование).

3. Современный промышленный дизайн также претерпевает существенные изменения. Дизайн индустриального оборудования, машин и станков радикально изменился благодаря роботизации. Эргономические требования по-прежнему актуальны, но качественно изменились, так как основанные на ручном труде большого количества людей производства безвозвратно ушли в прошлое. Управление роботом требует иных условий работы, квалификаций и навыков. Цифровое оборудование полностью изменило и принципы работы, и внешний вид производственных помещений.

Не менее радикально меняется и дизайн бытовых приборов. В этом классе устройств упрощается и минимизируется форма. Самый яркий пример – электронные средства коммуникации. Телефонный аппарат с цифровым диском и трубкой на рычаге заменен плоским гаджетом размером с ладонь. Традиционный компьютер с системным блоком, монитором, клавиатурой и мышью повсе-

местно вытесняется портативным карманным устройством с сенсорно управляемым экраном. Вероятно, и это не предел. Вскоре его может заменить вживленный чип размером с булавочную головку. Исчезающая форма – главный тренд повседневно используемого цифрового оборудования.

4. Графический дизайн также трансформируется под действием электронных средств. Практически полностью он переходит в цифровое пространство. Это касается не только компьютерных технологий проектирования, но и самих объектов дизайна. Полиграфические плакаты вытесняются электронными билбордами, статичное изображение сменяется динамическими видеоклипами, бумажные книги переходят в сетевое пространство. Все это требует новых правил, методов и приемов типографики и иллюстрирования.

Радикальное влияние цифровых технологий на язык графического дизайна привело к появлению новых мультиформ. Проектирование мультимедийной продукции (электронных книг, анимированных элементов брендинга, цифровой инфографики, рекламных роликов, онлайн-платформ различного назначения, например, виртуальных музеев и пр.) требует новых профессиональных навыков. Их освоение пока робко происходит в процессе практики (в «полевых условиях»). Опыт показывает, что наиболее эффективный результат проектирования медийного контента дает работа в творческих командах, состоящих из дизайнера, ответственного за проектно-художественную часть, и программиста, решающего задачи эффективной и стабильной работы продукта. Остро стоит вопрос общего профессионального языка, обеспечивающего качество и скорость их взаимодействия.

В последнее время термин «графический дизайн» начал замещаться словосочетанием «коммуникативный дизайн». В том контексте необходимо упомянуть еще об одном востребованном профессиональном навыке – сценарно-режиссерской практике. Дизайнеров мультимедиа с этой квалификацией остро не хватает в документальном кино, на телевидении, для оформления театральных постановок. В качестве примера можно привести дизайн сценического пространства грандиозного балета-шоу «Сны Спящей красавицы» (Sleeping Beauty Dreams). Российская премьера

этого международного проекта была представлена месяц назад. Диана Вишнева, балерина классической школы, исполняет главную партию принцессы Авроры. Сценография спектакля базируется на использовании цифровых технологий: Вишнева танцует под электронную музыку, и эти движения повторяет 3D-модель на экране благодаря специальным датчикам на ее костюме. Проекция видео на пол и задник сцены составляет фон спектакля.

На этом обзор цифровых дизайн-практик и дизайн-продуктов можно приостановить, но даже проведенное исследование показывает, что компьютерные технологии вышли за рамки инструментальной поддержки и стали важной частью художественно-проектного творчества. Очевидно, что внедрение электронных разработок в ареал художественных задач трансформирует не только профессиональные практики, но и сами виды арт-деятельности. Меняются и требования к специалистам: дизайнер, помимо художественного образования, теперь обязан получить дополнительную техническую квалификацию.

Явление требует более глубокого исследования. На сегодняшний день новые формы дизайна обрели достаточно очерченную, ясную эстетическую фактуру, что позволяет провести их полный искусствоведческий анализ с позиции тотального влияния цифровых технологий на гуманитарно-художественную сферу.

Литература

1. *Заха Хадид*. Каталог выставки «Заха Хадид в Государственном Эрмитаже», Санкт-Петербург, 26 июня – 27 сентября 2015. Редакторы: Френк Альтхаус, Марк Сатклифф. Перевод: О. Караскова, К. Малич. – Санкт-Петербург, 2015. – 208 с.
2. *Schumacher Patrik*. Parametricism – A New Global Style for Architecture and Urban Design // AD Architectural Design – Digital Cities. – Vol. 79. – № 4. – 2009. – Pp. 14–24.
3. *Хан-Магомедов С.О.* Проблемы и противоречия предметно-пространственной среды современного города // Техническая эстетика. – 1978. – № 9. – С. 4–12.

5.0. И РОССИЯ

Вместо послесловия

Терещенко Н.А.,

*доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Казанского федерального университета,
e-mail: tereshenko_tata@mail.ru,*

Шатунова Т.М.

*доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Казанского федерального университета,
shatunovat@mail.ru,*

Аннотация

В статье рассматриваются возможные перспективы реализации стратегии 5.0 применительно к социальным реалиям современного российского общества. Авторы обращают внимание на преимущества и риски развертывания динамики социума в обозначенном направлении. Утверждается противоречивый, неоднозначный характер процессов роботизации производства и централизации управления информацией в формате «Биг Дата». Авторы выражают сомнение в том, что интенция общества 5.0. минимизировать все человеческие жизненные усилия может оказаться конструктивной в плане совершенствования человеческой природы. В статье сделан вывод о несопадении направления динамики современного российского общества направлению стратегии «Общество 5.0». Революционный потенциал возможностей цифрового общества нуждается в пристальном внимании философов и в поиске адекватных форм реализации в пространстве российского социума.

Ключевые слова: стратегия «Общество 5.0», социальные аспекты, идеологема, нарративность, дебиюрократизация, философия Haier.

Abstract

The article considers possible prospects for the implementation of strategy “5.0” in relation to the social realities of modern Russian society. The authors deal with the advantages and risks of deploying the society’ dynamics in this direction. The contradictory, ambiguous nature of the robotic production processes and centralization of information management in the «Big Date» format is claimed. The authors doubt that the intention of 5.0 society strategy to minimize all human life efforts can prove constructive in improvement of

human nature. The article concludes that the direction of modern Russian society' dynamics does not coincide with the direction of «Society 5.0» strategy. The revolutionary potential of digital society needs the close attention of philosophers and the search for adequate forms of realization in the space of Russian society.

Keywords: strategy «Society 5.0,» social aspects, ideology, narrativity, de-bureaucratization, philosophy of Haier

Говоря о перспективе 5.0 применительно к России, начнем с того, что речь идет о развитии новых (для России – сверхновых) информационных технологий, о новом скачке в развитии производительных сил общества. Как известно, остановить этот процесс невозможно, но мы живем уже давно в такую эпоху, когда субъективный фактор становится объективной силой и потребностью мирового развития. Это значит, что приближение общества 5.0, равно как и формы этого приближения, могут быть более или менее человечными, могут нести в себе социальный потенциал настолько разный, что его логику трудно предсказать. Приведу лишь один пример: когда-то, причем совсем недавно, боялись, что развитие компьютерной техники приведет все человечество к желанию вживить в мозг электроды удовольствия, наслаждаться и помимо этого перестать что-либо делать. Эти страхи остались далеко позади. Чуть позже возник новый страх: роботизация производства может «выдавить» из процесса живую рабочую силу, сузится рынок труда, исчезнут рабочие места, безработица вырастет. Практика показывает иное: по крайней мере пока высокороботизированные производства нуждаются в дополнительных работниках. Роботизация ведет к увеличению количества рабочих мест [1, с. 58]. Этот пример еще раз напоминает о том, что оценить все последствия наступления новой эпохи однозначно не представляется возможным, а огульное отрицание преимуществ digital society – пагубно. Мы бы хотели рассмотреть социальные аспекты движения социума в данном направлении.

Итак, первое. Адепты идеи общества 5.0 обещают человечеству в недалеком будущем жизнь в обществе с огромным технологическим потенциалом, что создает возможность минимизировать человеческие усилия. Но хорошо ли это? Известно, что человек *рожден* для усилия, он перестает быть человеком, когда из его

жизни уходит напряженность, алертность. Художники-кинемаграфисты уже давно, задолго до прогнозов общества 5.0, поставили такой эксперимент, в котором человек живет без усилий, спрятавшись в раковинку своего жилища и лишь управляя своим идеальным, нестареющим аватаром, получая взамен бесконечные варианты наслаждений. Что из этого получилось, можно увидеть в фильме Джонатана Мостоу «Суррогаты». Нам представляется, что минимизация возможности прилагать какие-либо усилия – слишком серьезный вызов человеческой природе. Выдержит ли она подобные испытания? Кроме того, человечество утратит феномен праздника, и станет избыточной праздничная культура. В погоне за наслаждением не потеряет ли человечество радость бытия?

Второе. Стратегия 5.0, заявленная премьер-министром Японии Синдзо Абэ как основной путь развития человечества, предполагает гигантский рост современных производительных сил общества, главными среди которых является информация и управление ее потоками, их концентрация в Биг Дата. Возникает вопрос, как будут развиваться эти производительные силы? Какой формат производственных отношений они предполагают? На сегодняшний день очевидно, что мир находится в ситуации капитализма, и это капиталистические отношения. Генеральный менеджер департамента правительственных и внешних связей корпорации «Мицубиси Электрик» Норицугу Уэмура, выступая в Казанском университете, рассказал, что продвижение стратегии 5.0 в Японии неожиданно натолкнулось на непредвиденную трудность: крупные японские предприниматели не соглашаются отдавать свои данные в фонд Биг Дата [см.: 2]. Узнаваемая картинка, не так ли? В очередной раз в истории человечества существующие производственные отношения (пост-постиндустриальные, пост-пост-капиталистические – называйте их, как хотите) мешают, препятствуют развитию производительных сил общества. В данном случае, как это вообще нередко случалось и раньше, не что иное, как частный интерес мешает развитию новых технологий. Если считать, что эти технологии действительно прогрессивные, неизбежен вывод о том, что они взорвут сдерживающую их развитие социальную форму – общественные отношения частно-предпринимательского характера... Возникает вопрос о деконструкции этих отношений. Но знает

ли общество если не на практике, то теоретически, что может быть альтернативой капитализму кроме обобществленной или общественной собственности?

Третье. Если допустить, что Биг Дата воцарится со всеми своими преимуществами и рисками [см.: 3], то – насколько такая перспектива отличается от до боли знакомого «единого народно-хозяйственного механизма», централизованного управления? Правда, возможна и иная версия: реальное обобществление собственности ... на информацию.

Какой бы ни была эта «политическая надстройка» Биг Даты, очевидно, что ее высокая технологичность (техноёмкость и наукоёмкость производства данных, экономические эффекты их применения, высвобождающие огромные человеческие ресурсы), порождает еще один вопрос из серии «социальных последствий»: куда девать людей? Свободное время, как известно, – пространство для развития личности [см.: 4, ч. II, с. 217–221]. Реалии развития буржуазной цивилизации сформировали это четырехмерное пространство-время. Маркс теоретически поместил пространство и время социальной жизни человека в единый пространственно-временной континуум, и сегодня вслед за вопросом, откуда взять свободное время, появился не менее сложный вопрос: куда его деть? Особо острота этого вопроса ощущается не столько на уровне индивида, сколько на уровне общества. Чем занять *массы* людей, высвободившихся из процесса производства? Во времена Маркса могло казаться, что все сразу займутся науками и искусствами, формами свободного духовного производства, но в современном мире все не так просто. Наукой в одиночку заняться невозможно, иначе просто будешь изобретать велосипеды. Встроиться в структуры современного субъекта научного познания еще сложнее: для этого надо стать специализированным специалистом. С искусством дело обстоит не лучше: если художнику необходимо признание, общение с себе подобными, то это также требует встраивания в определенные структуры, которые, мягко говоря, капитализированы насквозь. Общество откликается на проблему «куда деть свободное социальное время» очень по-разному, например, людей занимают ... образованием: 11-летка и бакалавриат с магистратурой и т.п. Но нормально ли это искусственное сдерживание

наступления совершеннолетия и самостоятельного существования человека? Когда почти двадцатилетний мужчина – школьник, а тридцатилетний – бакалавр, магистрант, т.е. всё равно студент? Это не значит, что концепция плоха, это значит, что она нуждается в дальнейшей проработке.

Все эти и многие другие вопросы социальных последствий наступления на нас «Общества 5.0» многократно усложняются, когда речь идет о России. Тем более, что и сами японцы не видят нас в числе своих соратников по реализации этой концепции. Они называют Германию как самую высокотехнологичную страну и США как страну с наиболее развитыми информационными компьютерными технологиями, «интернетную» державу. Даже если мы будем создавать некоторую подобную концепцию общественного развития, нам нужно понимать, что союзники у нас будут другие, а значит, и управленческие принципы организации будут у нас другими. Если для Японии технологически (не социально!) общество 5.0 – это уже реальность, то для России это прежде всего комплекс идей, во многом представляющий собой мечту о будущем.

Социальные функции реализации этой мечты весьма своеобразны: вольно или невольно «Общество 5.0» предлагает россиянам устремиться мыслью к будущему, уйти из сложного и запутанного настоящего. Сейчас научные силы гуманитариев практически во всех развитых странах *оттянуты* на анализ этого общества будущего, а не *брошены* на анализ сегодняшних реалий. Эта отнесенность к будущему приводит к тому, что означенный комплекс идей превращается в большой нарратив. Причем по мере увеличения времени присутствия этой идеологии в России ее нарративность усиливается. На первых порах это незаметно, поскольку превалирует «японскость» доктрины. И действительно, исторически это новая японская мечта, выдвигающая Японию на передний край мирового научного и технико-технологического развития, а также делающая ее мировым лидером не только экономики, хозяйства, но и – что важнее – социальных процессов, а заодно и флагманом в мире идей.

Компоненты японской доктрины (а с недавнего времени уже и китайской стратегии) включают в себя целый ряд интересных изменений, несомненно перспективных для применения в Рос-

сии. Например, известная китайская корпорация Haier Group за последние двадцать лет в несколько этапов осуществила тотальную деbüroкратизацию всей своей многогранной деятельности вплоть до каждого отдельного предприятия, включенного в работу компании, и даже до отдельного человека. Последовательно были введены принципы самоуправления на всех уровнях работы предприятия: сначала были созданы вместо обычных цехов «самоуправляющиеся команды», разрабатывающие собственные модели прибылей, убытков и механизмов мотивации, где каждый член команды был обязан сам принимать свои собственные решения, быть самому себе руководителем и менеджером (90-е г.г.); затем Чжан Жуйминь предложил концепцию «внутреннего виртуального рынка» – модель децентрализации корпорации, при которой каждое подразделение стало самостоятельным стратегическим субъектом, традиционные иерархически-административные связи сменились рыночными отношениями, которые были «впитаны» внутрь корпорации [5, с. 263–267]. Наконец, на базе компании было создано более трех тысяч микропредприятий, каждое из которых работало на принципах самоуправления: «Основная цель реформы состояла в том, чтобы позволить каждому стать своим собственным генеральным директором» [5, с. 266].

Лидер компании Чжан Жуйминь совершенно справедливо полагает, что главный фактор производства и конкурентоспособности корпорации – это люди. Он целенаправленно собирает, концентрирует таланты в структурах Haier и справедливо полагает, что проблемы фирм обычно коренятся не в нехватке талантов, а в неумении ими управлять. Даже если за глаголом «управлять» скрывается «эксплуатировать», всё равно речь идет о привлечении талантов и создании условий для их творчества. Конечно, идеи известного китайского менеджера нельзя перенести на российскую почву без адаптации, но все же вспомним для сравнения судьбу талантливых выпускников Иннополиса: они уезжают из страны, даже не пытаясь найти себе места на Родине. Ни управления этими талантами, ни даже их эксплуатации в России просто не случается.

Конечно, сама идея и практика «управления талантами» говорит о том, что в корпорации Haier продолжает существовать вертикаль власти. Однако эта вертикаль имеет одну важную особен-

ность: она прозрачна, проходима не только сверху вниз, но и снизу вверх: невозможно «управлять талантами», не слыша их собственного голоса. Сравните с этим существующие властные вертикали России: они устроены с точностью до наоборот и проходимы только сверху вниз.

Еще одним интересным в социальном плане «фактором современного производства» выступают так называемые индикаторы. Без них сегодня не обходится ни промышленное предприятие, ни образовательное учреждение. Конкурирующие организации как в мире, так и в России, стремятся занять топ-ступеньки в различного рода рейтингах. Проблема в том, что качество этих индикаторов может быть принципиально разным. Часто мы наблюдаем, что руководство предприятия (или даже целой отрасли) создает систему ложных показателей, ведущих к появлению дополнительной скрытой эксплуатации сотрудников, к совершенно непродуктивной эксплуатации всего потенциала коллектива, а в контексте развития идеи общества 5.0. – и самих информационных технологий. Неслучайно в академических кругах сегодня такой тип организации производства получил название корпоративного фашизма. Примером такой дополнительной эксплуатации вполне может служить система разработки рабочих программ дисциплин (РПД) в российской системе высшего образования или регламенты времени приема пациентов в поликлиниках, когда на прием отводится 11 минут, в которые врач должен не только осмотреть пациента и поставить диагноз, но и заполнить кучу документов, пополняющих все ту же систему Биг Дата.

Таким образом, даже простое название ряда характеристик стратегии 5.0 показывает, что Россия движется в прямо противоположном направлении: бюрократизация нарастает как в масштабах всего общества, так и в деятельности отдельных предприятий и учреждений, «человеческий капитал» растрачивается, применение формальных показателей успешности работы организаций наращивает степень эксплуатации персонала и самих цифровых технологий.

Не будем делать поспешные выводы, зададимся вместо этого вопросом: для России, объективная логика социального развития которой направлена противоположно стратегии «Общество 5.0» –

чем тогда является комплекс идей этой стратегии? Чем объяснить заинтересованность правящих элит в распространении доктрины «Общество 5.0»?

Очевидно, что это новая (вместо идеологии коммунизма, общества благоденствия, потребления, конвергенции и т.п. идеологем) голубая или розовая мечта. Цвет не имеет значения. Идеологема, которая занимает и будет занимать умы людей – теоретиков, мыслителей, преподавателей, студентов, руководителей-практиков. Для России сегодняшней стратегема «5.0» – это выдуманная революция, революция на словах или, скажем мягче, в мире идей. Но в такой своей идеальной, чисто мыслительной форме, не является ли эта стратегия еще одним примером камуфляжа серьезных проблем, назревших в обществе? Может быть, опять сработал известный принцип «хвост виляет собакой»?

Литература

1. *Малинецкий Г.Г.* Блеск и нищета цифровой реальности. // Труды ВЭО России. – Т. 210. С. 44-62.

2. *Гареев К.* Представитель компании «Мицубиси электрик» прочитал в КФУ лекцию о японской стратегии «Общество 5.0». <https://media.kpfu.ru/news/predstavitel-kompanii-micubisi-elektrik-prochital-v-kfu-lekciyu-o-yaponskoj-strategii> (дата обращения 10.10.2019).

3. *Арефьев И.* Что такое Биг-Дата? Простой ответ для каждого. <https://clubshuttle.ru/tehnologiya-big-data-prostyimi-slovami> (дата обращения 07.10.2019).

4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1968–1969. – Т. 46, ч. 1–2.

5. *Цао, Янфэн.* Философия Хагер: Перерождение 2.0. – М.: Олимп-Бизнес, 2019. – 360 с.

Приложение

Редакционная группа сборника сообщает, что в конференции принимают участие коллеги из КНР, подавшие тезисы своих устных выступлений. Размещаем эти тезисы здесь.

POLITICAL DEVELOPMENT TRENDS IN THE 5.0 ERA OF HUMAN SOCIETY

Dr. Lu Haiqing,

Guangdong University of Foreign Studies

Human beings have developed to the age of 5.0. When society enters the era of interconnection of all things, it will not only bring about tremendous changes in industrial economy and social structure, but also change the way of life of human beings, and then change the way of human political activities and promote the development of politics. There are four obvious trends in political development. First, political activities are becoming more transparent and open, and people are becoming more and more equal. Social protection of people will become more comprehensive. Second, with the emergence of new technologies, the scope and scale of government activities will continue to expand and penetrate into society. In each area, citizen participation in political activities is easier and tends to expand; thirdly, political decision-making is more and more accurate and reasonable, and government management is scientific and professional; fourthly, political development is globalized, and political civilization of various countries and regions is integrated and used for reference, and constantly converges.

**THE INTERNATIONAL COMMUNICATION OF XI
JINPING THOUGHT ON SOCIALISM WITH CHINESE
CHARACTERISTICS FOR A NEW ERA IN DIGITAL ERA:
TAKE THE “BELT AND ROAD” INITIATIVE
AS AN EXAMPLE**

*Prof. Zeng Rong,
Guangdong University of Foreign Studies*

The era of big data provides an important opportunity for the overseas communication of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, and also poses an important challenge to the external spread of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. At present, we should take the “Belt and Road” initiative as the carrier, and correctly establish big data thinking, and scientifically apply big data technology. On the one hand, we must optimize the language of communication, improve the system of communication discourse, and constantly push Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era to go global; on the other hand, we must open up a new space for international cooperation in the "Belt and Road" and constantly expand the new field of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Therefore, the international influence of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era will be effectively improved.

**THE COMPILATION AND EXECUTION OF A
MEASUREMENT OF CHINESE UNDERGRADUATES’
MORAL VALUES RECOGNITION IN DIGITAL ERA**

*Prof. Zhu Hailong,
Guangdong University of Foreign Studies*

The study completes the compilation of the questionnaire on Chinese undergraduates’ moral values in digital era from six moral values dimensions: honesty and compliance, civility and self-discipline, benevolence, unity and be helpful, esteem and filial respect.

The questionnaire has 31 questions in all, taking advantage of Likert scale. Using this scale, its alpha reliability reach 0.887 with clear internal structure. The validity is well and the model fitting index accords with statistical measurement, which covers the shortage of empirical study on Chinese undergraduate students' moral values. The measurement, which focused undergraduate moral values, is compiled by a total of 768 valid samples from 6 colleges. Measurement results show that there are sequences of orientation on Chinese undergraduates' moral values approval, and the order is: Honesty and compliance, civility and discipline, filial respect unity and be helpful, benevolence and esteem; while gender differences do exist. The male undergraduates' identity level of honesty and compliance, civility and self-discipline, benevolence, and filial respect ranks higher than that of female undergraduates; However, the differences, between male and female undergraduates, on unity and being helpful, as well as esteem are not significant.

RESEARCH ON THE ADAPTABILITY OF UNIVERSITY TEACHERS' TEACHING IN THE DIGITAL ERA

Liao Chengfeng,

Guangdong University of Foreign Studies

Firstly, introduce the background and significance of the topic and the purpose of the research. The second is the interpretation and analysis of the relevant concepts, such as the connotation and extension of adaptability. Then, through the analysis of the changes in the teaching environment, knowledge, educators and educated groups in the digital age, explore the requirements or challenges of university teachers in the digital age. It mainly analyzes the basic ability or information literacy that university teachers should have and studies the professional development of university teachers. Finally, try to explore the methods and paths of university teachers' teaching adaptability in the digital age.

THE IMPACT OF THE ARRIVAL OF THE 5G ERA ON CHINA

Li Yingqi,

Guangdong University of Foreign Studies

In today's world, the information technology revolution characterized by digitalization, networking and intelligence is booming. The integration and development of a new generation of information technology and traditional fields is the trend of the times. The wave of digitization has made the information society, which has been focusing on efficiency so far, a big step forward, driving large-scale innovations in Chinese society and industry, and constantly creating new values. While digitalization brings a new society to China, the paradox behind it cannot be ignored. This is an inevitable problem in the development process and hinders China's development. Through the analysis of the views of all walks of life in China on the arrival of the 5G era, we will explore the impact of the arrival of the 5G era on China and the paradox behind digitalization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Авдошин Георгий Валерьевич**, кандидат философских наук, доцент Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: avdoshing@gmail.com.

2. **Архипова Татьяна Валерьевна**, студентка (бакалавр) Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, e-mail: tanya_irisska@mail.ru.

3. **Богатова Лариса Михайловна**, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: bolami@inbox.ru.

4. **Бойчук Сергей Сергеевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры маркетинга и менеджмента Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, e-mail: overbaring@mail.ru.

5. **Борисенков Виктор Вячеславович**, аспирант кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: vvborisen@yandex.ru.

6. **Волобуева Юлия Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, e-mail: july_borr@mail.ru.

7. **Гизатова Гульназ Казбековна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru.

8. **Горин Антон Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru.

9. **Гузельбаева Ирина Александровна**, кандидат исторических наук, ассистент Казанского государственного архитектурно-строительного университета, г. Казань, e-mail: cherri-91@mail.ru.

10. **Дюкина Эльвира Амировна**, аспирант кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: dyukina.elvira@yandex.ru.

11. **Ефанов Александр Александрович**, кандидат социологических наук, доцент департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, e-mail: yefanoff_91@mail.ru.

12. **Зубаирова-Валеева Айгуль Сабировна**, кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, e-mail: angul@mail.ru.

13. **Иванова Ольга Геннадьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru.

14. **Кавеева Аделя Динаровна**, аспирант кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: adele.kaveeva@mail.ru.

15. **Каримов Артур Равилевич**, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: arrkarimov@krfu.ru.

16. **Киселева Людмила Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, e-mail: kiseleva-l@mail.ru.

17. **Кислый Александр Евгеньевич**, доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии Крыма Российской академии наук, г. Симферополь, e-mail: kislly.a@mail.ru.

18. **Козырьков Владимир Павлович**, доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Н. Новгород, e-mail: kozir3@yandex.ru.

19. **Корецкая Марина Александровна**, кандидат философских наук, доцент Самарской гуманитарной академии, г. Самара, e-mail: listarh@list.ru.

20. **Котляр Полина Сергеевна**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: polikotsob@mail.ru.

21. **Либерман Самсон Александрович**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: samsonliberman@gmail.com.

22. **Меньчиков Геннадий Павлович**, доктор философских наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: menchikovgp@mail.ru.

23. **Николаева Евгения Михайловна**, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: kaisa1011@rambler.ru.

24. **Нуруллин Рафаиль Асгатович**, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: nurulla958@mail.ru.

25. **Орешина Светлана Сергеевна**, магистрант Московского Городского Педагогического Университета, г. Москва, e-mail: fotiniya161995@rambler.ru.

26. **Плотичкина Наталья Викторовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар, e-mail: oochronos@mail.ru.

27. **Пономарёв Алексей Михайлович**, доктор философских наук, директор Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, г. Ижевск, e-mail: atr08@mail.ru.

28. **Родичева Ирина Сергеевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск, e-mail: iriy.rodicheva@yandex.ru.

29. **Рыбаков Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Псковского государственного университета, г. Псков, e-mail: nik-rybakov@yandex.ru.

30. **Сабурова Людмила Альбертовна**, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Ижевск, e-mail: sabur@udm.ru.

31. **Сайкина Гузель Кабировна**, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: gusels@rambler.ru.

32. **Смирнов Роман Камилевич**, кандидат философских наук, доцент Казанского филиала ФГБОУ ВО «ВГУВТ», г. Казань, e-mail: roman-kazan2008@yandex.ru.

33. **Смирнов Сергей Витальевич**, кандидат физико-математических наук, доцент Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова, г. Ижевск, e-mail: smiservit@gmail.com.

34. **Солодухо Натан Моисеевич**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева, г. Казань, e-mail: natsolod@bk.ru.

35. **Тайсина Эмилия Анваровна**, доктор философских наук, профессор Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: emily_tajsin@inbox.ru.

36. **Терещенко Наталья Анатольевна**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: tereshenko_tata@mail.ru.

37. **Фатенков Алексей Николаевич**, доктор философских наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, e-mail: fatenkov@fjn.unn.ru.

38. **Федорова Жанна Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского Государственного Энергетического Университета, г. Казань, e-mail: fedorova_zhanna_v@mail.ru.

39. **Халитов Тимур Ниазович**, кандидат философских наук, доцент Казанской государственной консерватории, г. Казань.

40. **Храмова Ксения Вячеславовна**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, e-mail: khramkv@mail.ru.

41. **Цзэн Жун**, доктор философии, профессор Гуандунского университета международных исследований, постдокторант

партийной школы ЦК КПК (Китайская Народная Республика),
e-mail: zengrong@cass.org.cn.

42. **Шалагин Сергей Викторович**, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры компьютерных систем КНИТУ-КАИ, г. Казань, e-mail: sshalagin@mail.ru.

43. **Шалагина Гульнара Эдуардовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки КНИТУ, г. Казань, e-mail: galanova@rambler.ru.

44. **Шатунова Татьяна Михайловна**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, e-mail: shatunovat@mail.ru.

45. **Яковлева Елена Людвиговна**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, г. Казань, e-mail: mifoigra@mail.ru.

46. **Яцюк Ольга Григорьевна**, доктор искусствоведения, кандидат технических наук, профессор Национального института дизайна, заведующая кафедрой Мультимедиа в дизайне, г. Москва, e-mail: olga.grig.prof@gmail.com.

Научное издание

**«ОБЩЕСТВО 5.0»:
ПАРАДОКСЫ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО**

VII САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
Международной научно-образовательной конференции
15–16 ноября 2019 г., г. Казань**

Компьютерная верстка
А.И. Галиуллиной

Дизайн обложки
П.С. Котляр

Подписано в печать 25.10.2019.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 17,4.
Уч.-изд. л. 14,21. Тираж 500 экз. Заказ 255/10

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60